

во весь голос

Во весь голос

Soviet poetry

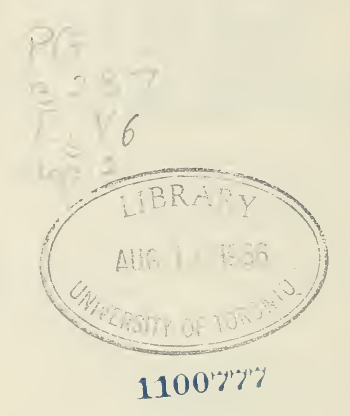
PROGRESS
PUBLISHERS
MOSCOW

COMPILED BY VLADIMIR OGNYEV

Biographical Notes and Commentary by Nina Shulgina

Translated by Bernard Meares

Designed by Vladimir Levinson

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Сборник стихов советских поэтов

(*с комментарием на английском языке*)

FOREWORD

This anthology of Modern Russian Verse is designed for the foreign reader wanting to improve his knowledge of Russian literature. As it is also intended for use as an aid by the student of Russian, poets included in this selection are not always represented by their main works. Many poems which a Russian would consider a must for any anthology claiming to introduce the reader to the best or most characteristic work of a given poet are not included here, for the simple reason that the complexity of their language is likely to render them incomprehensible to a non-Russian.

The compilers have tried to include as far as possible poems which the foreign reader can best understand. To help in this we provide a commentary at the end of the book, where some of the reader's difficulties as regards the content of the poems are explained or translated. This commentary covers many different aspects, ranging from difficulties of word association to explanations of metaphors, complexities of syntax, lexical problems and words outside the average student's vocabulary. Also included are short biographical details of the poets represented.

In the limited space available to such an anthology, it would be difficult to give more than a brief outline of the main tendencies in Russian poetry from 1917. The Russian literary scene at the time of the Revolution was occupied by a plethora of currents and groupings. Of the more important schools of poetry, symbolism and acmeism were both on the wane, while the futurist poets were

just beginning to make their voices heard and the imaginists were emerging*.

Indeed all the great poets of the early Soviet period: Blok, Yesenin, Mayakovsky and Akhmatova, each representative of one of the above schools, by the scope of their talent or their natural development, could not be held within the framework of the poetical doctrine which commanded their allegiance. Blok for example outgrew symbolism, Yesenin eventually found imaginism distasteful, and Vladimir Mayakovsky cast off his futurist garb.

The early Soviet period was also the time when proletarian poetry flourished, a movement represented by a whole generation of talented poets: Tikhonov, Isakovsky, Svetlov, Utkin, Lugovskoy, Prokofiev, Surkov and others. From all these movements, out of polemic and friendship, from co-operation and struggle Soviet poetry was born.

---

* Russian symbolism, with its poetic doctrines based originally on the Baudelairean concept of 'correspondances', had its native roots as well. Tyutchev and Solovyev, with their mystic apprehension of a world concealed behind reality, were just as important to the symbolists as Baudelaire's idea of the world as a forest of symbols or Verlaine's cultivation of musicality in verse.

Acmeism emerged out of the symbolist movement in opposition to it, but using some of its techniques. It was based on a rejection of the musical techniques and laid stress on logical meanings of words, precise and concise imagery.

Futurism's inspiration came from Italy but like symbolism when transplanted on to Russian soil, came to have little in common with its Western brother. Mayakovsky and Khlebnikov were among those who signed the first futurist manifesto (entitled *A Slap in the Face of Public Taste*); the movement was an attempt to bring poetry out of the Ivory Tower preceding generations of poets had put it in, bring it down to earth and involve it in everyday life. It produced coarse and emotional poetry, often of incomparable ruggedness and strength.

Imaginism, with its accent on the image to the detriment of consequential content, its accentuation of the beauty of imagery and its lyricism, was very much more transient that the other schools mentioned and is only noteworthy in that Yesenin for a time adhered to its canons.

This anthology includes poets of different groups and different generations—from Blok, the great poet of the earliest years of the 20th century, to that talented pleiade of the contemporary younger generation—Yevgeny Yevtushenko, Robert Rozhdestvensky, Bella Akhmadulina and Andrei Voznesensky.

With a few exceptions, the poems are arranged in chronological order, using as a basis the date when the poets began to write poetry seriously. The poets who began to write before the Revolution have their poetry divided into two sections: Pre- and Post 1917. Blok is an exception, for nothing written by him after the Revolution, in particular *The Twelve*, could be included here because of the complex language difficulties inherent in his later poetry.

The wide range of poets with differing talents and themes represented in this volume should indicate to the reader how complex and long has been the path pursued by Soviet poetry in the course of the almost fifty years since the Revolution. Sergei Yesenin with his originality and lyricism, the poet of the Russian countryside; Vladimir Mayakovsky, the herald of the Revolution with his twentieth century idiom and novel approach; his brother citizen poets Ilya Selvinsky and Eduard Bagritsky, who also strove to find new forms, all these are included in this collection. Here too, such Soviet poets from the older generation as Aseev, Tikhonov, Svetlov, Lugovskoy and Antokolsky representing the Civil War strain in Soviet literature, find a place along with Alexander Tvardovsky, Mikhail Isakovsky and Alexei Surkov, whose particular contributions to Soviet poetry are the musicality and imagery of the Russian folk tradition. From yet another side, the poets of pure verse—Boris Pasternak, Marina Tsvetayeva and Anna Akhmatova, find ample opportunity within the scope of this anthology to plumb the depths of Man's soul in all its complexity and inexhaustibility. Well represented too are the poets of the middle generation—Konstantin Simonov, Margarita Aliger, Semyon Gudzenko, Alexander Mezhi-

rov, or Boris Slutsky—preoccupied by themes from the last war, the problems of life and death, duty and the responsibility of their generation.

In the last few years a new younger generation of poets has appeared, bringing with it a new flowering of lyricism and greater depth in its analysis of social phenomena. It is a period in which wide creative horizons have opened before the arts providing great opportunities for artistic experimentation, a really new period in Soviet poetry, with the young poets able to work shoulder to shoulder with their elder brothers.

The publishers hope that this anthology will give its readers a first impression of the long and complex path that Soviet poetry has followed in the course of its development and that it will stimulate interest in making a deeper acquaintanceship with it.

АЛЕКСАНДР БЛОК

* * *

О, весна́ без конца́ и без кра́ю —
Без конца́ и без кра́ю мечта́!
Узнаю́ тебя́, жизнь! Принима́ю!
И приве́тствую зво́ном щита́!

Принима́ю тебя́, неуда́ча,
И уда́ча, тебе́ мой приве́т!
В заколдо́ванной о́бласти пла́ча,
В та́йне сме́ха — позо́рного нет!

Принима́ю бессо́нные спо́ры,
Утро в за́весах тёмных окна́*,
Чтоб мои́ воспалённые взо́ры*
Раздража́ла, пьяни́ла весна́!

Принима́ю пусты́нные ве́си*
И коло́дцы земны́х городо́в!
Осветлённый просто́р поднебе́сий*
И томле́ния ра́бьих* трудо́в!

И встреча́ю тебя́ у поро́га —
С бу́йным ве́тром в змеи́ных кудря́х*,
С неразга́данным и́менем бо́га*
На холо́дных и сжа́тых губа́х...

Пе́ред э́той вражду́ющей встре́чей
Никогда́ я не бро́шу щита́*...
Никогда́ не откро́ешь ты пле́чи...
Но над на́ми — хмельна́я мечта́*!

И смотрю́, и вражду́ измеря́ю,
Ненави́дя, кляня́ и любя́:
За муче́нья, за ги́бель — я зна́ю —
Всё равно́: принима́ю тебя́!

24 октября 1907

РОССИЯ

Опя́ть, как в го́ды золоты́е,
Три стёртых тре́плются шлей*,
И вя́знут спи́цы расписны́е*
В расхля́банные колеи́*...

Росси́я, ни́щая Росси́я,
Мне и́збы се́рые твои́,
Твои́ мне пе́сни ветровы́е* —
Как слёзы пе́рвые любви́!

Тебя́ жале́ть я не уме́ю,
И крест свой бе́режно несу́*...

Како́му хо́чешь чароде́ю*
Отда́й разбо́йную* красу́!

Піска́й зама́нит* и обма́нет, —
Не пропадёшь, не сги́нешь* ты,
И лишь забо́та затума́нит
Твои́ прекра́сные черты́...

Ну, что ж? Одно́й забо́той бо́ле —
Одно́й слезо́й река́ шумне́й,
А ты всё та́ же — лес, да по́ле,
Да плат узо́рный* до брове́й...

И невозмо́жное возмо́жно,
Доро́га до́лгая легка́,
Когда́ блеснёт в дали́ доро́жной
Мгнове́нный взор из-под платка́,
Когда́ звени́т тоско́й остро́жной*
Глуха́я пе́сня ямщика́*!..

18 октября 1908

* * *

Свои́ми го́рькими слеза́ми
Над на́ми пла́кала весна́.
Ого́нь мерца́л за камыша́ми,
Дразня́ лихо́го скакуна́*...

Опя́ть звала́ бесчелове́чным,
Ты, о́тданная мне давно́!..

Но ве́тром бу́йным, ве́тром встре́чным
Твоё лицо́ опалено́*...

Опя́ть — бесси́льно и напра́сно —
Ты отстраня́лась от огня́...
Но да́же не́бо бы́ло стра́стно,
И не́бо бы́ло за меня́!..

И ста́ло всё равно́, каки́е
Лобза́ть уста́, ласка́ть плеча́*,
В каки́е у́лицы глухи́е*
Гнать удало́го лихача́*...

И всё равно́, чей вздох, чей шёпот, —
Быть мо́жет, здесь уже́ не ты...
Лишь скакуна́ неро́вный то́пот,
Как бы с далёкой высоты́...

Так — сведены́ с ума́ мгнове́ньем* —
Мы отдава́лись вновь и вновь,
Гордя́сь свои́м уничтоже́ньем,
Твои́м превра́тностям*, любо́вь!

Тепе́рь, когда́ мне звёзды бли́же,
Чем та неистовая* ночь,
Когда́ ещё безме́рно ни́же
Ты па́ла, униже́нья дочь,

Когда́ оди́н с сами́м собо́ю
Я проклина́ю ка́ждый день, —
Тепе́рь прохо́дит предо мно́ю
Твоя́ разве́нчанная тень*...

С благоволе́ньем*? Иль с уко́ром*?
Иль ненави́дя, мстя, скорбя́?
Иль хо́чешь быть мне пригово́ром? —
Не зна́ю: я забы́л тебя́.

20 ноября 1908

* * *

О до́блестях, о по́двигах, о сла́ве*
Я забыва́л на го́рестной земле́,
Когда́ твоё лицо́ в просто́й опра́ве*
Передо мно́й сия́ло на столе́.

Но час наста́л, и ты ушла́ из до́му.
Я бро́сил в ночь заве́тное кольцо́*.
Ты отдала́ свою́ судьбу́ друго́му,
И я забы́л прекра́сное лицо́.

Лете́ли дни, крутя́сь прокля́тым ро́ем*...
Вино́ и страсть терза́ли жизнь мою́...
И вспо́мнил я тебя́ пред анало́ем*,
И звал тебя́, как мо́лодость свою́...

Я звал тебя́, но ты не огляну́лась,
Я слёзы лил, но ты не снизошла́*.
Ты в си́ний плащ печа́льно заверну́лась,
В сыру́ю ночь ты и́з дому ушла́.

Не зна́ю, где прию́т своей горды́не*
Ты, ми́лая, ты, не́жная, нашла́...
Я кре́пко сплю, мне снится плащ твой си́ний,
В кото́ром ты в сыру́ю ночь ушла́...

Уж не мечта́ть о не́жности, о сла́ве,
Всё минова́лось*, мо́лодость прошла́!
Твоё лицо́ в его́ просто́й опра́ве
Свое́й руко́й убра́л я со стола́.

30 декабря 1908

* * *

Там челове́к сгоре́л.
*Фет**

Как тяжело́ ходи́ть среди́ люде́й
И притворя́ться непоги́бшим,
И об игре́ траги́ческой страсте́й
Повествова́ть ещё не жи́вшим.

И, вгля́дываясь в свой ночно́й кошма́р,
Строй находи́ть в нестро́йном ви́хре чу́вства,
Что́бы по бле́дным за́ревам иску́сства*
Узна́ли жи́зни ги́бельной пожа́р!

10 февраля 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ*

*Марии Па́вловне Ивано́вой**

Под на́сыпью, во рву́ неко́шенном*,
Лежи́т и смо́трит, как жива́я,
В цветно́м платке́, на ко́сы бро́шенном,
Краси́вая и молода́я.

Бывáло, шла похóдкой чи́нною*
На шум и свист за бли́жним лéсом.
Всю обойдя́ платфóрму дли́нную,
Ждалá, волнýясь, под навéсом.

Три я́рких глáза набегáющих —
Нежнéй румя́нец, крýче лóкон*:
Быть мóжет, кто из проезжáющих
Посмóтрит при́стальней из óкон...

Вагóны шли привы́чной ли́нией,
Подрáгивали и скрипéли;
Молчáли жёлтые и си́ние;
В зелёных плáкали и пéли*.

Вставáли сóнные за стёклами
И обводи́ли рóвным взгля́дом
Платфóрму, сад с кустáми блёклыми*,
Её, жандáрма с нéю ря́дом...

Лишь раз гусáр, рукóй небрéжною
Облокотя́сь на бáрхат áлый,
Скользнýл по ней улы́бкой нéжною...
Скользнýл — и пóезд в даль умчáло.

Так мчáлась ю́ность бесполéзная,
В пусты́х мечтáх изнемогáя*...
Тоскá дорóжная, железная
Свистéла, сéрдце разрывáя...

Да что — давнó уж сéрдце вы́нуто*!
Так мнóго óтдано поклóнов,

Так мно́го жа́дных взо́ров ки́нуто
В пусты́нные глаза́ ваго́нов...

Не подходи́те к ней с вопро́сами,
Вам всё равно́, а ей — дово́льно:
Любо́вью, гря́зью иль колёсами
Она́ разда́влена — всё бо́льно.

14 июня 1910

* * *

Ночь, у́лица, фона́рь, апте́ка,
Бессмы́сленный и ту́склый свет.
Живи́ ещё хоть че́тверть ве́ка —
Всё бу́дет так. Исхо́да нет.*

Умрёшь — начнёшь опя́ть снача́ла,
И повтори́тся всё, как встарь*:
Ночь, ледяна́я рябь* кана́ла,
Апте́ка, у́лица, фона́рь.

10 октября 1912

* * *

Я — Га́млет.* Холоде́ет кровь,
Когда́ плетёт кова́рство се́ти*,
И в се́рдце — пе́рвая любо́вь
Жива́ — к еди́нственной на све́те.

Тебя́, Офе́лию мою́,
Увёл далёко жи́зни хо́лод,
И ги́бну, принц, в родно́м краю́
Клинко́м отра́вленным зако́лот.

6 февраля 1914

* * *

Земно́е се́рдце сты́нет вновь,
Но сту́жу* я встреча́ю гру́дью.
Храню́ я к лю́дям на безлю́дьи*
Неразделённую любо́вь.

Но за любо́вью — зре́ет гнев,
Растёт презре́нье и жела́нье
Чита́ть в глаза́х муже́й и дев
Печа́ть забве́нья, иль избра́нья*.

Пуска́й зову́т: Забу́дь, поэ́т!
Верни́сь в краси́вые ую́ты!
Нет! Лу́чше сги́нуть* в сту́же лю́той!
Ую́та — нет. Поко́я — нет.

1911 — 6 февраля 1914

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

РАБОТА

Еди́ное сча́стье — рабо́та,
В поля́х, за станко́м, за столо́м, —
Рабо́та до жа́ркого по́та,
Рабо́та без ли́шнего счёта*, —
Часы́ за упо́рным трудо́м.

Иди́ неукло́нно за плу́гом,
Рассчи́тывай взма́хи косы́,
Клони́сь к лошади́ным подпру́гам*,
Доко́ль* не заблéщут над лу́гом
Алма́зы вече́рней росы́!

На фа́брике в шу́ме стозво́нном*
Маши́н, и колёс, и ремне́й
Запо́лни с лицо́м непрекло́нным
Свой день в череду́ миллио́нном
Рабо́чих, прее́мственных дней!*

Иль — со́гнут над бе́лой страни́цей, —
Что се́рдце дикту́ет, пиши́:
Пусть не́бо зажжётся денни́цей*, —
Всю ночь выводи́ верени́цей
Заве́тные мы́сли души́!*

Посе́янный хлеб разойдётся
По ми́ру; с гудя́щих станко́в
Пото́к животво́рный* польётся;
Печа́тная мысль отзовётся
Во глу́би* бессчётных умо́в.

Рабо́тай! Незри́мо*, чуде́сно
Рабо́та, как сев, прорастёт.
Что ста́нет с плода́ми, — безве́стно,
Но бла́гостно*, вла́гой небе́сной,
Труд вся́кий падёт на наро́д!

Вели́кая ра́дость — рабо́та,
В поля́х, за станко́м, за столо́м!
Рабо́тай до жа́ркого по́та,
Рабо́тай без ли́шнего счёта, —
Всё сча́стье земли́ — за трудо́м!

1917

* * *

Я выраста́л в глухо́е вре́мя,
Когда́ весь мир был глух и тих,
И лю́дям жить каза́лось в бре́мя*,
А слу́ху был не ну́жен стих.

Но смутно слышалось мне в безднах
Невнятный гул, далёкий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом*.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь*,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен*.
И вот предстали в рдяном* свете,
Горя, Цусима и Мукден*.

Год пятый прошумел, далёкой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрём сменён Февраль.*

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

1920

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послу́шайте!
Ведь, е́сли звёзды зажига́ют —
зна́чит — э́то кому́-нибудь ну́жно?
Зна́чит — кто́-то хо́чет, что́бы они́ бы́ли?
Зна́чит — кто́-то называ́ет э́ти плево́чки*
жемчу́жиной?
И, надрыва́ясь
в мете́лях полу́денной пы́ли*,
врыва́ется к бо́гу,
бои́тся, что опозда́л,
пла́чет,
целу́ет ему́ жи́листую* ру́ку,
про́сит —
чтоб обяза́тельно была́ звезда́! —
клянётся —
не перенесёт э́ту беззвёздную му́ку!

А по́сле
хо́дит трево́жный,
но споко́йный нару́жно.
Говори́т кому́-то:
«Ведь тепе́рь тебе́ ничего́?
Не стра́шно?*
Да?!»
Послу́шайте!
Ведь, е́сли звёзды
зажига́ют —
зна́чит — э́то кому́-нибудь ну́жно?
Зна́чит — э́то необходи́мо,
что́бы ка́ждый ве́чер
над кры́шами
загора́лась хоть одна́ звезда́?!

1914

ЮБИЛЕЙНОЕ*

Алекса́ндр Серге́евич,
                разреши́те предста́виться.
                                Маяко́вский.
Да́йте ру́ку!
        Вот грудна́я кле́тка.
                Слу́шайте,
                        уже́ не стук, а стон;
трево́жусь я о нём,
                в щенка́ смирённом львёнке*.
Я никогда́ не знал,
                что сто́лько
                        ты́сяч тонн

в моéй
позóрно легкомы́слой* головёнке.
Я тащу́ вас.
Удивля́етесь, конéчно?
Сти́снул?*
Бóльно?
Извини́те, дорогóй*.
У меня́,
да и у вас
в запáсе вéчность.
Что нам
потеря́ть
часóк-другóй*?!
Бу́дто бы водá —
давáйте
мчать, болтáя,
бу́дто бы веснá —
свобóдно
и раскóванно!*
В нéбе вон*
лунá
такáя молодáя,
что её
без спу́тников
и выпускáть рискóванно.
Я
тепéрь
свобóден
от любви́
и от плакáтов.
Шку́рой
рéвности медвéдь
лежи́т когти́ст.*

Мо́жно убеди́ться,
что земля́ пока́та*, —
сядь
на со́бственные я́годицы
и кати́сь!*
Нет,
не навяжу́сь в меланхоли́шке чёрной*,
да и разгова́ривать не хо́чется
ни с кем.
То́лько
жа́бры рифм
топы́рит учащённо
у таки́х, как мы,
на поэти́ческом песке́.*
Вред — мечта́,
и бесполе́зно гре́зить,
на́до
весть
служе́бную нуду́*.
Но быва́ет —
жизнь
встаёт в друго́м разре́зе*,
и большо́е
понима́ешь
че́рез ерунду́*.
На́ми
ли́рика
в штыки́
неоднокра́тно атако́вана*,
и́щем ре́чи
то́чной
и наго́й*.

Но поэ́зия —
пресволочне́йшая штуко́вина*:
существу́ет —
и ни в зуб ного́й*.
Наприме́р,
вот э́то —
говори́тся и́ли бле́ется*?
Синемо́рдое,
в ора́нжевых уса́х,
Навуходоно́сором
библе́йцем —
«Коопса́х».*
Да́йте нам стака́ны!
зна́ю
спо́соб ста́рый
в го́ре
дуть вини́ще*,
но смотри́те —
из
выплыва́ют
Red и White Star'ы
с во́рохом
разнообра́зных виз*.
Мне прия́тно с ва́ми, —
рад,
что вы у сто́лика.
Му́за э́то
ло́вко
за язы́к вас тя́нет*.
Как э́то
у вас
гова́ривала Ольга?..

Да не Ольга!
из письма́
Оне́гина к Татья́не.
— Де́скать,
муж у вас
дура́к
и ста́рый ме́рин*,
я люблю́ вас,
бу́дьте обяза́тельно моя́,
я сейча́с же,
у́тром, до́лжен быть уве́рен,
что с ва́ми днём уви́жусь я*. —
Бы́ло вся́кое:
и под окно́м стоя́ние*,
пи́сьма,
тря́ски не́рвное желе́*.
Вот
когда́
и горева́ть не в состоя́нии —
э́то,
Алекса́ндр Серге́ич,
мно́го тяжеле́й.
Айда́*, Маяко́вский!
Мая́чь на юг!*
Се́рдце
ри́фмами вы́мучь* —
вот
и любви́ пришёл каю́к*,
дорого́й Влади́м Влади́мыч.
Нет,
не ста́рость э́тому и́мя!

Ту́шу
вперёд стремя́*,
я
с удово́льствием
справлю́сь с двоими,
а разозли́ть —
и с тремя́.
Говоря́т —
я те́мой и-н-д-и-в-и-д-у-а́-л-е-н!
Entre nous...
чтоб це́нзор не наци́кал*.
Переда́м вам —
говоря́т —
вида́ли
да́же
двух
влюблённых членов ВЦИКа*.
Вот —
пусти́ли сплетню,
те́шат ду́шу е́ю.
Алекса́ндр Серге́ич,
да не слу́шайте ж вы их!
Мо́жет,
я
оди́н
действи́тельно жале́ю,
что сего́дня
не́ту вас в живы́х.
Мне
при жи́зни
с ва́ми
сговори́ться б на́до.

Ско́ро вот
и я
умру́
и бу́ду нем.
По́сле сме́рти
нам
стоя́ть почти́ что ря́дом:
вы на Пе,
а я
на эМ.
Кто меж на́ми?
С кем вели́те зна́ться?!
Чересчу́р
страна́ моя́
поэ́тами нища́.
Ме́жду на́ми
— вот беда́ —
позатеса́лся* На́дсон*.
Мы попро́сим,
чтоб его́
куда́-нибудь
на Ща!
А Некра́сов*
Ко́ля,
сын поко́йного Алёши —
он и в ка́рты,
он и в стих,
и так
непло́х на вид*.
Зна́ете его́?
Вот он
мужи́к хоро́ший.

Этот
нам компа́ния —
пуска́й стои́т.
Что ж о совреме́нниках?!
Не просчита́лись бы*,
за вас
полсо́тни о́тдав.
От зево́ты
ску́лы
развора́чивает аж!*
Дорого́йченко,
Гера́симов,
Кири́ллов,
Ро́дов* —
како́й
однаробра́зный пейза́ж!*
Ну, Есе́нин*,
мужико́вствующих сво́ра*.
Смех!
Коро́вою
в перча́тках ла́ечных.
Раз послу́шаешь...
но э́то ведь из хо́ра!
Балала́ечник!
На́до,
чтоб поэ́т
и в жи́зни был маста́к*.
Мы крепки́,
как спирт в полта́вском што́фе*.
Ну, а что вот Безыме́нский*?!
Так...

ничего́...
морко́вный ко́фе.
Пра́вда,
есть
у нас
Асе́ев*
Ко́лька.
Этот мо́жет.
Хва́тка* у него́
моя́.
Но ведь на́до
зарабо́тать ско́лько!
Ма́ленькая,
но семья́.
Бы́ли б жи́вы —
ста́ли бы
по Ле́фу* середа́ктор.
Я бы
и аги́тки*
вам дове́рить мог.
Раз бы показа́л:
— вот та́к-то, мол,
и та́к-то ..
Вы б смогли́ —
у вас
хоро́ший слог.
Я дал бы вам
жи́ркость*
и су́кна,
в рекла́му бы
вы́дал
гу́мских дам*.

(Я да́же
я́мбом подсюсю́кнул*,
чтоб то́лько
быть
прия́тней вам.)
Вам тепе́рь
пришло́сь бы
бро́сить ямб карта́вый*.
Ны́нче
на́ши пе́рья —
штык
да зу́бья вил, —
би́твы революций
посерьёзнее «Полта́вы»*,
и любо́вь
пограндио́знее
оне́гинской любви́.
Бо́йтесь пушкини́стов*.
Старомо́згий Плю́шкин*,
пёрышко держа́,
поле́зет
с перержа́вленным.
— То́же, мол,
у ле́фов
появи́лся
Пу́шкин.
Вот ара́п!*
А состяза́ется —
с Держа́виным*... —
Я люблю́ вас,
но живо́го,
а не му́мию.

Навели́
хрестомати́йный гля́нец.*
Вы,
по-мо́ему,
при жи́зни
— ду́маю —
то́же бушева́ли*,
Африка́нец!
Су́кин сын Данте́с!*
Великосве́тский шко́да*.
Мы б его́ спроси́ли:
— А ва́ши кто роди́тели?*
Чем вы занима́лись
до 17-го го́да? —
То́лько э́того Данте́са бы и ви́дели.*
Впро́чем,
что ж болта́нье*!
Спирити́зма вро́де.
Так сказа́ть,
нево́льник че́сти*...
пу́лею сражён...
Их
и по сего́дня
мно́го хо́дит —
вся́ческих
охо́тников
до на́ших жён.
Хорошо́ у нас
в Стране́ Сове́тов.
Мо́жно жить,
рабо́тать мо́жно дру́жно.

Только вот
поэтов,
к сожаленью, нету, —
впрочем, может,
это и не нужно.
Ну, пора:
рассвет
лучища выкалил*.
Как бы
милиционер
разыскивать не стал.*
На Тверском бульваре
очень к вам привыкли.*
Ну, давайте
подсажу
на пьедестал.
Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину*.
Заложил бы
динамиту
— ну-ка
дрызнь!*
Ненавижу
всяческую мертвечину*!
Обожаю
всяческую жизнь!

1924

БЛЕК ЭНД УАЙТ

Если
Гава́нну
оки́нуть ми́гом* —
рай-страна́,
страна́ что на́до*.
Под па́льмой
на но́жке
стоя́т флами́нго.
Цветёт
колла́рио*
по всей Веда́до*.
В Гава́нне
всё
разграни́чено чётко:
у бе́лых до́ллары,
у чёрных — нет.
Поэ́тому
Ви́лли
стои́т со щёткой
у «Энри Клей энд Бок, лимите́йд»*.
Мно́го
за жизнь
повы́мел Ви́лли —
одни́х пыли́нок
це́лый лес, —
поэ́тому
во́лос у Ви́лли
вы́лез,

поэ́тому
живо́т у Ви́лли
влез*.
Мал его́ ра́достей ту́склый спектр:
шесть часо́в поспа́ть на боку́,
да ра́зве что*
вор,
портово́й инспе́ктор,
ки́нет
не́гру
цент на бегу́.
От э́той гря́зи скро́ешься ра́зве?
Ра́зве что
ста́ли б
ходи́ть на голове́.
И то
намели́ бы
бо́льше гря́зи:
воло́сьев ты́щи*,
а ног —
две.
Ря́дом шла
наря́дная Пра́до*.
То звя́кнет,
то вспы́хнет
трехвёрстный джаз*.
Ду́рню* пока́жется,
что и взапра́вду*
бы́вший рай
в Гава́нне как раз.
В мозгу́ у Ви́лли
ма́ло изви́лин,

ма́ло всхо́дов,
мало посе́ва.
Одно́
еди́нственное
вы́зубрил Ви́лли
твёрже,
чем ка́мень
па́мятника Масе́о*:
«Бе́лый
ест
анана́с спе́лый,
чёрный —
гни́лью мочёный.
Бе́лую рабо́ту
де́лает бе́лый,
чёрную рабо́ту —
чёрный».
Ма́ло вопро́сов Ви́лли сверли́ли*.
Но оди́н был
закорю́ка из закорю́к*.
И когда́
вопро́с э́тот
влеза́л в Ви́лли,
щётка
па́дала
из Ви́ллиных рук.
И на́до же случи́ться,
что́бы* как раз тогда́
к королю́ сига́рному
Энри Клей
пришёл,
беле́й, чем облако́в стада́,

величественнейший из сахарных королей.
Негр
подходит
к туше дебелой*:
«Ай бэг ёр пардон, мистер Брэгг!
Почему и сахар,
белый-белый,
должен делать
чёрный негр?
Чёрная сигара
не идёт в усах вам, —
она для негра
с чёрными усами.
А если вы
любите
кофий с сахаром,
то сахар
извольте
делать сами».
Такой вопрос
не проходит даром.
Король
из белого
становится жёлт.
Вывернулся
король
сообразно с ударом,
выбросил обе перчатки*
и ушёл.
Цвели
кругом
чудеса ботаники.

Бана́ны
сплета́ли
сплошно́й кров.
Вы́тер
негр
о бе́лые подшта́нники
ру́ку,
с но́са утёршую кровь.
Негр
посопе́л подби́тым но́сом,
по́днял щётку,
держа́сь за скулу́.
Отку́да знать ему́,
что с таки́м вопро́сом
на́до обраща́ться
в Коминте́рн,
в Москву́?

1925

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ*

Пароxо́ду и челове́ку

Я неда́ром вздро́гнул.
Не загро́бный вздор.
В порт,
горя́щий,
как распла́вленное ле́то*,
развора́чивался
и входи́л
това́рищ «Теодо́р
Не́тте».

Это — он.
Я узнаю́ его́.
В блю́дечках-очка́х спаса́тельных круго́в.
— Здра́вствуй, Не́тте!
Как я рад, что ты живо́й
ды́мной жи́знью труб,
кана́тов
и крюко́в.
Подойди́ сюда́!
Тебе́ не ме́лко?
От Бату́ма*,
чай*, котла́ми покипе́л...
По́мнишь, Не́тте, —
в бы́тность челове́ком
ты пива́л чай*
со мно́ю в дип-купе́*?
Ме́длил ты.
Захра́пывали со́ни.*
Глаз кося́
в печа́ти сургуча́*,
напролёт
болта́л о Ро́мке Якобсо́не*
и смешно́ поте́л,
стихи́ уча́.
Засыпа́л к утру́.
Куро́к
аж па́лец свёл*...
Су́ньтеся —
кому́ охо́та!*
Ду́мал ли,
что че́рез год всего́

встре́чусь я
с тобо́ю —
с парохо́дом.
За кормо́й луни́ща*.
Ну и здо́рово!*
Залегла́,
просто́ры на́двое порва́в.
Бу́дто на́век
за собо́й
из би́твы коридо́ровой
тя́нешь след геро́я,
све́тел и крова́в.*
В коммуни́зм из кни́жки
ве́рят сре́дне*.
«Ма́ло ли
что мо́жно
в кни́жке намоло́ть!»*
А тако́е —
оживи́т внеза́пно «бре́дни»*
и пока́жет
коммуни́зма
естество́ и плоть.
Мы живём,
зажа́тые
желе́зной кля́твой.
За неё —
на крест*,
и пу́лею чеши́те*:
э́то —
что́бы в ми́ре
без Росси́й,
без Ла́твий

жить еди́ным
человечьим общежи́тьем.
В на́ших жи́лах —
кровь, а не води́ца.
Мы идём
сквозь револьве́рный лай*,
что́бы,
умира́я,
воплоти́ться
в парохо́ды,
в стро́чки
и в други́е до́лгие дела́.
Мне бы жить и жить,
сквозь го́ды мчась.
Но в конце́ хочу́ —
други́х жела́ний не́ту —
встре́тить я хочу́
мой сме́ртный час
так,
как встре́тил смерть
това́рищ Не́тте.

15 июля 1926

ЛИЛИЧКА!*

Вме́сто письма́

Дым таба́чный во́здух вы́ел.
Ко́мната —
глава́ в кручёныховском а́де*.
Вспо́мни —

за э́тим окно́м
впервы́е
ру́ки твой, исступлённый*, гла́дил.
Сего́дня сиди́шь вот,
се́рдце в желе́зе*.
День ещё —
вы́гонишь,
мо́жет быть, изруга́в.
В му́тной пере́дней до́лго не вле́зет
сло́манная дро́жью рука́ в рука́в.
Вы́бегу,
те́ло в у́лицу бро́шу я.
Ди́кий,
обезу́млюсь,
отча́яньем иссеча́сь.*
Не на́до э́того,
дорога́я,
хоро́шая,
дай прости́мся сейча́с.
Всё равно́
любо́вь моя́ —
тя́жкая ги́ря ведь —
виси́т на тебе́,
куда́ ни бежа́ла б.
Дай в после́днем кри́ке вы́реветь
го́речь оби́женных жа́лоб*.
Если быка́ трудо́м умо́рят* —
он уйдёт,
разля́жется в холо́дных во́дах.
Кро́ме любви́ твое́й,
мне
не́ту мо́ря,

а у любви́ твое́й и пла́чем не вы́молишь о́тдых.
Захо́чет поко́я уста́вший слон —
ца́рственный ля́жет в опожа́ренном* песке́.
Кро́ме любви́ твое́й,
мне
не́ту со́лнца,
а я и не зна́ю, где ты и с кем.
Если б так поэ́та изму́чила,
он
люби́мую на де́ньги б и сла́ву вы́менял*,
а мне
ни оди́н не ра́достен звон,
кро́ме зво́на твоего́ люби́мого и́мени.
И в пролёт* не бро́шусь,
и не вы́пью я́да,
и куро́к не смогу́ над виско́м нажа́ть.
Надо мно́ю,
кро́ме твоего́ взгля́да,
не вла́стно ле́звие ни одного́ ножа́.
За́втра забу́дешь,
что тебя́ короно́ва́л,
что ду́шу цвету́щую любо́вью вы́жег,
и су́етных дней взметённый карнава́л*
растре́плет страни́цы мои́х кни́жек...
Слов мои́х сухи́е ли́стья ли
заста́вят останови́ться,
жа́дно дыша́?

Дай хоть
после́дней не́жностью вы́стелить
твой уходя́щий шаг*.

26 мая 1916

СТИХИ О РАЗНИЦЕ ВКУСОВ

Ло́шадь
сказа́ла,
взгляну́в на верблю́да:
«Кака́я
гига́нтская
ло́шадь-ублю́док*».
Верблю́д же
вскрича́л:
«Да ло́шадь ра́зве ты?!
Ты про́сто-на́просто —
верблю́д недора́звитый».
И знал лишь
бог седоборо́дый,
что э́то — живо́тные
ра́зной поро́ды.

1928

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

(из первого вступления в поэму)

Слу́шайте,
това́рищи пото́мки,
агита́тора,
горла́на-главаря́*.
Заглуша́
поэ́зии пото́ки,

я шагну́
        че́рез лири́ческие то́мики,
как живо́й
        с живы́ми говоря́.
Я к вам приду́
        в коммунисти́ческое далеко́
не так,
        как пе́сенно-есе́ненный прови́тязь*.
Мой стих дойдёт
        че́рез хребты́ веко́в
и че́рез го́ловы
        поэ́тов и прави́тельств.
Мой стих дойдёт,
        но он дойдёт не так, —
не как стрела́
        в аму́рно-ли́ровой охо́те*,
не как дохо́дит
        к нумизма́ту стёршийся пята́к*
и не как свет уме́рших звёзд дохо́дит.
Мой стих
        трудо́м
                грома́ду лет прорвёт
и я́вится
        весо́мо*,
                гру́бо,
                        зри́мо*,
как в на́ши дни
        вошёл водопрово́д,
срабо́танный
        ещё раба́ми Ри́ма.
В курга́нах* книг,
        похорони́вших стих,

желе́зки строк случа́йно обнару́живая,
вы
  с уваже́нием
        ощу́пывайте их,
как ста́рое,
      но гро́зное ору́жие.
Я
 у́хо
   сло́вом
      не привы́к ласка́ть;
ушку́ деви́ческому
        в завито́чках-волоска́х
с полупоха́бщины
        не разале́ться, тро́нуту*.
Пара́дом разверну́в
        мои́х страни́ц войска́,
я прохожу́
      по стро́чечному фро́нту*.
Стихи́ стоя́т
      свинцо́во тяжело́,
гото́вые и к сме́рти
        и к бессме́ртной сла́ве.
Поэ́мы за́мерли,
        к жерлу́* прижа́в жерло́
наце́ленных
      зия́ющих* загла́вий.
Ору́жия
    люби́мейшего род,
гото́вая
    рвану́ться в ги́ке*,

застыла
          кавалерия острот,
поднявши рифм
                    отточенные пики.

1930

ОБЛАКО В ШТАНАХ

(из поэмы)

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,
было в Одессе.

«Приду в четыре», — сказала Мария.

Восемь.
Девять.
Десять.

Вот и вечер
в ночную жуть
ушёл от окон,
хмурый,
декабрый*.

В дряхлую спину хохочут и ржут*
канделябры.

Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится*.

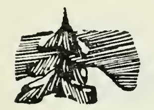
Что мо́жет хоте́ться э́такой глы́бе*?
А глы́бе мно́гое хо́чется!

Ведь для себя́ не ва́жно
и то, что бро́нзовый,
и то, что се́рдце — холо́дной желе́зкою*.
Но́чью хо́чется звон свой
спря́тать в мя́гкое,
в же́нское.

И вот,
грома́дный,
го́рблюсь в окне́,
Пла́влю лбом стекло́ око́шечное.
Бу́дет любо́вь и́ли нет?
Кака́я —
больша́я и́ли кро́шечная?

1915

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

МОЙ СТИХ

Пою́. Но ра́зве я «пою́»?
Мой го́лос огрубе́л в бою́,
И стих мой... бле́ску нет в его́ просто́м наря́де.
Не на сверка́ющей эстра́де
Пред «чи́стой пу́бликой», восто́рженно-немо́й,
И не под скри́пок стон чару́юще-напе́вный*
Я возвыша́ю го́лос мой —
Глухо́й, надтре́снутый*, насме́шливый и гне́вный.
Насле́дья тя́жкого неся́ прокля́тый груз,
Я не служи́тель муз:
Мой твёрдый, чёткий стих — мой по́двиг ежедне́вный
Родно́й наро́д, страда́лец трудово́й,
Мне ва́жен суд лишь твой,
Ты мне оди́н судья́ прямо́й, нелицеме́рный,
Ты, чьих наде́жд и дум я — вырази́тель ве́рный,
Ты, тёмных чьих угло́в я — «пёс сторожево́й»*!

1917

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная* метель,
И падают и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встаёт передо мною —
Смертельною тоской пронзённый день.

Казалося: земля с пути свернула.
Казалося: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок*,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть*,
И тысячи лаптишек* и опорок*,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

1925

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ

* * *

Сего́дня сно́ва я пойду́
Туда́, на жизнь, на торг*, на ры́нок,
И во́йско пе́сен поведу́
С прибо́ем ры́нка в поеди́нок!

1914

* * *

Когда́ умира́ют ко́ни — ды́шат,
Когда́ умира́ют тра́вы — со́хнут,
Когда́ умира́ют со́лнца — они́ га́снут,
Когда́ умира́ют лю́ди — пою́т пе́сни.

1913

* * *

Эй, моло́дчики-ку́пчики*,
Ветеро́к в голове́!*
В пугачёвском тулу́пчике*
Я иду́ по Москве́!

Не за тем высока́
Во́ля пра́вды у нас,
В соболя́х-рысака́х*
Чтоб ката́лись глумя́сь*.

Не за тем у врага́
Кровь лила́сь по дешёвке*,
Чтоб несли́ жемчуга́
Ру́ки ка́ждой торго́вки.
Не зуба́ми скрипе́ть
Но́чью до́лгою,
Бу́ду плыть — бу́ду пе́ть
До́ном-Во́лгою!
Я пошлю́ вперёд
Вечеро́вые custру́ги*,
Кто со мно́ю — в полёт?
А со мной — мои́ дру́ги*!

* * *

Го́ды, лю́ди и наро́ды
Убега́ют навсегда́,
Как теку́чая вода́.
В ги́бком зе́ркале приро́ды
Звёзды — не́вод, ры́бы — мы,
Бо́ги — при́зраки у тьмы.

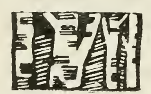
1916

* * *

Свобо́да прихо́дит нага́я*,
Броса́я на се́рдце цветы́,
И мы, с не́ю в но́гу шага́я*,
Бесе́дуем с не́бом на ты.
Мы, во́ины, стро́го уда́рим
Руко́й по суро́вым щита́м:
Да бу́дет наро́д госуда́рем
Всегда́, навсегда́, здесь и там!
Пусть де́вы спою́т у око́нца
Меж пе́сен о дре́внем похо́де
О верноподданном Со́лнца
Самодержа́вном наро́де*.

1917

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

* * *

Не жалéю, не зовý, не плáчу,
Всё пройдёт, как с бéлых яблонь дым,
Увядáнья зóлотом охвáченный,
Я не бýду бóльше молоды́м.

Ты тепéрь не так уж бýдешь би́ться,
Сéрдце, трóнутое холодкóм,
И странá берёзового си́тца*
Не замáнит шля́ться* босикóм.

Дух бродя́жий! ты всё рéже, рéже
Расшевéливаешь плáмень уст.
О моя́ утрáченная свéжесть,
Бýйство глаз и половóдье чувств!

Я тепéрь скупéе стал в желáньях,
Жизнь моя́, иль ты присни́лась мне?
Слóвно я весéнней гýлкой рáнью*
Проскакáл на рóзовом конé.

Все мы, все мы в э́том ми́ре тле́нны*,
Ти́хо льётся с клёнов ли́стьев медь...
Будь же ты вове́к благослове́нно,
Что пришло́ процве́сть и умере́ть*.

1921

* * *

Всё живо́е осо́бой ме́той*
Отмеча́ется с ра́нних пор.
Если не́ был бы я поэ́том,
То, наве́рно, был моше́нник и вор.

Худоща́вый и низкоро́слый,
Средь мальчи́шек всегда́ геро́й,
Ча́сто, ча́сто с разби́тым но́сом
Приходи́л я к себе́ домо́й.

И навстре́чу испу́ганной ма́ме
Я цеди́л* сквозь крова́вый рот:
«Ничего́! Я споткну́лся о ка́мень,
Это к за́втраму* всё заживёт».

И тепе́рь вот, когда́ просты́ла
Этих дней кипятко́вая вязь*,
Беспоко́йная, де́рзкая си́ла
На поэ́мы мои́ пролила́сь.

Золота́я слове́сная гру́да,
И над ка́ждой строко́й без конца́
Отража́ется пре́жняя у́даль
Забия́ки и сорванца́*.

Как тогда́, я отва́жный и го́рдый,
То́лько но́вью мой бры́зжет шаг*...
Если ра́ньше мне би́ли в мо́рду,
То тепе́рь вся в крови́ душа́.

И уже́ говорю́ я не ма́ме,
А в чужо́й и хохо́чущий сброд*:
«Ничего́! Я споткну́лся о ка́мень,
Это к за́втраму всё заживёт».

1922

* * *

Не броди́ть, не мять* в куста́х багря́ных*
Лебеды́ и не иска́ть следа́.
Со снопо́м воло́с твои́х овся́ных
Отосни́лась ты мне навсегда́*.

С а́лым со́ком я́годы на ко́же,
Не́жная, краси́вая, была́
На зака́т ты ро́зовый похо́жа
И, как снег, лучи́ста и светла́.

Зёрна глаз твои́х осы́пались*, завя́ли,
Имя то́нкое раста́яло, как звук,
Но оста́лся в скла́дках смя́той ша́ли
За́пах мёда от неви́нных рук.

В ти́хий час, когда́ заря́ на кры́ше,
Как котёнок, мо́ет ла́пкой рот,
Го́вор кро́ткий о тебе́ я слы́шу
Водяны́х пою́щих с ве́тром сот.

Пусть поро́й мне ше́пчет си́ний ве́чер,
Что была́ ты пе́сня и мечта́,
Всё ж, кто вы́думал твой ги́бкий стан и пле́чи,
К све́тлой та́йне приложи́л уста́.

Не броди́ть, не мять в куста́х багря́ных
Лебеды́ и не иска́ть следа́.
Со снопо́м воло́с твои́х овся́ных
Отосни́лась ты мне навсегда́.

1915

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Ты жива́ ещё, моя́ стару́шка?
Жив и я. Приве́т тебе́, приве́т!
Пусть струи́тся над твое́й избу́шкой
Тот вече́рний несказа́нный* свет.

Пи́шут мне, что ты, тая́ трево́гу,
Загрусти́ла ши́бко* обо мне́,
Что ты ча́сто хо́дишь на доро́гу
В старомо́дном ве́тхом шушуне́*.

И тебе́ в вече́рнем си́нем мра́ке
Ча́сто ви́дится одно́ и то ж —
Бу́дто кто́-то мне в каба́цкой дра́ке
Садану́л* под се́рдце фи́нский нож*...

Ничего́, родна́я! Успоко́йся.
Это то́лько тя́гостная бредь*.
Не тако́й уж го́рький я пропо́йца*,
Чтоб, тебя́ не ви́дя, умере́ть.

Я по-пре́жнему тако́й же не́жный
И мечта́ю то́лько лишь о том,
Чтоб скоре́е от тоски́ мяте́жной
Вороти́ться в ни́зенький наш дом.

Я верну́сь, когда́ раски́нет ве́тви
По-весе́ннему наш бе́лый сад.
То́лько ты меня́ уж на рассве́те
Не буди́, как во́семь лет наза́д.

Не буди́ того́, что отмечта́лось,
Не волну́й того́, что не сбыло́сь, —
Сли́шком ра́ннюю утра́ту и уста́лость
Испыта́ть мне в жи́зни привело́сь.

И моли́ться не учи́ меня́. Не на́до!
К ста́рому возвра́та бо́льше нет.
Ты одна́ мне по́мощь и отра́да,
Ты одна́ мне несказа́нный свет.

Так забу́дь же про свою́ трево́гу,
Не грусти́ так ши́бко обо мне́.
Не ходи́ так ча́сто на доро́гу
В старомо́дном ве́тхом шушуне́.

1924

* * *

Мы тепе́рь ухо́дим понемно́гу
В ту страну́, где тишь и благода́ть*.
Мо́жет быть, и ско́ро мне в доро́гу
Бре́нные пожи́тки* собира́ть.

Ми́лые берёзовые ча́щи!
Ты, земля́! И вы, равни́н пески́!
Перед э́тим со́нмом* уходя́щих
Я не в си́лах скрыть мое́й тоски́.

Сли́шком я люби́л на э́том све́те
Всё, что ду́шу облека́ет в плоть*.
Мир оси́нам, что, раски́нув ве́тви,
Загляде́лись в ро́зовую водь*!

Мно́го дум я в тишине́ проду́мал,
Мно́го пе́сен про себя́ сложи́л,
И на э́той на земле́ угрю́мой
Сча́стлив тем, что я дыша́л и жил.

Сча́стлив тем, что целова́л я же́нщин,
Мял цветы́, валя́лся на траве́
И зверьё, как бра́тьев на́ших ме́ньших,
Никогда́ не бил по голове́.

Зна́ю я, что не цвету́т там ча́щи,
Не звени́т лебя́жьей* ше́ей рожь.
Оттого́ пред со́нмом уходя́щих
Я всегда́ испы́тываю дрожь.

Зна́ю я, что в той стране́ не бу́дет
Этих нив, златя́щихся* во мгле...
Оттого́ и до́роги мне лю́ди,
Что живу́т со мно́ю на земле́.

1924

* * *

Я спроси́л сего́дня у меня́лы*,
Что даёт за полтума́на* по рублю́:
Как сказа́ть мне для прекра́сной Ла́лы
По-перси́дски не́жное «люблю́»?

Я спроси́л сего́дня у меня́лы
Ле́гче ве́тра, ти́ше Ва́нских струй*.
Как назва́ть мне для прекра́сной Ла́лы
Сло́во ла́сковое «поцелу́й»?

И ещё спроси́л я у меня́лы,
В се́рдце ро́бость глу́бже прита́я,
Как сказа́ть мне для прекра́сной Ла́лы,
Как сказа́ть ей, что она́ «моя́»?

И отве́тил мне меня́ла кра́тко:
О любви́ в слова́х не говоря́т,
О любви́ вздыха́ют лишь укра́дкой,
Да глаза́, как я́хонты*, горя́т.

Поцелу́й назва́нья не име́ет,
Поцелу́й не на́дпись на гроба́х.
Кра́сной ро́зой поцелу́и ве́ют,
Лепестка́ми та́я* на губа́х.

От любви́ не тре́буют пору́ки*,
С не́ю зна́ют ра́дость и беду́.
«Ты — моя́» сказа́ть лишь мо́гут ру́ки,
Что срыва́ли чёрную чадру́*.

1924

* * *

Отговори́ла ро́ща золота́я
Берёзовым, весёлым языко́м,
И журавли́, печа́льно пролета́я,
Уж не жале́ют бо́льше ни о ко́м.

Кого́ жале́ть? Ведь ка́ждый в ми́ре стра́нник*—
Пройдёт, зайдёт и вновь оста́вит дом.
О всех уше́дших гре́зит конопля́ник*
С широ́ким ме́сяцем* над голубы́м прудо́м.

Стою́ оди́н среди́ равни́ны го́лой,
А журавле́й отно́сит ве́тер вдаль,
Я по́лон дум о ю́ности весёлой,
Но ничего́ в проше́дшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растра́ченных напра́сно,
Не жаль души́ сире́невую цветь*.
В саду́ гори́т костёр ряби́ны кра́сной,
Но никого́ не мо́жет он согре́ть.

Не обгоря́т ряби́новые ки́сти,
От желтизны́ не пропадёт трава́,
Как де́рево роня́ет ти́хо ли́стья,
Так я роня́ю гру́стные слова́.

И если вре́мя, ве́тром размета́я,
Сгребёт их все в оди́н нену́жный ком*...
Скажи́те так.., что ро́ща золота́я
Отговори́ла ми́лым языко́м.

1924

СОБАКЕ КАЧАЛОВА*

Дай, Джим, на сча́стье ла́пу мне,
Таку́ю ла́пу не вида́л я сро́ду*.
Дава́й с тобо́й пола́ем при луне́
На ти́хую, бесшу́мную пого́ду.
Дай, Джим, на сча́стье ла́пу мне.

Пожа́луйста, голу́бчик*, не лижи́сь,
Пойми́ со мной хоть са́мое просто́е.
Ведь ты не зна́ешь, что тако́е жизнь,
Не зна́ешь ты, что жить на све́те сто́ит*.

Хозя́ин твой и мил и знамени́т,
И у него́ госте́й быва́ет в до́ме мно́го,
И ка́ждый, улыба́ясь, норови́т*
Тебя́ по ше́рсти ба́рхатной потро́гать.

Ты по-соба́чьи дья́вольски краси́в,
С тако́ю ми́лою дове́рчивой приятцей*,
И, никого́ ни ка́пли* не спроси́в,
Как пья́ный друг, ты ле́зешь целова́ться.

Мой ми́лый Джим, среди́ твои́х госте́й
Так мно́го вся́ких и невся́ких* бы́ло.
Но та, что всех безмо́лвней и грустне́й,
Сюда́ случа́йно вдруг не заходи́ла?

Она́ придёт, даю тебе́ пору́ку*,
И без меня́, в её уста́вясь взгляд,
Ты за меня́ лизни́ ей не́жно ру́ку
За всё, в чём был и не́ был винова́т.

1925

* * *

Ты меня́ не лю́бишь, не жале́ешь,
Ра́зве я немно́го не краси́в?
Не смотря́ в лицо́, от стра́сти мле́ешь*,
Мне на пле́чи ру́ки опусти́в.

Молода́я, с чу́вственным оска́лом*,
Я с тобо́й не не́жен и не груб.
Расскажи́ мне, ско́льких ты ласка́ла?
Ско́лько рук ты по́мнишь? Ско́лько губ?

Зна́ю я — они́ прошли́, как те́ни,
Не косну́вшись твоего́ огня́,
Мно́гим ты сади́лась на коле́ни,
А тепе́рь сиди́шь вот у меня́.

Пусть твои́ полузакры́ты о́чи
И ты ду́маешь о ко́м-нибудь друго́м,
Я ведь сам люблю́ тебя́ не о́чень,
Утопа́я в да́льнем дорого́м.

Этот пыл не называ́й судьбо́ю,
Легкоду́мна* вспы́льчивая* связь, —
Как случа́йно встре́тился с тобо́ю,
Улыбну́сь, споко́йно разойдя́сь.

Да и ты пойдёшь свое́й доро́гой
Распыля́ть* безра́достные дни,
То́лько нецело́ванных не тро́гай,
То́лько не горе́вших не мани́.

И когда́ с други́м по переу́лку
Ты пройдёшь, болта́я про любо́вь,
Мо́жет быть, я вы́йду на прогу́лку,
И с тобо́ю встре́тимся мы вновь.

Отверну́в к друго́му бли́же пле́чи
И немно́го наклони́вшись вниз,
Ты мне ска́жешь ти́хо: «До́брый ве́чер!»
Я отве́чу: «До́брый ве́чер, miss».

И ничто́ души́ не потрево́жит,
И ничто́ её не бро́сит в дрожь, —
Кто люби́л, уж тот люби́ть не мо́жет,
Кто сгоре́л, того́ не подожжёшь.

1925

* * *

Цветы́ мне говоря́т — проща́й,
Голо́вками склоня́ясь ни́же,
Что я наве́ки не уви́жу
Её лицо́ и о́тчий* край.

Ну, что ж, люби́мые, — ну, что ж!
Я ви́дел вас и ви́дел зе́млю,
И э́ту гробову́ю дрожь,
Как ла́ску но́вую, прие́млю*.

И потому́, что я пости́г
Всю жизнь, пройдя́ с улы́бкой ми́мо, —
Я говорю́ на ка́ждый миг,
Что всё на све́те повтори́мо.

Не всё ль равно́ — придёт друго́й,
Печа́ль уше́дшего не сгло́жет*,
Оста́вленной, но дорого́й
Прише́дший лу́чше пе́сню сло́жит.

И, пе́сне вне́мля* в тишине́,
Люби́мая с други́м люби́мым,
Быть мо́жет, вспо́мнит обо мне́,
Как о цветке́ неповтори́мом.

1925

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

* * *

Не за си́лу, не за ка́чество
золоты́х твои́х воло́с
се́рдце враз* одна́жды на́чисто*
от други́х оторвало́сь.

Я тебя́ запо́мнил до́крепка*,
ту, что мно́го лет наза́д
без упрёка и без о́крика*
загляде́лась мне в глаза́.

Я люблю́ тебя́, ту са́мую —
всё нежне́й и всё тесне́й, —
что, назва́вшись мне Окса́ною,
шла ветра́ми по весне́*.

Ту, что шла со мной и му́чилась,
шла и ра́довалась дням

в те года́, как вьюга вью́чила*
груз снего́в на пле́чи нам.

В том краю́, где си́зой за́метью*
пе́сня с губ лети́т, скользя́,
где нельзя́ люби́ть без па́мяти*
и запе́ть о том нельзя́,

Где весна́, схвати́вшись за́ ворот*,
от тоски́ тако́й уста́в,
хо́чет в зе́млю лечь у я́вора*,
у раки́това куста́*.

Нет, не си́ла и не ка́чество
молоды́х твои́х воло́с,
ты — всему́ была́ зака́зчица,
что в строке́ отозвало́сь.

1927

ГЛЯДЯ В НЕБЕСА

Как лёд облака́, как лёд облака́,
как би́тый лёд облака́,
и синь* далека́ и синь высока́
за ни́ми — синь глубока́;

Летя́т облака́, как би́тый лёд,
весе́нний ко́лотый лёд,
и синь сквози́т, высока́, далека́,
сквозь ме́дленный их полёт;

Летя́т облака́, летя́т облака́,
как в ме́лких оско́лках лёд,
и синь холодна́ и синь далека́
сквози́т и хо́лодом льнёт*;

И вот облака́ превраща́ются в лён,
и лёд истонча́ется* в лён,
и лёд и лён уже́ отдалён,
и сно́ва синь небоскло́н!

1955

СОЛОВЕЙ

Вот опя́ть
солове́й
со свое́й
староди́внею* пе́снею...
Ей пора́ бы давно́ уж
на пе́нсию!

Да и сам солове́й
инвали́д...
Отчего́ ж —
лишь осы́плет рула́дами* —
волоса́
холодо́к шевели́т
и стано́вятся ду́ши
крыла́тыми?!

Пéсне ты́сячи лет,
а новá:
бýдто тóлько что
пóлночью слóжена;
от неё
и лунá,
и травá,
и дерéвья
стоя́т заворóженно*.

Пéсне — ты́сячи лет,
а живá:
с нéю вóльно
и рáдостно ды́шится;
в ней
почти́ человéчьи словá,
отпечáтавшись в вóздухе,
слы́шатся.

Те словá
о бессмéртье страстéй,
о блажéнстве,
предéльном страдáнию*;
бýдто нет на землé новостéй,
крóме тех,
что как мир стародáвние.

Вот какóв
э́тот стáрый певéц,
заклинáющий
звёздною кля́твой...

Пе́сня ути́хнет,
и стра́сти коне́ц
и сердца́
разбива́ются на́двое!

1956

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТА

Лю́ди! Бе́дные, бе́дные лю́ди!
Как вам ску́чно жить без стихо́в,
без иллю́зий и без прелю́дий,
в ми́ре счётных маши́н и станко́в!

Без зелёной травы́ колыха́нья*,
без сверка́нья ты́сяч цвето́в,
без блаже́нного благоуха́нья
их откры́тых младе́нчески ртов!

О, раскро́йте глаза́ свои́ ши́ре,
нараспа́шку* внима́нье и слух,
э́то ж са́мое ди́вное в ми́ре,
чем вас жизнь одаря́ет вокру́г.

Это — пе́рвая ла́ска рассве́та
на росо́й убелённой траве́, —
ве́чный спор Роме́о с Джулье́той
о жа́воронке и соловье́!

1956

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

* * *

Пра́здничный, весёлый, бесновáтый*,
С марсиа́нской* жа́ждою твори́ть,
Ви́жу я, что не́бо небога́то,
Но про зе́млю сто́ит говори́ть.

Да́же породни́ться* с не́ю сто́ит,
Сно́ва гли́ну замеша́ть огнём,
Ка́ждое жела́ние просто́е
Освети́ть неповтори́мым днём.

Так живу́, а е́сли жить уста́ну,
И запро́сится душа́ в траву́,
И глаза́, не ви́дя, в не́бо взгля́нут, —
Адвока́тов ры́жих позову́.

Пусть найду́т в зако́нах трибуна́лов*
Те пара́графы и те года́,
Что в земно́й доро́ге растопта́ла
Дней мои́х разгу́льная орда́.*

1920

* * *

Мы разучи́лись ни́щим подава́ть,
Дыша́ть над мо́рем высото́й солёной,
Встреча́ть зарю́ и в ла́вках покупа́ть
За ме́дный му́сор зо́лото лимо́нов.

Случа́йно к нам захо́дят корабли́,
И ре́льсы груз прино́сят по привы́чке;
Пересчита́й люде́й мое́й земли́ —
И ско́лько мёртвых вста́нет в перекли́чке*!

Но всем торже́ственно пренебрежём.
Нож сло́манный в рабо́те не годи́тся,
Но э́тим чёрным, сло́манным ножо́м
Разре́заны бессме́ртные страни́цы.

1921

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Споко́йно тру́бку докури́л до конца́,
Споко́йно улы́бку стёр с лица́.

«Кома́нда, во фронт*! Офице́ры, вперёд!»
Сухи́ми шага́ми команди́р идёт.

И слова́ равня́ются в по́лный рост*:
«С я́коря* в во́семь. Курс — ост.

У кого́ жена́, де́ти, брат —
Пиши́те, мы не придём наза́д.

Зато́ бу́дет зна́тный кегельба́н*».
И ста́рший в отве́т: «Есть*, капита́н!»

А са́мый де́рзкий и молодо́й
Смотре́л на со́лнце над водо́й.

«Не всё ли равно́, — сказа́л он, — где?
Ещё споко́йней лежа́ть в воде́».

Адмира́льским уша́м просту́кал* рассве́т:
«Прика́з испо́лнен. Спасённых нет».

Гво́зди б де́лать из э́тих люде́й:
Кре́пче б не́ было в ми́ре гвозде́й.

1919—1922

* * *

Я люблю́ тебя́ той — без причёски,
Без румя́н — перед но́чи концо́м,
В чёрном бле́ске воло́с твои́х жёстких,
С побледне́вшим и стро́гим лицо́м.

Но, отня́в свои́ ру́ки и гу́бы,
Ты ухо́дишь, ты ве́чно в пути́,
А ведь се́рдце не мо́жет на у́быль,
Как полно́чная встре́ча, идти́*.

Сло́вно сон, что случа́йно вспугну́ли,
Ты ухо́дишь, как сон — в глубину́
Чужеда́льних* мелька́ющих у́лиц,
За страно́ю меня́ешь страну́.

Я дыша́л тобо́й в су́мраке ры́жем,
Что муче́ний любы́х горяче́й,
В раскалённых бульва́рах Пари́жа,
В синеве́ ленингра́дских ноче́й.

В крутизне́* закавка́зских наго́рий,
В равноду́шье моско́вской зимы́
Я дыша́л э́той сла́достью го́ря,
До кото́рого до́жили мы.

Где ж ещё я тебя́ повстреча́ю,
Вновь уви́жу, как ты хороша́?
Из како́го ты мра́ка, отча́ясь,
Улыбнёшься, почти́ не дыша́?

В суету́ и суро́вость дневну́ю,
Посреди́ роковы́х новосте́й,
Я не се́тую, я не ревну́ю, —
Ты — мой хлеб в э́тот го́лод страсте́й.

1937

БОРИС ПАСТЕРНАК

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

Я под Москвóю э́ту зи́му,
Но в сту́жу, снег и бурева́л*
Всегда́, когда́ необходи́мо,
по де́лу в го́роде быва́л.

Я выходи́л в такóе вре́мя,
Когда́ на у́лице ни зги́*,
И рассыпа́л леснóю те́мью*
Свои́ скрипу́чие шаги́.

Навстре́чу мне на перее́зде*
Встава́ли вётлы* пустыря́.
Надми́рно* вы́сились созве́здья
В холóдной я́ме января́.

Обыкнове́нно у задвóрок*
Меня́ стара́лся перегна́ть
Почтóвый* и́ли нóмер сóрок,
А я шёл на́ шесть два́дцать пять*.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг*.
Прожектор нёсся всей махиной*
На оглушённый виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врождённой
И всосанному с молоком*.

Сквозь прошлого перипетии*
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая* обожанье,
Я наблюдал, благотворя*.
Здесь были бабы*, слобожане*,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства*,
Которые кладёт нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа*.

Рассевшись кучей, как в повозке*,
Во всём разнообразье поз,
Читали дети и подростки,
Как заведённые, взасос*.

Москва встречала нас во мраке,
Переходящем в серебро,

И, покида́я свет двоя́кий*,
Мы выходи́ли из метро́.

Пото́мство ти́скалось* к пери́лам
И обдава́ло на ходу́*
Черёмуховым све́жим мы́лом*
И пря́никами на меду́*.

1941

ВЕСНА

Всё ны́нешней весно́й осо́бое.
Живе́е воробьёв шуми́ха*.
Я да́же вы́разить не про́бую,
Как на душе́ светло́ и ти́хо.

Ина́че ду́мается, пи́шется,
И гро́мкою окта́вой в хо́ре
Земно́й могу́чий го́лос слы́шится
Освобождённых террито́рий.

Весе́ннее дыха́нье ро́дины
Смыва́ет свет зимы́ с простра́нства
И чёрные от слёз обво́дины*
С запла́канных оче́й славя́нства.

Везде́ трава́ гото́ва вы́лезти,
И у́лицы стари́нной Пра́ги
Молча́т, одна́ друго́й изви́листей*,
Но заигра́ют, как овра́ги.

Сказа́нья Че́хии, Мора́вии,
И Се́рбии с весе́нней не́гой,
Сорва́вши пелену́* беспра́вия,
Цвета́ми вы́йдут из-под сне́га.

Всё ды́мкой ска́зочной подёрнется*,
Подо́бно завитка́м* по сте́нам
Боя́рской золочёной го́рницы*
И на Васи́лии Блаже́нном*.

Мечта́телю и полуно́чнику*
Москва́ миле́й всего́ на све́те.
Он до́ма, у первоисто́чника
Всего́, чем бу́дет цвесть* столе́тье.

1944

* * *

Во всём мне хо́чется дойти́
До са́мой су́ти*:
В рабо́те, в по́исках пути́,
В серде́чной сму́те*.

До су́щности проте́кших дней,
До их причи́ны,
До основа́ний, до корне́й,
До сердцеви́ны*.

Всё вре́мя схва́тывая нить
Суде́б, собы́тий,
Жить, ду́мать, чу́вствовать, люби́ть,
Сверша́ть откры́тья.

О, если бы я только мог,
Хотя́ отча́сти*,
Я написа́л бы во́семь строк
О сво́йствах стра́сти.

О беззако́ньях, о греха́х,
Бега́х, пого́нях,
Неча́янностях впопыха́х*,
Локтя́х, ладо́нях.

Я вы́вел бы её зако́н,
Её нача́ло,
И повторя́л её имён
Инициа́лы.

Я б разбива́л стихи́, как сад*.
Всей дро́жью жи́лок
Цвели́ бы ли́пы в них подря́д —
Гусько́м*, в заты́лок.

В стихи́ б я внёс дыха́нье роз,
Дыха́нье мя́ты,
Луга́, осо́ку, сеноко́с,
Грозы́ раска́ты.

Так не́когда Шопе́н вложи́л
Живо́е чу́до
Фольва́рков*, па́рков, рощ, моги́л
В свои́ этю́ды.

Дости́гнутого торжества́
Игра́ и му́ка —
Натя́нутая тетива́
Туго́го лу́ка.

1956—1960

ОСЕНЬ

Я дал разъе́хаться дома́шним*,
Все бли́зкие давно́ в разбро́де*,
И одино́чеством всегда́шним
Полно́ всё в се́рдце и приро́де.

И вот я здесь с тобо́й в сторо́жке*,
В лесу́ безлю́дно и пусты́нно.
Как в пе́сне, стёжки* и доро́жки
Позаросли́ наполови́ну*.

Тепе́рь на нас одни́х с печа́лью
Глядя́т бреве́нчатые сте́ны.
Мы брать прегра́д* не обеща́ли,
Мы бу́дем ги́бнуть открове́нно.

Мы ся́дем в час и вста́нем в тре́тьем,
Я с кни́гою, ты с вышива́ньем,
И на рассве́те не заме́тим,
Как целова́ться переста́нем.

Ещё пышне́й и бесшаба́шней*
Шуми́те, осыпа́йтесь, ли́стья,

И ча́шу го́речи вчера́шней
Сего́дняшней тоско́й превы́сьте*.

Привя́занность, влече́нье, пре́лесть!
Рассе́емся в сентя́брьском шу́ме!
Заро́йся вся в осе́нний ше́лест!
Замри́ и́ли ополоу́мей*!

Ты так же сбра́сываешь пла́тье,
Как ро́ща сбра́сывает ли́стья,
Когда́ ты па́даешь в объя́тье
В хала́те с шёлковою ки́стью.

Ты — бла́го ги́бельного ша́га,
Когда́ житьё тошне́й неду́га*,
А ко́рень красоты́ — отва́га*,
И э́то тя́нет нас друг к дру́гу.

1956—1960

ВЕТЕР

Я ко́нчился, а ты жива́.
И ве́тер, жа́луясь и пла́ча,
Раска́чивает лес и да́чу.
Не ка́ждую сосну́ отде́льно,
А по́лностью все дерева́
Со все́ю да́лью беспреде́льной,
Как па́русников кузова́*
На гла́ди бу́хты корабе́льной.

И э́то не из удальства́*
Или из я́рости бесце́льной,
А чтоб в тоске́ найти́ слова́
Тебе́ для пе́сни колыбе́льной.

1956—1960

ХМЕЛЬ*

Под раки́той*, обви́той плющо́м*,
От нена́стья* мы и́щем защи́ты.
На́ши пле́чи покры́ты плащо́м,
Вкруг тебя́ мои́ ру́ки обви́ты.

Я оши́бся. Кусты́ э́тих чащ*
Не плющо́м перееви́ты, а хме́лем.
Ну, так лу́чше дава́й э́тот плащ
В ширину́ под собо́ю рассте́лем.

1956—1960

ОБЪЯСНЕНИЕ

Не плачь, не морщь опу́хших губ,
Не собира́й их в скла́дки.
Разбереди́шь присо́хший струп*
Весе́нней лихора́дки.

Сними́ ладо́нь с мое́й груди́,
Мы провода́ под то́ком.
Друг к дру́гу вновь, того́ гляди́,
Нас бро́сит ненаро́ком*.

Пройду́т года́, ты всту́пишь в брак,
Забу́дешь неустро́йства*.
Быть же́нщиной — вели́кий шаг,
Своди́ть с ума́ — геро́йство.

А я пред чу́дом же́нских рук,
Спины́, и плеч, и ше́и
И так с привя́занностью слуг
Весь век благогове́ю*.

Но как ни ско́вывает* ночь
Меня́ кольцо́м тоскли́вым,
Сильне́й на све́те тя́га прочь*
И ма́нит* страсть к разры́вам.

1956—1960

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело́*, мело́ по всей земле́
Во все преде́лы*.
Свеча́ горе́ла на столе́,
Свеча́ горе́ла.

Как ле́том ро́ем мошкара́*
Лети́т на пла́мя,
Слета́лись хло́пья со двора́
К око́нной ра́ме.

Мете́ль лепи́ла на стекле́
Кружки́ и стре́лы.
Свеча́ горе́ла на столе́,
Свеча́ горе́ла.

На озарённый потоло́к
Ложи́лись те́ни,
Скреще́нья* рук, скреще́нья ног,
Судьбы́ скреще́нья.

И па́дали два башмачка́
Со сту́ком на́ пол.
И воск слеза́ми с ночника́
На пла́тье ка́пал.

И всё теря́лось в сне́жной мгле
Седо́й и бе́лой.
Свеча́ горе́ла на столе́,
Свеча́ горе́ла.

На све́чку ду́ло из угла́,
И жар собла́зна
Вздыма́л, как а́нгел, два крыла́
Крестообра́зно*.

Мело́ весь ме́сяц в феврале́,
И то и де́ло*
Свеча́ горе́ла на столе́,
Свеча́ горе́ла.

1956—1960

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Недотро́га*, тихо́ня* в быту́,
Ты сейча́с вся ого́нь, вся горе́нье.
Дай запру́ я твою́ красоту́
В тёмном те́реме* стихотворе́нья.

Посмотри́, как преображена́
Огнево́й кожуро́й* абажу́ра
Конура́*, край стены́, край окна́,
На́ши те́ни и на́ши фигу́ры.

Ты с нога́ми сиди́шь на тахте́*,
Под себя́ их поджа́в по-туре́цки,
Все равно́ — на свету́, в темноте́ —
Ты всегда́ рассужда́ешь по-де́тски.

Замечта́вшись, ты ни́жешь на шнур
Горсть на пла́тье скати́вшихся бу́син.
Сли́шком гру́стен твой вид, чересчу́р
Разгово́р твой прямо́й безыску́сен.

По́шло* сло́во «любо́вь», ты права́.
Я приду́маю кли́чку ину́ю.
Для тебя́ я весь мир, все слова́,
Если хо́чешь, переимену́ю.

Ра́зве хму́рый твой вид переда́ст
Чувств твои́х рудоно́сную за́лежь*,
Се́рдца та́йно светя́щийся пласт?!
Ну так что́ же глаза́ ты печа́лишь?

1956—1960

АННА АХМАТОВА

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладби́ща напра́во пыли́л пусты́рь,
А за ним голубе́ла река́.
Ты сказа́л мне: «Ну что ж,
иди́ в монасты́рь
Или за́муж за дурака́...»
При́нцы то́лько тако́е всегда́ говоря́т,
Но я э́ту запо́мнила речь, —
Пусть струи́тся она́ сто веко́в подря́д
Горноста́евой ма́нтией с плеч*.

2

И как бу́дто по оши́бке
Я сказа́ла: «Ты...»
Озари́ла тень улы́бки
Ми́лые черты́.

От подо́бных огово́рок
Вся́кий вспы́хнет взор...
Я люблю́ тебя́, как со́рок
Ла́сковых сестёр.

1909

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Сла́ва тебе́, безысхо́дная боль!
Умер вчера́ серогла́зый коро́ль.

Ве́чер осе́нний был ду́шен и ал*,
Муж мой, верну́вшись, споко́йно
сказа́л:

«Зна́ешь, с охо́ты его́ принесли́,
Те́ло у ста́рого ду́ба нашли́.

Жаль короле́ву. Тако́й молодо́й!..
За́ ночь одну́ она́ ста́ла седо́й».

Тру́бку свою́ на ками́не нашёл
И на рабо́ту ночну́ю ушёл.

До́чку мою́ я сейча́с разбужу́,
В се́рые гла́зки её погляжу́.

А за окно́м шелестя́т тополя́:
«Нет на земле́ твоего́ короля́...»

1910

* * *

Два́дцать пе́рвое. Ночь. Понеде́льник.
Очерта́нья столи́цы во мгле.
Сочини́л же како́й-то безде́льник,
Что быва́ет любо́вь на земле́.

И от ле́ности и́ли от ску́ки
Все пове́рили, так и живу́т:
Ждут свида́ний, боя́тся разлу́ки
И любо́вные пе́сни пою́т.

Но ины́м открыва́ется та́йна,
И почи́ет* на них тишина́...
Я на э́то наткну́лась случа́йно
И с тех пор всё как бу́дто больна́.

1917

Мне го́лос был. Он звал уте́шно*,
Он говори́л: «Иди́ сюда́,
Оста́вь свой край глухо́й и гре́шный,
Оста́вь Росси́ю навсегда́.
Я кровь от рук твои́х отмо́ю,
Из се́рдца вы́ну чёрный стыд,
Я но́вым и́менем покро́ю
Боль пораже́ний и оби́д».
Но равноду́шно и споко́йно
Рука́ми я замкну́ла* слух,
Чтоб э́той ре́чью недосто́йной
Не оскверни́лся ско́рбный дух.

1917

* * *

Сказа́л, что у меня́ сопе́рниц нет.
Я для него́ не же́нщина земна́я,
А со́лнца зи́мнего уте́шный* свет
И пе́сня ди́кая родно́го кра́я.
Когда́ умру́, не ста́нет он грусти́ть,
Не кри́кнет, обезу́мевши: «Воскре́сни!»
Но вдруг поймёт, что невозмо́жно жить
Без со́лнца те́лу и душе́ без пе́сни.

А что тепе́рь?

1921

* * *

Чугу́нная огра́да,
Сосно́вая крова́ть.
Как сла́дко, что не на́до
Мне бо́льше ревнова́ть.

Посте́ль мне сте́лют э́ту
С рыда́ньем и мольбо́й;
Тепе́рь гуля́й по све́ту
Где хо́чешь, бог с тобо́й.

Тепе́рь твой слух не ра́нит
Неи́стовая речь*,
Тепе́рь никто́ не ста́нет
Свечу́ до у́тра жечь.

Добились мы покóю
И непорóчных дней*...
Ты плáчешь — я не стóю
Однóй слезы́ твоéй.

1921

* * *

Мне ни к чемý одúческие рáти*
И прéлесть элегúческих затéй*.
По мне в стихáх всё быть должнó некстáти*,
Не так, как у людéй.

Когдá б вы знáли, из какóго сóра
Растýт стихú, не вéдая стыдá,
Как жёлтый одувáнчик у забóра,
Как лопухú и лебедá.

Сердúтый óкрик, дёгтя зáпах свéжий,
Таинственная плéсень на стенé...
И стих ужé звучúт задóрен, нéжен,
На рáдость вам и мне.

1940

И, как всегдá бывáет в дни разры́ва,
К нам постучáлся прúзрак пéрвых дней,
И ворвалáсь серéбряная úва
Седы́м великолéпием ветвéй.
Нам, исступлённым*, гóрьким и надмéнным,
Не смéющим глазá поднять с землú,

Запéла птíца гóлосом блажéнным*
О том, как мы друг дрýга береглú ..

1940—1944

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ* В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пёстрой сусте́ людскóй
Всё изменúлось вдруг,
Но э́то был не городскóй,
Да и не сéльский звук,
На грóма дáльнего раскáт
Он, прáвда, был похóж, как брат,
Но в грóме влáжность есть
Высóких свéжих облакóв
И вожделéние* лугóв —
Весёлых лúвней весть,
А э́тот был, как пéкло, сух,
И не хотéл смятённый* слух
Повéрить, по томý,
Как расширя́лся он и рос*,
Как равнодýшно гúбель нёс
Ребёнку моемý.

1941

МУЖЕСТВО

Мы знáем, чтó нынe лежúт на весáх
И чтó совершáется нынe.
Час мýжества прóбил на нáших часáх,
И мýжество нас не покúнет.

Не стра́шно под пу́лями мёртвыми лечь,
Не го́рько оста́ться без кро́ва*,
И мы сохрани́м тебя́, ру́сская речь,
Вели́кое ру́сское сло́во.
Свобо́дным и чи́стым тебя́ пронесём,
И вну́кам дади́м, и от пле́на спасём
Наве́ки!

1942

Есть три эпо́хи у воспомина́ний.
И пе́рвая — как бы вчера́шний день.
Душа́ под сво́дом* их благослове́нным
И те́ло в их блаже́нствует тени́.
Ещё не за́мер смех, струя́тся слёзы,
Пятно́ черни́л не стёрто со стола́,
И, как печа́ть на се́рдце, поцелу́й —
Еди́нственный, проща́льный,
незабве́нный...
Но э́то продолжа́ется недо́лго...
Уже́ не свод над голово́й, а где́-то
В глухо́м предме́стье дом уединённый,
Где хо́лодно зимо́й, а ле́том жа́рко,
Где есть пау́к, и пыль на всём лежи́т.
Где истлева́ют* пла́менные пи́сьма,
Исподтишка́* меня́ются портре́ты,
Куда́, как на моги́лу, хо́дят лю́ди,
А возврати́вшись, мо́ют ру́ки мы́лом
И стря́хивают бе́глую слези́нку
С уста́лых век — и тяжело́ вздыха́ют...
Но ти́кают часы́, весна́ сменя́ет
Одна́ другу́ю, розове́ет не́бо,

Меня́ются назва́нья городо́в,
И нет уже́ свиде́телей собы́тий,
И не́ с кем пла́кать, не́ с кем
вспомина́ть.
И ме́дленно от нас ухо́дят те́ни,
Кото́рых мы уже́ не призыва́ем,
Возвра́т кото́рых был бы стра́шен нам.
И, раз просну́вшись, ви́дим, что забы́ли
Мы да́же путь в тот дом уединённый
И, задыха́ясь от стыда́ и гне́ва,
Бежи́м туда́, но (как во сне быва́ет)
Там всё друго́е: лю́ди, ве́щи, сте́ны,
И нас никто́ не зна́ет — мы чужи́е!
Мы не туда́ попа́ли... Бо́же мой!
И вот когда́ горча́йшее* прихо́дит:
Мы сознаём, что не могли́ б вмести́ть
То про́шлое в грани́цы на́шей жи́зни,
И нам оно́ почти́ что та́кже чу́ждо,
Как на́шему сосе́ду по кварти́ре;
Что тех, кто у́мер, мы бы не узна́ли,
А те, с кем нам разлу́ку бог посла́л,
Прекра́сно обошли́сь без нас — и да́же
Всё к лу́чшему...

* * *

И се́рдце то уже́ не отзовётся
На го́лос мой, лику́я и скорбя́*.
Всё ко́нчено... И песнь моя́ несётся
В пусту́ю ночь, где бо́льше нет тебя́.

1943—1953

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

* * *

Не самозва́нка* — я пришла́ домо́й,
И не служа́нка — мне не на́до хле́ба.
Я страсть твоя́, воскре́сный о́тдых твой,
Твой день седьмо́й, твоё седьмо́е не́бо.

Там, на земле́, мне подава́ли грош
И жерново́в* наве́шали на ше́ю.
Возлю́бленный! Уже́ль не узнаёшь?
Я ла́сточка твоя́ — Психе́я*!

Апрель 1918

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ К ДОЧЕРИ»

Когда́-нибудь, преле́стное созда́нье,
Я ста́ну для тебя́ воспомина́ньем,

Там, в па́мяти твоей голубоо́кой*,
Затёрянным — так далеко́-далёко.

Забу́дешь ты мой про́филь горбоно́сый,
И лоб в апофео́зе папиро́сы*,

И ве́чный смех мой, ко́им всех моро́чу*,
И со́тню, — на руке́ моё́й рабо́чей —

Сере́бряных перстне́й, черда́к-каю́ту*,
Мои́х бума́г боже́ственную сму́ту*...

Как в стра́шный год, возвы́шены бедо́ю,
Ты — ма́ленькой была́, я — молодо́ю.

Ноябрь 1919

* * *

Вчера́ ещё в глаза́ гляде́л,
А ны́нче — всё коси́тся в сто́рону!
Вчера́ ещё до птиц сиде́л, —
Все жа́воронки ны́нче — во́роны!

Я глу́пая, а ты умён,
Живо́й, а я остолбене́лая*.
О вопль же́нщин всех времён:
«Мой ми́лый, что́ тебе́ я сде́лала?!»

И слёзы ей — вода́, и кровь —
Вода́, — в крови́, в слеза́х умы́лася!
Не мать, а ма́чеха — Любо́вь:
Не жди́те ни суда́, ни ми́лости.

Уво́зят ми́лых корабли́,
Уво́дит их доро́га бе́лая...

И стон стойт вдоль всей земли́:
«Мой ми́лый, что́ тебе́ я сде́лала?!»

Вчера́ ещё в ногах лежа́л!
Равня́л с Кита́йскою держа́вою!
Враз* о́бе ру́ченьки разжа́л —
Жизнь вы́пала копе́йкой ржа́вою!*

Детоуби́йцей на суду́
Стою́ — неми́лая, несме́лая,
Я и в аду́ тебе́ скажу́:
«Мой ми́лый, что́ тебе́ я сде́лала?»

Спрошу́ я стул, спрошу́ крова́ть:
«За что́, за что́ терплю́ и бе́дствую?»
«Отцелова́л — колесова́ть*:
Другу́ю целова́ть», — отве́тствуют*.

Жить приучи́л — в само́м огне́,
Сам бро́сил — в степь заледене́лую*!
Вот, что́ ты, ми́лый, сде́лал — мне!
Мой ми́лый, что́ тебе́ — я сде́лала?

Всё ве́даю — не прекосло́вь!*
Вновь зря́чая* — уж не любо́вница!
Где отступа́ется Любо́вь,
Там подступа́ет Смерть-садо́вница.

Само́ — что де́рево трясти́!* —
В срок я́блоко спада́ет спе́лое...
За всё, за всё меня́ прости́,
Мой ми́лый, что́ тебе́ я сде́лала!

14 июня 1920

* * *

Тоска́ по ро́дине! Давно́
Разоблачённая моро́ка!*
Мне соверше́нно всё равно́,
Где — соверше́нно одино́кой

Быть, по каки́м камня́м домо́й
Брести́ с кошёлкою база́рной
В дом, и не зна́ющий, что — мой,
Как го́спиталь и́ли каза́рма.

Мне всё равно́, каки́х среди́*
Лиц — ощети́ниваться пле́нным
Львом*, из како́й людско́й среды́
Быть вы́тесненной — непреме́нно —

В себя́, в единоли́чье чувств*.
Камча́тским* медведём без льди́ны
Где не ужи́ться* (и не тщусь!)*,
Где унижа́ться — мне еди́но.

Не обольщу́сь и языко́м
Родны́м, его́ призы́вом мле́чным*.
Мне безразли́чно — на како́м
Непонима́емой быть встре́чным!

(Чита́телем, газе́тных тонн
Глота́телем*, доильцем* спле́тен...)
Двадца́того столе́тья — он,
А я — до вся́кого столе́тья!

Остолбене́вши, как бревно́,
Оста́вшееся от алле́и,
Мне все — равны́, мне всё — равно́,
И, мо́жет быть, всего́ равне́е,

Родне́е бы́вшее — всего́.*
Все при́знаки с меня́, все ме́ты,
Все да́ты — как руко́й сняло́*:
Душа́, роди́вшаяся — где́-то.

Так край меня́ не уберёг
Мой, что и са́мый зо́ркий сыщик
Вдоль всей души́ — всей поперёк! —
Роди́мого пятна́* не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно́, и всё — еди́но.
Но е́сли по доро́ге куст
Встаёт, осо́бенно — ряби́на...

1934

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползёт подзе́мный змей*,
Ползёт, везёт люде́й.
И ка́ждый — со свое́й
Газе́той (со свое́й
Экзе́мой!). Жва́чный тик*,
Газе́тный костое́д*.
Жева́тели масти́к*,
Чита́тели газе́т.

Кто чтец? Стари́к? Атле́т?
Солда́т? — Ни черт, ни лиц,
Ни лет. Скеле́т — раз нет
Лица́: газе́тный лист!
Кото́рым — весь Пари́ж
С лба до пупа́* оде́т.
Брось, де́вушка!
　　　　— Роди́шь
Чита́теля газе́т.

Кача́ — «живёт с сестро́й» —
ются́ — «убил отца́!»* —
Кача́ются — тщето́й
Нака́чиваются*.

Что для таки́х госпо́д —
Зака́т и́ли рассве́т?
Глота́тели пусто́т,
Чита́тели газе́т!

Газе́т — чита́й: клеве́т,
Газе́т — чита́й: растра́т.
Что ни столбе́ц — наве́т*,
Что ни абза́ц — отвра́т*...

О, с чем на Стра́шный суд*
Предста́нете: на свет!
Хвата́тели мину́т,
Чита́тели газе́т!

«Пошёл! Пропа́л! Исче́з!» —
Стар матери́нский страх.

Мать! Гуттенбе́ргов* пресс
Страшне́й, чем Шва́рцев прах*!

Уж лу́чше на пого́ст,
Чем в гно́йный лазаре́т
Чеса́телей коро́ст*,
Чита́телей газе́т!

Кто на́ших сынове́й
Гноит во цве́те лет?
Смеси́тели крове́й*,
Писа́тели газе́т!

Вот, дру́ги*, — и куда́
Сильне́й, чем в сих строка́х!* —
Что ду́маю, когда́
С ру́кописью в рука́х

Стою́ пе́ред лицо́м
(Пусте́е ме́ста — нет!),
Так зна́чит — нелицо́м*
Реда́ктора газе́т —
ной не́чисти*.

Ноябрь 1935

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

МУХА-ЦОКОТУХА*

Му́ха, Му́ха, Цокоту́ха,
Позоло́ченное брю́хо!

Му́ха по́ полю пошла́,
Му́ха де́нежку нашла́.

Пошла́ Му́ха на база́р
и купи́ла самова́р:

«Приходи́те, тарака́ны,
Я вас ча́ем угощу́!»

Тарака́ны прибега́ли,
Все стака́ны выпива́ли,
А бука́шки* —
По́ три ча́шки
С молоко́м
И кренделько́м*:

Нынче* Муха-Цокотуха
Именинница*!

Приходили к Мухе блошки*,
Приносили ей сапожки,
А сапожки не простые —
В них застёжки* золотые.

Приходила к Мухе
Бабушка-пчела,
Мухе-Цокотухе
Мёду принесла...

«Бабочка-красавица,
Кушайте варенье!
Или вам не нравится
Наше угощенье?»

Вдруг какой-то старичок
Паучок*
Нашу Муху в уголок
Поволок* —
Хочет бедную убить,
Цокотуху погубить!

«Дорогие гости, помогите!
Паука-злодея зарубите!
И кормила я вас,
И поила я вас,
Не покиньте меня
В мой последний час!»

Но жуки́-червяки́
Испуга́лися,
По угла́м, по щеля́м
Разбежа́лися:
Тарака́ны
Под дива́ны,
А козя́вочки*
Под ла́вочки,
А бука́шки под крова́ть —
Не жела́ют воева́ть!

И никто́ да́же с ме́ста
Не сдви́нется:
Пропада́й-погиба́й,
Имени́нница!

А кузне́чик, а кузне́чик*,
Ну совсе́м как челове́чек,
Скок, скок, скок, скок*
За кусто́к*,
Под мосто́к*
И молчо́к!*

А злоде́й-то не шу́тит,
Ру́ки-но́ги он Му́хе верёвками кру́тит,
Зу́бы о́стрые в са́мое се́рдце вонза́ет
И кровь у неё выпива́ет.
Му́ха кри́ком кричи́т*,
Надрыва́ется*,
А злоде́й молчи́т,
Ухмыля́ется*.

Вдруг отку́да-то лети́т
Ма́ленький Кома́рик,

И в руке́ его́ гори́т
Ма́ленький фона́рик.

«Где уби́йца? Где злоде́й?
Не бою́сь его́ когте́й!»

Подлета́ет к Пауку́,
Са́блю вынима́ет
И ему́ на всём скаку́*
Го́лову сруба́ет!

Му́ху за́ руку берёт
И к око́шечку ведёт:
«Я злоде́я заруби́л,
Я тебя́ освободи́л
И тепе́рь, душа́-деви́ца,
На тебе́ хочу́ жени́ться!»

Тут бука́шки и козя́вки
Выполза́ют из-под ла́вки:
«Сла́ва, сла́ва Комару́,
Победи́телю!»

Прибега́ли светляки́*,
Зажига́ли огоньки́ —
То́-то* ста́ло ве́село,
То́-то хорошо́!

«Эй, сороконо́жки*,
Беги́те по доро́жке,
Зови́те музыка́нтов,
Бу́дем танцева́ть!»

Музыка́нты прибежа́ли,
В бараба́ны застуча́ли.

Бом! бом! бом! бом!
Пля́шет Му́ха с Комаро́м,
А за не́ю клоп, клоп
Сапога́ми то́п-топ*.
Козя́вочки с червяка́ми,
Бука́шечки с мотылька́ми*.
А жуки́ рога́тые,
Мужики́ бога́тые,
Ша́почками ма́шут,
С ба́бочками пля́шут.
Та-ра-ра́! Та-ра-ра́!
Заплясáла мошкара́*.

Весели́тся наро́д —
Му́ха за́муж идёт
За лихо́го, удало́го,
Молодо́го Комара́!

Мураве́й, мураве́й
Не жале́ет лапте́й* —
С муравьи́хою попры́гивает
И бука́шечкам подми́гивает:

«Вы бука́шечки,
Вы мила́шечки*,
Та́ра-та́ра-та́ра-та́ра-тарака́шечки*!»
Сапоги́ скрипя́т,
Каблуки́ стуча́т, —
Бу́дет, бу́дет мошкара́
Весели́ться до утра́:
Ны́нче Му́ха-Цокоту́ха
Имени́нница!

ВЕРА ИНБЕР

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И пре́жде чем укры́ть в моги́ле
Наве́ки от живы́х людéй,
В Коло́нном зáле* положи́ли
Его́ на пять ночéй и дней...

И потекли́ людски́е то́лпы,
Неся́ знамёна впереди́,
Что́бы взгляну́ть на про́филь жёлтый
И крáсный о́рден на груди́.

Текли́. А сту́жа над землёю
Такáя лю́тая былá,
Как бу́дто он унёс с собо́ю
Части́цу нáшего теплá.

И пять ночéй в Москвé не спáли
Из-за тогó, что он уснýл.
И был торжéственно-печáлен
Луны́ почётный караýл*.

1924

МОСКВА В НОРВЕГИИ

Облакóв колори́т
О зимé говори́т.
Пáхнет влáгой и хвóей,
Как у нас под Москвóю.
Мох лежи́т под соснóй.
Как у нас под Москвóй.
Всё, как дóма,
И óчень знакóмо.
Тóлько вóздух не тот,
Атмосфéра не та,
И от э́того лю́ди други́е.
Тóлько лю́ди не те, что у нас,
И на вас
Не похóжи, мои́ дороги́е.
Дороги́е друзья́, я писáла не раз,
Что разлýка — большáя обýза*,
Что разлýка — змея́.
И действи́тельно, я
Не должнá уезжáть из Союза.
За грани́цей легкó тóлько пéрвые дни,
В магази́не прилáвок наря́ден.
(До чегó хороши́
Эти каранда́ши́,

Эти пéрья и э́ти тетрáди!)
А какúе здесь есть городá! Напримéр,
Стáрый Бéрген, котóрый недáром
(Это скáжет вам кáждый порядочный гид)
Знаменúт
Своúм рыбным базáром.
Голубáя макрéль, золотáя трескá
На холóдном рассвéте багрóвом.
Я взглянýла на рыбу — и в сéрдце тоскá
Вдруг впилáсь мне крючкóм рыболóвным.
Я припóмнила ясно: в корзúне, в ведрé ль,
Распластáв плавникóв острия,
Та же бéлая в сúних полóсках макрéль,
Тóлько звáли её «скумбрия».
И какáя чудéсная юность былá
В те часы на пескé под горóй!
И какáя огрóмная жизнь пролеглá
Мéжду э́той и той скумбриéй!
И печáль об исчéзнувшей прéлести дней
Полоснýла меня, как ножóм*.
И подýмала я: «Ничегó нет грустнéй
Одинóчества за рубежóм».
Тóлько вúжу: у рыбного ряда стоúт,
Упершúсь рукавúцей в бедрó,
В сапогáх и брезéнте, назáд козырёк*,
Ну, точь-в-тóчь паренёк
Из метрó.
Я невóльно воскликнула: — Ах ты,
Из какóй э́то вылез он шáхты? —
Он ко мне по-норвéжски (а я ни гу-гý*),
По-инóму он, вúжу, не слúшком.
Неужéли же, дýмаю, я не смогý

Побесе́довать с э́тим парни́шкой?
И, доста́вши блокно́т, так, чтоб он увида́л,
На прила́вке под ры́бным наве́сом
Я рису́ю роди́мого мо́ря ова́л
Я пишу́ по-лати́нски «Odessa».
И тогда́ паренёк на чужо́м берегу́
Улыба́ется мне, как рыба́к рыбаку́.
Паренёк улыба́ется мне от души́.
Он берёт у меня́ каранда́ш.
(До чего́ хороши́
Эти карандаши́,
Если де́ржит их кто́-нибудь наш!)
Он выво́дит знако́мое сло́во «Moskwa»,
И от э́того сло́ва — лучи́.
(До чего́ хорошо́, что ины́е слова́
Да́же в да́льних края́х горячи́!)
Он приве́тствует в э́ту мину́ту Сою́з,
Он гляди́т хорошо́ и всерьёз.
И, содра́в рукави́цу и сбро́сив карту́з,
Он трясёт мою́ ру́ку до слёз.
Хорошо́, что на грусть мы теря́ем права́
И что, как бы он ни был далёк,
Челове́к с удиви́тельным сло́вом «Москва́»
Не быва́ет нигде́ одино́к.

1934

ИОСИФ УТКИН

ПОВЕСТЬ О РЫЖЕМ МОТЭЛЕ, ГОСПОДИНЕ ИНСПЕКТОРЕ, РАВВИНЕ* ИСАЙЕ И КОМИССАРЕ БЛОХ

Глава первая

ДО БЕЗ ЦАРЯ* И НЕМНОГО ПОСЛЕ

И дед и оте́ц рабо́тали.
А чем он лу́чше други́х?
И ма́ленький ры́жий Мо́тэле
Рабо́тал
За двоих.

Чего́ хоте́л, не́ дали,
(Но мечты́ его́ с ним!)
Ду́мал учи́ться в хе́дере*,
А сде́лали —
Портны́м.
«Так что́ же?
Прика́жете пла́кать?

Нет так нет!»*
И он ста́вил де́сять запла́ток
На оди́н жиле́т.

И ...
(Это, пра́вда, да́внее,
Но и о да́внем
Не умолчи́шь.)
По пя́тницам
Мо́тэле да́внэл*,
А по суббо́там
Ел фиш*.

ЖИЛИ-БЫЛИ

Ско́лько домо́в про́йдено,
Сто́лько про́йдено стран.
Ка́ждый дом — своя́ ро́дина,
Свой океа́н.

И под ка́ждой сла́бенькой
Кры́шей,
Как она́ ни слаба́, —
Своё сча́стье
Свои́ мы́ши,
Своя́ судьба́...

И ре́дко,
Очень ре́дко —
Две мы́ши
На одну́ щель!

Вот: Мóтэле чи́нит жилéтки,
А инспéктор
Нóсит портфéль.

И знáет кáждый по гóроду
Портня́жью* нужду́ одну́.
А инспéктор имéет
Хорóшую бóроду
И хорóшую
Жену́.

По-рáзному счáстье кýрится*,
По-рáзному
У рáзных мест:
Мóтэле мечтáет о кýрице,
А инспéктор
Кýрицу ест.

Счáстье — онó игри́во.
Жди и лови́.
Вот: Мóтэле лю́бит Ри́ву,
Но... у Ри́вы
Отéц — равви́н.

А равви́н говори́т чáсто
И всегдá об однóм:
«Ей нáдо
Большóе счáстье
И большóй
Дом».

Так мáло, что сéрдце вóет,
Вóет, как паровóз.

Если у Мо́тэле всё, что большо́е,
Так э́то то́лько
Нос.

«Ну, что́ же?
Прика́жете пла́кать?
Нет так нет!»
И он ста́вил запла́ту
И на брю́ки
И на жиле́т.

. . . .

Да, под ка́ждой сла́бенькой кры́шей,
Как она́ ни слаба́, —
Своё сча́стье, свои́ мы́ши,
Своя́ судьба́.

И ско́лько жизнь ни упря́ма,
Ме́ньше, чем ма́ло — не дать*.
И у Мо́тэле
Была́ ма́ма,
Евре́йская ста́рая мать.

Как у всех, коне́чно, люби́ма.
(Э-э-э... об э́том не говоря́т!)
Она́ хорошо́
Вари́ла ци́мес*
И хорошо́
Рожа́ла ребя́т.
И по́мнит он годово́го*
И полугодовы́х...

Но Мо́тэле жил в Кишинёве,
Где мно́го городовы́х*,
Где мно́го моле́бнов* спе́то
По ца́рской родово́й*,
Где жил... господи́н... инспе́ктор
С краси́вой бородо́й...

Тру́дно сказа́ть про о́мут,
А о́мут стои́т
У рта*:
Всего́...
Два...
Погро́ма...
И Мо́тэле стал
Сирота́.

«Так что́ же?
Прика́жете пла́кать?!
Нет так нет!»
И он ста́вил запла́ту
Вме́сто брюк
На жиле́т.

. . . .

А дни кто́-то вёз и вёз.
И в не́бе
Без то́лку
Вися́ли пу́говки звёзд
И лу́нная
Ермо́лка*.
И в со́нной, скупо́й тиши́
Мы́ши пуга́ли скри́пом.

И кто́-то
Шил
Кому́-то
Тахри́хим*.

«ПРИ ЧЁМ» И «НИ ПРИ ЧЁМ»*

Этот день был таки́м но́вым.
Молоды́м, как заря́!
Пе́рвый раз тогда́ в Кишинёве
Пе́ли не про царя́!

Таки́х дней немно́го,
А как тот — оди́н.
Тогда́ не пришёл в синаго́гу
Господи́н
Равви́н.

Брю́ки,
Жиле́тки,
Сме́йтесь!
Ра́дуйтесь дню моему́:
Гос-по-ди́н по-лиц-ме́йстер
Сел
В тюрьму́!
Ведь э́то же о́чень и о́чень*,
Бо́же ты мой!

Но почему́ не хохо́чет
Господи́н
Городово́й?

Ре́дкое, му́дрое сло́во
Сказа́л сапо́жник Илья́:
«Мо́тэле, тут ни при чём Его́ва,
А при чём — ты
И я*».

. . . .

И дни затарато́рили*,
Как торго́вка Мэд.
И евре́и спо́рили:
«Да» и́ли «нет»?

Так откры́ли мно́гое
Му́дрые слова́.
Ста́ла синаго́гою
Люба́я голова́.
Про́шлым ма́ло в ны́нешнем:
То́лько вой да ной *

«Нет», —
Инспе́ктор вы́решил*.
«Да», —
Сказа́л портно́й.

. . . .

А дни кто́-то вёз и вёз.
И в не́бе
Без то́лку
Висе́ли пу́говки звёзд
И лу́нная
Ермо́лка.

И в со́нной, скупо́й тиши́
Пёс кроворо́тый* ла́ял.

И кто́-то
Кре́пко
Сшил
Тахри́хим
Никола́ю*!
Этот день был
Таки́м но́вым
Молоды́м, как заря́!
Пе́рвый раз тогда в Кишинёве
Пе́ли
Не про царя́!

1924—1925

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ГРЕНАДА

Мы éхали шáгом,
Мы мчáлись в боя́х,
И «Яблочко»-пéсню
Держáли в зубáх*.
Ах, пéсенку э́ту
Доны́не хранит
Травá молодáя —
Степнóй малахит.

Но пéсню инýю
О дáльней землé
Возил мой прия́тель
С собóю в седлé.
Он пел, озирáя
Родны́е края́:
«Гренáда, Гренáда,
Гренáда моя́!»

Он пéсенку э́ту
Твердил наизýсть...

Отку́да у хло́пца
Испа́нская грусть?
Отве́ть, Алекса́ндровск*,
И Ха́рьков*, отве́ть:
— Давно́ ль по-испа́нски
Вы на́чали петь?

Скажи́ мне, Укра́йна,
Не в э́той ли ржи
Тара́са Шевче́нко*
Папа́ха* лежи́т?
Отку́да ж, прия́тель,
Пе́сня твоя́:
«Грена́да, Грена́да,
Грена́да моя́»?

Он ме́длит с отве́том —
Мечта́тель-хохо́л*:
— Брати́шка! Грена́ду
Я в кни́ге нашёл.
Краси́вое и́мя,
Высо́кая честь —
Грена́дская во́лость*
В Испа́нии есть!

Я ха́ту поки́нул,
Пошёл воева́ть,
Чтоб зе́млю в Грена́де
Крестья́нам отда́ть.
Проща́йте, родны́е!
Проща́йте, семья́!
«Грена́да, Грена́да,
Грена́да моя́!»

Мы мча́лись, мечта́я
Пости́чь поскоре́й
Грамма́тику бо́я —
Язы́к батаре́й.
Восхо́д поднима́лся
И па́дал опя́ть,
И ло́шадь уста́ла
Степя́ми скака́ть.

Но «Яблочко»-пе́сню
Игра́л эскадро́н
Смычка́ми страда́ний
На скри́пках времён...
Где же, прия́тель,
Пе́сня твоя́:
«Грена́да, Грена́да,
Грена́да моя́»?

Проби́тое те́ло
На́земь* сползло́,
Това́рищ впервы́е
Оста́вил седло́.
Я ви́дел: над тру́пом
Склони́лась луна́,
И мёртвые гу́бы
Шепну́ли: «Грена́...»

Да! В да́льнюю о́бласть,
В зао́блачный плёс*
Ушёл мой прия́тель
И пе́сню унёс.

С тех пор не слыха́ли
Родны́е края́:
«Грена́да, Грена́да,
Грена́да моя́!»

Отря́д не заме́тил
Поте́ри бойца́
И «Яблочко»-пе́сню
Допе́л до конца́.
Лишь по́ небу ти́хо
Сползла́ погодя́*
На ба́рхат зака́та
Слези́нка дождя́...

Но́вые пе́сни
Приду́мала жизнь...
Не на́до, ребя́та,
О пе́сне тужи́ть*.
Не на́до, не на́до,
Не на́до, друзья́...
Грена́да, Грена́да,
Грена́да моя́!

1926

ИТАЛЬЯНЕЦ

Чёрный крест на груди́ италья́нца.
Ни резьбы́, ни узо́ра, ни гля́нца.
Небога́тым семе́йством храни́мый
И еди́нственным сы́ном носи́мый...

Молодо́й уроже́нец Неа́поля!
Что оста́вил в Росси́и ты на́ поле?
Почему́ ты не мог быть счастли́вым
Над родны́м знамени́тым зали́вом?

Я, уби́вший тебя́ под Моздо́ком*,
Так мечта́л о вулка́не далёком!
Как я гре́зил на во́лжском приво́лье
Хоть разо́к прокати́ться в гондо́ле!

Но ведь я не пришёл с пистоле́том
Отнима́ть италья́нское ле́то,
Но ведь пу́ли мои́ не свисте́ли
Над свяще́нной землёй Рафаэ́ля!

Здесь я вы́стрелил! Здесь, где роди́лся,
Где собо́й и друзья́ми горди́лся,
Где были́ны о на́ших наро́дах
Никогда́ не звуча́т в перево́дах.

Ра́зве сре́днего До́на излу́чина
Иностра́нным учёным изу́чена?
На́шу зе́млю — Росси́ю, Расе́ю* —
Ра́зве ты распаха́л и засе́ял?

Нет! Тебя́ привезли́ в эшело́не
Для захва́та далёких коло́ний,
Что́бы крест из ларца́* из фами́льного
Выраста́л до разме́ра моги́льного...

Я не дам свою́ ро́дину вы́везти
За просто́р чужезе́мных море́й!
Я стреля́ю — и нет справедли́вости
Справедли́вее пу́ли мое́й!

Никогда́ ты здесь не́ жил и не́ был!..
Но разбро́сано в сне́жных поля́х
Италья́нское си́нее не́бо,
Застеклённое в мёртвых глаза́х*...

1943

УКАЗАНИЕ

Указа́нье пришло́ на заре́,
Чтоб без пре́мий, без вся́кого жа́лованья
Сде́лать всю детвору́* во дворе́
Капита́нами да́льнего пла́ванья,
Некраси́вого сде́лать краси́вым,
И несча́стного — са́мым счастли́вым.

Кто шуми́т за чужи́ми дверьми́?
Почему́ вдруг запла́кали де́ти?
Беспоко́иться вме́сте с людьми́ —
Нет профе́ссии лу́чше на све́те!
Мо́жет быть, я сочу́вствую сли́шком?
Ра́зве мо́жно мне быть ни при чём*,
Если ря́дом безно́гий парни́шка
Загрусти́л над футбо́льным мячо́м?

Ни за что́* я не ста́ну лени́ться,
Я в жела́ньях свои́х не ути́х —
Я хочу́, чтоб исче́зли больни́цы
За огро́мной нехва́ткой* больны́х.

Указа́нье явля́ется днём —
Побежда́ть не мечо́м и огнём,

То́лько сло́вом, стихо́м и тепло́м.
Мо́жет быть, вы меня́ не поймёте,
Этот стих вам навстре́чу спеши́т,
Бу́дто же́нщина-врач в самолёте
Над Чуко́ткой* к больно́му лети́т.

Так неси́те ж меня́, указа́нья,
Как стреми́тельный водопа́д!
(Оберну́лся я — воспомина́нья,
Как засты́вшие во́лны, стоя́т.)

Неуже́ли ты, воображе́нье,
Как обо́рванное движе́нье?
Неуже́ли ты ме́жду живы́х,
Как в музе́е фигу́р восковы́х?

Не силён я, не хва́стаюсь мо́щью,
Но — свиде́тель бессо́нных ноче́й —
Здра́вствуй, ска́зка! Ты — ве́рный
помо́щник
При созда́нье реа́льных веще́й.

Указа́ние но́чью пришло́
(Календа́рь изменя́ет число́),
Я труди́лся весь день, я уста́л,
Указа́ния я не слыха́л.

Но ребя́тки в преду́тренний час
Вновь со мно́ю поде́лятся пла́нами:
«Дя́дя Ми́ша! Ты сде́лаешь нас
Хоть каки́ми-нибудь капита́нами?»

1958

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

СЫН

(*из поэмы*)

Мы не всегда́ от па́мяти зави́сим.
Случа́йный, бе́глый след карандаша́,
Случа́йная откры́тка в свя́зке пи́сем —
И возника́ет ю́ная душа́.
Вот, вот она́ мелькну́ла, недотро́га*,
И усмехну́лась, и ушла́ во тьму́, —
Еди́нственная, безразде́льно стро́го,
Сполна́* принадлежа́щая ему́.
Здесь по́черк выраба́тывался: то́чный,
Косо́й, немно́го же́нский, без прикра́с.
Тогда́ он жил в респу́блике восто́чной*,
Без бли́зких и вне до́ма в пе́рвый раз —
В тылу́, в вое́нной шко́ле.
                                                  И внача́ле
Был сде́ржан в пи́сьмах: «Я здоро́в. Учу́сь.
Дово́лен жи́знью».
                                    Пи́сьма умолча́ли
О тру́дностях, не выража́ли чувств.

Гора́здо по́зже на́чал он дели́ться
Тоско́й и беспоко́йством: мать, сестра́.
Но вско́ре в пи́сьмах появи́лись ли́ца
Това́рищей. И грусть не так остра́.
И вот он подава́л, как бы на блю́де,
Как с пы́лу-жа́ру*, вы́вод мно́гих дней:
«Здесь, па́па, замеча́тельные лю́ди...»
И сно́ва дру́жба. И опя́ть о ней.
Навстре́чу лю́дям. Всю́ду с ни́ми в но́гу*.
Навстре́чу лю́дям — цель и торжество́.
Так выраба́тывался понемно́гу
Мужско́й хара́ктер сы́на моего́.

Ещё одна́ тетра́дка. Очень чи́сто,
Опря́тность* шко́льной вы́учки* храня́,
Здесь впи́сан был зако́н артиллери́ста,
Свята́я матема́тика огня́,
Свята́я то́чность ло́гики прице́льной.
Вот, чем дыша́л и жил он э́тот год,
Что вы́росло в нём и́скренне и це́льно
В созна́нье до́лга, в нежела́нье льгот.
Ни ра́зу не отвлёкся. Что он ви́дел?
Предви́дел ли поги́бельный багре́ц*,
Свое́й души́ после́днюю оби́тель?

И вдруг рису́нок на поля́х: дворе́ц
В венециа́нских а́рках. Тут же ря́дом
Под кипари́сом пу́шка.
Но посто́й!
В како́й заду́мчивости сму́тным взгля́дом
Смотре́л он на рису́нок свой просто́й?

Како́й ито́г, како́й душе́вный о́пыт
Здесь вы́ражен, како́й мечты́ глото́к?
Ито́г не подведён, глото́к не до́пит.
Оборвала́сь и по́дпись:
«В. Анто́к...»

. . . .

Ты бу́дешь до́лго ры́ться в чёрном пе́пле.
Не день, не год, не го́ды, а века́.
Пока́ глаза́ сухи́е не осле́пли,
Пока́ окостене́вшая рука́
Не вы́вела строки́ свое́й после́дней, —
Смотри́ в его́ люби́мые черты́.
Не сын тебе́, а ты ему́ насле́дник.
Вы поменя́лись ме́стом, он и ты.

. . . .

Со всей Москво́й ты де́лишь тра́ур. В о́кнах
Ни ла́мпы, ни ога́рка*. Но и мгла,
От сто́льких слёз и сто́льких стуж продро́гнув,
Тебе́ свои́м внима́ньем помогла́.
Что по́мнится ей? Ре́льсы, ре́льсы, ре́льсы.
Столбы́, опя́ть летя́щие столбы́.
Дрожа́щие под ве́тром погоре́льцы*.
Шрапне́льный визг. Желе́зный гул судьбы́.
Так, зна́чит, мще́нье? Мще́нье. Так и на́до,
Чтоб се́рдце сы́на смерть переросло́.
Пуска́й оно́ ворвётся в канона́ду.
Есть у серде́ц тако́е ремесло́.

И е́сли в ту́чах не́бо фронтово́е,
И е́сли над землёй лети́т весна́,

То на земле́ вас бу́дет вечно дво́е:
Сын и оте́ц, не зна́ющие сна.
Нет пра́ва у тебя́ ни на каку́ю
Осо́бую, отде́льную тоску́:
Пуска́й, после́дним ко́зырем риску́я,
Она́ в упо́р приста́влена к виску́.*
Не обольща́йся. Ра́зве э́то вы́ход?
Всей ю́ностью обо́рванной свое́й
Не и́щет сын побла́жек* и́ли вы́год
И в бой зовёт мильо́ны сынове́й.
И в том бою́, в строю́ неистреби́мом
Люби́мые чужи́е сыновья́
Иду́т на сме́ну сыновья́м люби́мым
Во и́мя пра́вды, бо́льшей, чем твоя́.

1943

ЛЕДИ ГАМИЛЬТОН

Это бы́ло в полу́ночном Бря́нском лесу́*.
Рассказа́л нам экра́н про чужу́ю красу́*,

Про замо́рскую* же́нщину с я́сным лицо́м,
Со счастли́вою жи́знью и го́рьким концо́м.

Без неё в Трафальга́рском бою́ умира́л
Её сла́вный любо́вник, лихо́й адмира́л.

Лишь холо́дная, зла́я морска́я вода́
Би́ла в борт корабе́льный: «Проща́й
навсегда́!»

Да бортóвые пýшки ревéли во мглé.
И остáлась вдовóй на британской землé

Та прелéстная лéди с обýгленным ртом.
И не пóмнила лéди, что было потóм.

...В стáром Брянском лесý, у могýчих дубóв,
Услыхáли бойцы про чужýю любóвь.

И запéли бойцы о своéй дорогóй,
Как прощáлись-клялись под крещéнской пургóй*.

И один и другóй, самокрýткой* дымя,
Вспоминáли, что ждёт не дождётся* семья,

Что вся милая жизнь продолжáется в ней...
И хотéлось им петь и нежнéй и грустнéй,

И прижáться друг к дрýгу теснéй, и не спать.
И смотрéть на мелькáнье экрáна опять...

И допéть все любимые пéсни свои, —
Потомý что войнá — это дéло любви!

Пусть отóрван от милой на тысячу лет,
Пусть устáл и небрит, рáньше врéмени сед,

Пусть огнём опалён, до костéй
пропылён, —
Защищáющий рóдину — трижды влюблён.

1943

ЗАСТОЛЬНАЯ

Друзья́! Мы живём на зелёной земле́,
Пиру́ем в ноча́х, истлева́ем в золе́.
Неси́тесь, плане́ты, неси́тесь, неси́тесь!
Ниче́м не насы́тясь,
Мы сги́нем* во мгле́.

Но бу́дем легки́ на подъём* и честны́,
Уви́дим, как де́ти, трево́жные сны,
Чтоб сно́ва, дале́че*, целу́я, кале́ча,
Знобйла нам пле́чи
Пого́да весны́.

Скреже́щет желе́зо, сверка́ет вода́,
Лику́ет ого́нь и гудя́т провода́,
И сно́ва нам ка́жется мир велика́ном,
И сно́ва легка́ нам
Люба́я беда́.

Да здра́вствует вре́мя, да здра́вствует путь!
Риску́й, не робе́й, нерасчётливым будь!
А е́сли умрёшь, береги́сь, не воскре́сни!
А пе́сня?
А пе́сню споёт кто-нибу́дь!

1936

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ РЕЧИ

Я говорю́ «пошёл», «броди́л»,
А ты: «пошла́», «броди́ла».
И вдруг — как бу́дто ве́яньем крыл*
Меня́ осени́ло!

С тех пор прийти́ в себя́* не могу́...
Всё пра́вильно, коне́чно,
Но э́тим «ла» ты на ка́ждом шагу́
Подчёркивала: «Я — же́нщина!»

Мы, по́мню, вме́сте шли тогда́
До са́мого вокза́ла,
И ты без мале́йшей кра́ски стыда́
Опя́ть: «пошла́», «сказа́ла».

Идёшь, с наи́вностью чистоты́
По-же́нски всё спряга́я*,
И показа́лось мне, что ты —
Как ста́туя — нага́я.

Ты лепета́ла. Ря́дом шла.
Смея́лась и дыша́ла.
А я... Я слы́шал то́лько: «ла»,
«ая́ла», «а́ла», «я́ла»...

И я влюби́лся в глаго́лы твои́,
А с ни́ми в ко́сы, пле́чи!
Как вы поймёте без любви́
Всю пре́лесть ру́сской ре́чи?

1920

БЕЛЫЙ ПЕСЕЦ

Мы начина́ем с тобо́ю старе́ть,
Спу́тница дорога́я моя́...
В зе́ркало вгля́дываешься остре́й,
Боль от само́й себя́ затая́.

Ты ещё хо́дишь-плывёшь по земле́
В о́блаке же́нственного тепла́,
Но уж в улы́бке, что све́та миле́й,
Ли́шняя чёрточка залегла́.

Но ведь и э́ти морщи́нки твои́
Очень тебе́, дорога́я, к лицу́*,
Нет, не расплю́щить* на́шей любви́
Да́же и вре́мени колесу́!

Меж задуше́вных имён и лиц
Ты, как черво́нец в ку́че пезе́тт,
Как среди́ ме́ха цветны́х лиси́ц
Све́жий, как снег, бе́лый песе́ц.

Если захóчешь меня́ проклясть,
Бýду унúженней всех людéй,
Если ослéпнет влюблённый глаз,
Воспоминáньями бýду глядéть.

Скóлько отмýчено мук* с тобóй,
Скóлько иссмéяно смéха* вдвоём!
Как мы, невзы́сканные судьбóй*,
К рáдостным дáлям друг дрýга зовём.

Рáдуйся ж кáждому нóвому дню!
Пусть оплетáет лукáвая сеть —
Твою́ белизнý в грудú сохраню́,
Мой драгоцéнный, мой Бéлый Песéц.

1932

Я ЭТО ВИДЕЛ!

Мóжно не слýшать нарóдных сказáний,
    Не вéрить газéтным столбцáм,
Но я э́то вúдел. Своúми глазáми.
    Понимáете? Вúдел. Сам.
Вот тут дорóга. А там вон — взгóрье*.
    Меж нúми
                    вот э́так* —
                                    ров.
Из э́того рва поднимáется гóре,
    Гóре без берегóв.

Нет! Об э́том нельзя́ словáми...
    Тут нáдо рычáть! Рыдáть!

Семь ты́сяч расстре́лянных в мёрзлой я́ме,
    Заржа́вленной, как руда́.

Кто э́ти лю́ди? Бойцы́? Ниско́лько.
Мо́жет быть, партиза́ны? Нет.
Вот лежи́т лопоу́хий* Ко́лька —
    Ему́ оди́ннадцать лет.

Тут вся родня́* его́. Ху́тор* «Весёлый».
Весь «Самостро́й» — сто два́дцать дворо́в*.
Бли́жние ста́нции, бли́жние сёла —
Все как зало́жники бро́шены в ров.
Лежа́т, сидя́т, вполза́ют на бру́ствер.
У ка́ждого жест. Удиви́тельно свой!

Зима́ в мертвеце́ заморо́зила чу́вство,
С кото́рым смерть принима́л живо́й,
И тру́пы бре́дят, грозя́т, ненави́дят...
Как ми́тинг шуми́т э́та мёртвая тишь.
В како́м бы их ни свали́ло ви́де* —
Глаза́ми, оска́лом, ше́ей, плеча́ми
Они́ препека́ются* с палача́ми,
Они́ восклица́ют: «Не победи́шь!»

Па́рень. Он совсе́м налегке́*.
Грудь распа́хнута из проте́ста.
Одна́ нога́ в худо́м сапоге́,
Друга́я сия́ет ла́ком проте́за.
Лёгкий снежо́к вали́т и вали́т...
Грудь распахну́л молодо́й инвали́д.
Он, ви́димо, кри́кнул: «Стреля́йте, че́рти!»
Поперхну́лся. Упа́л. Засты́л.

Но часовым над лéжбищем* смéрти
Торчит воткнýтый в зéмлю костыль.
И ярость мёртвого не застыла:
Онá фронтовых окликáет из тыла,
Онá водрузила костыль, как древкó*,
И вéха* её виднá далекó.

Бáбка. Эта погибла стóя,
Встáла меж трýпóв и так умерлá.
Лицó её, слáвное и простóе,
Чёрная сýдорога свелá.
Вéтер колышет её отрéпье*...
В лéвой орбите* застыл сургýч*,
Но прáвое óко глубóко в нéбе
    Мéжду разрывами туч.
И в этом упрёке Дéве Пречистой*
Рушéнье* вéры дремýчих* лет:
«Кóли на свéте живýт фашисты,
    Стáло быть бóга нет».

Рядом истéрзанная еврéйка.
При ней ребёнок. Совсéм как во сне.
С какóй забóтой дéтская шéйка
Повязана мáминым сéрым кашнé.
О, материнская дрéвняя сила!
Идя на расстрéл, под пýлю идя,
За час, за пóлчаса до могилы
Мать от простýды спасáла дитя.
Но дáже и смерть для них не разлýка:
Не влáстны теперь над ними враги —
И рыжая струйка
                из дéтского ýха

Стека́ет
    в горсть
        матери́нской
            руки́.
Как стра́шно об э́том писа́ть. Как жу́тко.
  Но на́до. На́до! Пиши́!
Фаши́зму тепе́рь не отде́латься шу́ткой*:
Ты вы́мерил ни́зость фаши́стской души́,
Ты осозна́л во всей её фа́льши
«Сентимента́льность» прусса́цких грёз,
Так пусть же
    сквозь их
        голубы́е
            ва́льсы
Гори́т матери́нская э́та горсть.

Иди́ ж! Заклейми́! Ты стои́шь пе́ред бо́йней,
Ты за́ руку их пойма́л* — уличи́!
Ты ви́дишь, как пу́лею бронебо́йной
  Дроби́ли нас палачи́,
Так загреми́ же, как Дант, как Ови́дий,
Пусть зарыда́ет приро́да сама́,
Если
  всё э́то
    сам ты
      ви́дел
  И не сошёл с ума́.

Но мо́лча стою́ я над стра́шной моги́лой.
Что́ слова́? Истле́ли слова́.
Бы́ло вре́мя — писа́л я о ми́лой,
  О щёлканье соловья́.

Каза́лось бы, что́ в э́той те́ме тако́го?
    Пра́вда? А ме́жду тем
Попро́буй найти́ настоя́щее сло́во
    Да́же для э́тих тем.

А тут? Да ведь тут же не́рвы, как лу́ки,
Но стро́чки... глу́ше варёных вязи́г*.
Нет, това́рищи: э́той му́ки
    Не вы́разит язы́к.
Он сли́шком привы́чен, поэ́тому бле́ден,
Сли́шком изя́щен, поэ́тому скуп,
К неумоли́мой грамма́тике све́ден
Ка́ждый крик, слета́ющий с губ.

Здесь ну́жно бы... Ну́жно созда́ть бы ве́че*
Из всех племён от древка́ до древка́
И взять от ка́ждого всё челове́чье,
Всё, прорва́вшееся сквозь века́ —
Во́пли, хри́пы, вздо́хи и сто́ны,
Эхо наше́ствий, погро́мов, резни́...
Не э́то ль
        наре́чье
                му́ки бездо́нной
    Слова́м иско́мым сродни́*?

Но есть у нас и така́я речь,
Кото́рая вся́ких слов горячée.
Враго́в осыпа́ет прокля́тьем карте́чь.
Глаго́лом проро́ков гремя́т батаре́и*.
Вы слы́шите тру́бы на рубежа́х?
Смяте́ние... Кри́ки... Бледне́ют громи́лы*.
Бегу́т! Но не́куда им убежа́ть
    От ва́шей крова́вой моги́лы.

Ослáбьте же мы́шцы. Прикрóйте вéки.
Травóю взойди́те* у э́тих высóт.
Кто вас уви́дел, отны́не навéки
Все вáши рáны в душé унесёт.
Ров... Поэ́мой ли скáжешь о нём?
Семь ты́сяч трýпов.
Еврéи... Славя́не...
Да! Об э́том нельзя́ словáми:
Огнём! Тóлько огнём!

1942

СОНЕТ

Бессмéртья нет. А слáва тóлько дым.
И надыми́* хоть нá сто поколéний,
Но гдé-нибудь ты смéнишься други́м
И всё равнó исчéзнешь, бéдный гéний

Истóрии ты был необходи́м
Всегó, быть мóжет, нéсколько мгновéний...
Но не отчáивайся, бéдный гéний,
Печáльный одноýм* и нелюди́м*.

По-прéжнему ты к вéчному стреми́сь!
Пускáй тебя́ не покидáет мысль
О том, что óтзвук из грядýщих дáлей
Тебé нужнéй и лáвров и медáлей.

Бессмéртья нет. Но жизнь полны́м-полнá.
Когдá бессмéртью óтдана онá.

1943

СОНЕТ

Я никогда́ в любви́ не знал траге́дий.
За что меня́ люби́ли? Не пойму́.
Похо́дка у меня́, как у медве́дя,
Хара́ктер — впо́ру ве́тру самому́*.
Быть мо́жет, го́лос? Но быва́ли ме́ди
Сродни́ виолонче́льному письму́*;
Ины́х же по блестя́щему уму́
Прира́внивали мы к само́й коме́те!
А ме́жду тем была́ ведь Беатри́че
Для Да́нте недосту́пной. Бо́же мой!
Как я хоте́л бы испыта́ть вели́чье
Любви́ неразделённой и смешно́й,
Уни́женной, уже́ нечелове́чьей,
Бормо́чущей боже́ственные ре́чи.

1950

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

ОДЕССА*

Клыка́стый* ме́сяц вы́лез на восто́ке,
Над со́снами и костяка́ми* скал...
Здесь он стоя́л...
Здесь рва́лся плащ широ́кий,
Здесь Ба́йрона он нараспе́в* чита́л...
Здесь в ды́мном
Голуби́ном опере́нье*
И ночь и мо́ре
Стла́лись перед ни́м...
Как ле́тний дождь,
Прихо́дит вдохнове́нье —
Пройдёт над мо́рем
И уйдёт, как дым...
Как ле́тний дождь,
Прихо́дит вдохнове́нье,
Осы́плет се́рдце
И в глаза́х сверкнёт...
Волна́ и ночь в торже́ственном движе́нье

Слага́ют ямб.
И э́тот ямб поёт...
И с той поры́,
Кто бро́дит берега́ми
Средь ни́зких ло́док
И пусты́х песко́в, —
Тот слы́шит кро́вью, се́рдцем и глаза́ми
Раска́т и ро́ссыпь пу́шкинских стихо́в.
И в ка́ждую скалу́
Прони́кло сло́во,
И пле́щет сло́во
Меж плоти́н и дамб.
Волна́ отхлы́нет
И нахлы́нет сно́ва, —
И в э́том бе́ге закипа́ет ямб...
И мне, мечта́телю,
Доны́не лю́бы*:
Тяжёлых волн рифмо́ванный похо́д.
И негритя́нские сухи́е гу́бы,
И ску́лы, вы́двинутые впере́д...
Тебя́ среди́ вои́нственного гу́ла
Я проноси́л
В трево́ге и боя́х.
«Твоя́, твоя́!» — мне пе́ла Мариу́ла*
Пе́ред костро́м
В поки́нутых шатра́х...
Я сно́ва жду:
Заговори́т трубо́ю
Моя́ страна́,
Лежа́щая в степя́х;
И часово́й, оде́тый в голубо́е,
Укро́ется в днестро́вских камыша́х...

Стано́вища* раски́нуты зара́не,
В дубо́вых ро́щах
Голоса́ ясне́й.
Отве́рженные*,
Ни́щие,
Цыга́не —
Мы подыма́ем на похо́д коне́й...
О, э́тот зной!
Как изныва́ет те́ло, —
Над Бессара́бией звени́т жара́...
Поэ́т похо́дного политотде́ла,
Ты с на́ми отдыха́ешь у костра́*.
Дово́льно бре́да...
То́лько во́лны та́ют,
Москва́ шуми́т,
Похо́дов нет как нет*...
Но я благогове́йно подыма́ю
Уро́ненный тобо́ю пистоле́т...

1923

СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ

> Грозо́ю освежённый,
> Подра́гивает лист
> Ах, пе́ночки* зелёной
> Двухоборо́тный свист*!

Ва́ля, Валенти́на,
Что с тобо́й тепе́рь?
Бе́лая пала́та,
Кра́шеная дверь.

Тóньше паути́ны
Из-под кóжи щёк
Тлéет скарлати́ны
Смéртный огонёк.

Говори́ть не мóжешь —
Гу́бы горячи́.
Над тобóй колду́ют
Умные врачи́.
Глáдят бéдный ёжик*
Стри́женых волóс.

Вáля, Валенти́на,
Что с тобóй стряслóсь?
Вóздух воспалённый,
Чёрная травá.
Почему́ от знóя
Нóет головá?
Почему́ тесни́тся
В подъязы́чье* стон?
Почему́ ресни́цы
Обдувáет сон?

Двéри отворя́ются.
(Спать. Спать. Спать.)
Над тобóй склоня́ется
Плáчущая мать:

— Вáленька! Валю́ша!
Тя́гостно* в избé.
Я крести́льный крéстик*
Принеслá тебé.

Всё хозяйство бро́шено,
Не попра́вишь враз*,
Грязь не по-хоро́шему
В го́рницах* у нас.
Ку́ры не закры́ты,
Сви́ньи без коры́та;
И мычи́т коро́ва
С го́лоду серди́то.
Не проти́вься ж, Ва́ленька,
Он тебя́ не съест,
Золочёный, ма́ленький,
Твой крести́льный крест.

На щеке́ помя́той
Дли́нная слеза́.
А в больни́чных о́кнах
Дви́жется гроза́.
Открыва́ет Ва́ля
Сму́тные глаза́.

От море́й реву́чих
Па́смурной страны́
Наплыва́ют ту́чи,
Ли́внями полны́.

Над больни́чным са́дом,
Вы́тянувшись в ряд,
За густы́м* отря́дом
Дви́жется отря́д.
Мо́лнии, как га́лстуки,
По́ ветру летя́т.

В дождево́м сия́нье
Облачных слоёв
Сло́вно очерта́нье
Ты́сячи голо́в.

Ру́хнула плоти́на,
И выхо́дят в бой
Блу́зы из сати́на
В си́ньке грозово́й*.

Тру́бы. Тру́бы. Тру́бы.
Подыма́ют вой.
Над больни́чным са́дом,
Над водо́й озёр,
Дви́жутся отря́ды
На вече́рний сбор.

Заслоня́ют свет они́
(Даль черны́м-черна́),
Пионе́ры Ку́нцева,
Пионе́ры Се́туни*,
Пионе́ры фа́брики Ногина́*.

А внизу́ склонённая
Изныва́ет мать:
Де́тские ладо́ни
Ей не целова́ть.
Духото́й спалённых
Губ не освежи́ть.
Валенти́не бо́льше
Не придётся жить.

— Я ль не собира́ла
Для тебя́ добро́*?
Шёлковые пла́тья,
Мех да серебро́,
Я ли не копи́ла,
Но́чи не спала́,
Всё коро́в дойла,
Пти́цу стерегла́, —
Чтоб бы́ло прида́ное,
Кре́пкое, недра́ное*,
Чтоб фата́ к лицу́* —
Как пойдёшь к венцу́!
Не проти́вься ж, Ва́ленька!
Он тебя́ не съест,
Золочёный, ма́ленький,
Твой крести́льный крест.

Пусть звуча́т посты́лые*,
Ску́дные слова́ —
Не поги́бла мо́лодость,
Мо́лодость жива́!

Нас води́ла мо́лодость
В са́бельный похо́д,
Нас броса́ла мо́лодость
На кроншта́дтский лёд*.

Боевы́е ло́шади
Уноси́ли нас,
На широ́кой пло́щади
Убива́ли нас.

Но в кро́ви горя́чечной*
Подыма́лись мы,
Но глаза́ незря́чие
Открыва́ли мы.

Возника́й содру́жество
Во́рона* с бойцо́м, —
Укрепля́йся му́жество
Ста́лью и свинцо́м.

Чтоб земля́ суро́вая
Кро́вью истекла́,
Что́бы ю́ность но́вая
Из косте́й взошла́.

Что́бы в э́том кро́хотном
Те́ле — навсегда́
Пе́ла на́ша мо́лодость,
Как весно́й вода́.

Ва́ля, Валенти́на,
Ви́дишь — на юру́*
Ба́зовое* зна́мя
Вьётся по шнуру́.

Кра́сное поло́тнище
Вьётся над бугро́м.
«Ва́ля, будь гото́ва!» —
Восклица́ет гром.

В про́зелень* лужа́йки
Ка́пли как полью́т!

Ва́ля в си́ней ма́йке
Отдаёт салю́т.

Ти́хо подыма́ется,
При́зрачно-легка́,
Над больни́чной ко́йкой
Де́тская рука́.

«Я всегда́ гото́ва!» —
Слы́шится окре́ст*.
На плетёный ко́врик
Упада́ет крест.
И пото́м бесси́льная
Ва́лится рука́ —
В пу́хлые поду́шки,
В мя́готь тюфяка́.

А в больни́чных о́кнах
Си́нее тепло́,
От большо́го со́лнца
В ко́мнате светло́.

И, припа́в к посте́ли,
Изныва́ет мать.

За огра́дой пе́ночкам
Ны́нче благода́ть*.

Вот и всё!

Но пе́сня
Не согла́сна ждать.

Возника́ет пе́сня
В болтовне́ ребя́т.

Подыма́ет пе́сню
На́ голос* отря́д.

И выхо́дит пе́сня
С то́потом шаго́в

В мир, откры́тый на́стежь
Бе́шенству ветро́в.

1932

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ

МЕДВЕДЬ

Де́вочке медве́дя подари́ли.
Он усе́лся, плю́шевый, большо́й,
Чуть покры́тый магази́нной пы́лью,
Ва́жный зверь
                    с полно́чною душо́й.

Де́вочка с медве́дем говори́ла,
Отвела́ для го́стя но́вый стул,
В де́сять
            спать с собо́ю уложи́ла,
А в оди́ннадцать
                        весь дом засну́л.

Но в двена́дцать,
                        ви́дя свет фона́рный,
Зверь пошёл по ле́звию луча́,
Очень ти́хий, о́чень благода́рный,
Но́жками тупы́ми топоча́*.

Со́сны зве́рю поклони́лись са́ми,
Всё уще́лье на́чало гуде́ть,
Поводя́ стекля́нными глаза́ми,
В го́ры шёл кори́чневый медве́дь.

И тогда́ ему́ промо́лвил сло́во
Облете́вший многоду́мный бук*:
— До́брой по́лночи, медве́дь! Здоро́во!
Ты куда́ идёшь-шага́ешь, друг?

— Я шага́ю но́чью на весе́лье,
Что идёт у медведе́й в гора́х,
Но́вый год справля́ет новосе́лье.
Чатырда́г* в снегу́ и облака́х.

— Не ходи́,
тебя́ рука́ми сши́ли
Из людски́х оде́жд людско́й иглой́,
Медведе́й охо́тники уби́ли,
Возвраща́йся, ма́ленький, домо́й.

Кто твою́ хозя́йку приголу́бит*?
Мать встреча́ет где́-то Но́вый год,
Домрабо́тница* танцу́ет в клу́бе,
А отца́ — соба́ка не найдёт.

Ты лежи́, медве́дь, лежи́ в посте́ли,
Ла́пами не дви́гай до зари́
И, щеки́ каса́ясь е́ле-е́ле,
Ска́зки медвежа́чьи говори́.

Путь далёк, а снег глубо́к и вя́зок,
Сны прижа́лись к ста́вням и дверя́м,
Потому́ что без полно́чных ска́зок
Нет житья́ ни лю́дям, ни зверя́м.

1938

МАЛЬЧИКИ ИГРАЮТ НА ГОРЕ

Ма́льчики заво́дят на горе́
Дре́вние мальчи́шеские и́гры*.
В лебеде́, в полы́нном* серебре́
Бле́щут зно́ем ма́ленькие и́кры.

От зака́та, мо́ря и весны́
Золото́й тума́н ползёт по скло́нам.
Опусти́сь, тума́н, приля́г, усни́
На холме́ широ́ком и зелёном.

Бе́лым, ро́зовым цвету́т сады́,
Хо́дят пти́цы с чёрными носа́ми.
От вели́кой штилево́й* воды́
Па́хнет холодко́м и паруса́ми.

Всю́ду ро́вный, непоня́тный свет.
Облака́ спусти́лись и засты́ли.
Ста́ло сни́ться мне, что сме́рти нет —
Умерла́ она́, лежи́т в моги́ле.

И по всей земле́ идёт весна́,
Охвати́в моря́, сдвига́я го́ры.
И тепе́рь вселе́нная полна́
Му́жества и я́сного просто́ра.

Ма́льчики игра́ют на горе́
Чи́стою весе́ннею поро́ю,
И над ни́ми,
в облака́х, в заре́,
Кру́жится орёл —
собра́т* геро́я.

Ма́льчики игра́ют в лёгкой мгле.
Со́тни ты́сяч лет они́ игра́ют:
Умира́ли ца́рства на земле́ —
Де́тство никогда́ не умира́ет.

1939

КУРСАНТСКАЯ ВЕНГЕРКА

Сего́дня не бу́дет пове́рки*,
Горни́ст не игра́ет похо́д.
Курса́нты* танцу́ют венге́рку, —
Идёт девятна́дцатый год*.

В большо́м беломра́морном за́ле
Копти́лки* на сце́не горя́т,
Валто́рны о да́льнем прива́ле,
О пе́рвой любви́ говоря́т.

На хо́рах просто́рно и пу́сто,
Лишь те́ни кача́ют крыло́м,
Столе́тние ца́рские лю́стры
Холо́дным звеня́т хрустале́м.

Комро́ты* спуска́ется све́рху,
Беле́сые гла́дит виски́,

Гремит курсовая венгерка,
Роскошно стучат каблуки.

Летают и кружатся пары —
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чинёных тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.

И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

Ты что впереди увидала?
Заснеженный чёрный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон?

Заветная ляжет дорога
На юг и на север — вперёд.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовёт!

Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме,
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хóрах — декáбрьское нéбо,
Портрéтный и рáмочный хлам;
Четвёрку колючего хлéба
Подéлим с тобóй пополáм.

И шéлест потёртого бáнта
Навéки унóсится прочь, —
Курсáнты, курсáнты, курсáнты,
Встречáйте прощáльную ночь!

Покá не качнýлась манéрка*,
Покá не сыгрáли похóд,
Гремит курсовáя венгéрка...
Идёт —
        девятнáдцатый год.

1940

ЗВЁЗДЫ ОСЕНИ

Тишь старéющей прирóды.
Звёзды óсени горя́т.
Лáет пёс плохóй порóды,
Непокóрный пёс Пирáт.

Вóдит он хвостóм, как кистью,
Цéпью звя́кает глухóй,
Облетáют с я́блонь листья,
Сýхо шéпчутся с травóй.

Скóлько нéжности и грýсти
В том, что чуть創 бездóмен сам,

В сты́лых* лу́жах, в ло́мком хру́сте,
В за́морозках по ноча́м.

Хо́дишь, хо́дишь, как влюблённый,
Слы́шишь де́тский свист вдали́.
То́нкий холодо́к калёный*
Выраста́ет из земли́.

Что ж в таку́ю о́сень и́щешь?
Мо́лодость — она́ ушла́,
Золото́е пепели́ще*
Бу́йных ли́стьев разнесла́.

Сча́стья миг? Забы́тый го́лос?
Дру́жбы по́днятый стака́н?
Жжёт ли се́рдце та́йный го́лод
Иль одна́ из ста́рых ран?

Или та, что бро́ви пря́чет
В тёмно-бу́рый ли́сий жар,
И от губ её горя́чих
Облачком клуби́тся пар?

Мо́жет быть, её и на́до...
То́лько с не́ю мне нужны́
Лист бродя́чий, жёсткость са́да,
Одино́кий стон сосны́,

Всё огро́мное, живо́е,
Что зимо́й должно́ засну́ть,
Что мне пе́сней ветрово́ю*
Обеща́ет ве́чный путь.

1956

ТА, КОТОРУЮ Я ЗНАЛ

Нет,
    та, кото́рую я знал,
        не существу́ет.
Она́ живёт
    в высо́тном до́ме*,
        с до́брым му́жем.
Он вы́строил ей да́чу, он ревну́ет,

Он ры́жий перманéнт*
    её воло́с
        целу́ет.
Мне да́же а́дрес,
    да́же телефо́н её
        не ну́жен.
Ведь та,
    кото́рую я знал,
        не существу́ет.
А бы́ло так,
    что зло́е мо́ре
        в бе́рег би́ло,
Греме́ло глу́хо,
    ту́го,
        как восто́чный бу́бен,
Несло́сь
    к поро́гу до́ма,
        где она́ служи́ла.
Тогда́ она́
    меня́
        так я́ростно люби́ла.

Твердила,
что мы ветром будем,
морем будем.
Ведь было так,
что злое море
в берег било.
Тогда на склонах
остролистник рос
колючий
И целый месяц
дождь метался
по гудрону*.
Тогда
под каждой
с моря налетевшей
тучей
Нас с этой женщиной
сводил
нежданный случай
И был подобен свету,
песне, звону.
Ведь на откосах
остролистник рос
колючий.
Бедны мы были,
молоды,
я понимаю.
Питались
жёсткими, как щепка,
пирожками.
И если б
я сказал тогда,
что умираю,

Она́
до а́да бы дошла́,
дошла́ до ра́я,
Чтоб ду́шу дру́га
вы́рвать
жа́дными рука́ми.
Бедны́ мы бы́ли,
мо́лоды —
я понима́ю!
Но власть
над бли́жними
её так гро́зно съе́ла,
Как по́длый рак
живу́ю ткань
съеда́ет.
Всё,
что в её душе́
рвало́сь, мета́лось, пе́ло, —
Все перешло́
в краси́вое, туго́е
те́ло,
И да́же
бе́шеная прядь её,
со шко́льных лет
седа́я,
От парикма́херских
прикра́с
позолоте́ла.
Та же́нщина
живёт
с каки́м-то жа́дным го́рем.

Ей нýжно
брать
все вéщи,
что судьбá дарýет,
Всё принижáть,
рвать
и цветóк и кóрень
И ненави́деть
мир
за то, что он простóрен.
Но в мíре
бóльше с ней
мы стрáстью
не поспóрим*.
Той жéнщине
не быть
ни вéтром
и ни мóрем.
Ведь та,
котóрую я знал,
не существýет.

1956

САМУИЛ МАРШАК

* * *

И по́ступь и го́лос у вре́мени ти́ше
Всех шо́рохов, всех голосо́в.
Шурша́т и рабо́тают та́йно, как мы́ши,
Колёсики на́ших часо́в.

Лука́вое вре́мя игра́ет в мину́тки,
Не тре́буя кру́пных моне́т.
Гляди́шь — на счету́ его́ кру́глые су́тки,
И ме́сяц, и се́мьдесят лет.

Секу́ндная стре́лка бежи́т что есть мо́чи*
Путём неукло́нным свои́м.
Так по́езд несётся просто́рами но́чи,
Пока́ мы за што́рами спим.

* * *

Цветна́я о́сень — ве́чер го́да —
Мне улыба́ется светло́.

Но ме́жду мно́ю и приро́дой
Возни́кло то́нкое стекло́.

Весь э́тот мир — как на ладо́ни,
Но мне обра́тно не идти́,
Ещё я с ва́ми, но в ваго́не,
Ещё я до́ма, но в пути́.

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

в перево́де С. МАРШАКА

№ 66

Зову́ я смерть. Мне ви́деть невтерпёж*
Досто́инство, что про́сит подая́нья,
Над простото́й глумя́щуюся ложь,
Ничто́жество в роско́шном одея́ньи,
И соверше́нству ло́жный пригово́р,
И де́вственность, пору́ганную гру́бо,
И неуме́стной по́чести позо́р,
И мощь в плену́ у не́мощи беззу́бой,
И прямоту́, что глу́постью слывёт,
И глу́пость в ма́ске мудреца́, проро́ка,
И вдохнове́ния зажа́тый рот,
И пра́ведность на слу́жбе у поро́ка.

Всё ме́рзостно, что ви́жу я вокру́г,
Но жаль тебя́ поки́нуть, ми́лый друг!

№ 116

Меша́ть соедине́нью двух серде́ц
Я не наме́рен. Мо́жет ли изме́на

Любви́ безме́рной положи́ть коне́ц?
Любо́вь не зна́ет у́были и тле́на.

Любо́вь — над бу́рей по́днятый мая́к,
Не ме́ркнущий во мра́ке и тума́не.
Любо́вь — звезда́, кото́рою моря́к
Определя́ет ме́сто в океа́не.

Любо́вь — не ку́кла жа́лкая в рука́х
У вре́мени, стира́ющего ро́зы
На пла́менных уста́х и на щека́х,
И не страшны́ ей вре́мени угро́зы.

А е́сли я непра́в и лжёт мой стих, —
То нет любви́ и нет стихо́в мои́х!

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ

Жил челове́к рассе́янный
На у́лице Бассе́йной.

Сел он у́тром на крова́ть,
Стал руба́шку надева́ть,
В рукава́ просу́нул ру́ки —
Оказа́лось, э́то брю́ки.

Вот како́й рассе́янный
С у́лицы Бассе́йной!

Надева́ть он стал пальто́ —
Говоря́т ему́: не то́.

Стал натя́гивать гама́ши —
Говоря́т ему́: не ва́ши.

Вот како́й рассе́янный
С у́лицы Бассе́йной!

Вме́сто ша́пки на ходу́
Он наде́л сковороду́.
Вме́сто ва́ленок перча́тки
Натяну́л себе́ на пя́тки.

Вот како́й рассе́янный
С у́лицы Бассе́йной!

Одна́жды на трамва́е
Он е́хал на вокза́л
И, две́ри открыва́я,
Вожа́тому сказа́л:
— Глубокоуважа́емый
Вагоноуважа́тый!
Вагоноуважа́емый
Глубокоуважа́тый*!
Во что́ бы то ни ста́ло*
Мне на́до выходи́ть.
Нельзя́ ли у трамва́ла
Вокза́й* останови́ть?

Вожа́тый удиви́лся —
Трамва́й останови́лся.

Вот како́й рассе́янный
С у́лицы Бассе́йной!

Он отпра́вился в буфе́т
Покупа́ть себе́ биле́т.
А пото́м помча́лся в ка́ссу
Покупа́ть буты́лку ква́су.

Вот како́й рассе́янный
С у́лицы Бассе́йной!

Побежа́л он на перро́н,
Влез в отце́пленный ваго́н,
Внёс узлы́ и чемода́ны,
Рассова́л их под дива́ны,
Сел в углу́ пе́ред окно́м
И засну́л споко́йным сном...

— Это что́ за полуста́нок? —
Закрича́л он спозара́нок*,
А с платфо́рмы говоря́т:
— Это го́род Ленингра́д.

Он опя́ть поспа́л немно́жко
И опя́ть взгляну́л в око́шко,
Увида́л большо́й вокза́л,
Удиви́лся и сказа́л:
— Это что́ за остано́вка —
Бологое иль Попо́вка? —
А с платфо́рмы говоря́т:
— Это го́род Ленингра́д.

Он опя́ть поспа́л немно́жко
И опя́ть взгляну́л в око́шко,
Увида́л большо́й вокза́л,
Потяну́лся и сказа́л:

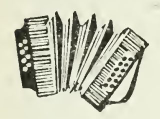
— Что за ста́нция така́я —
Дибуны́ и́ли Ямска́я? —
А с платфо́рмы говоря́т:
— Это го́род Ленингра́д.

Закрича́л он: — Что за шу́тки!
Еду я вторы́е су́тки,
А прие́хал я наза́д,
А прие́хал в Ленингра́д!

Вот како́й рассе́янный
С у́лицы Бассе́йной!

1930

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

РАЗВЕРНИСЬ, ГАРМОНИКА...

Развернись, гармо́ника, по сто́лику,
Я тебя́, как пе́сню, подниму́.
Выходи́ла то́ненькая-то́ненькая,
То́ней называ́лась потому́.

На дере́вне ничего́ не слы́шно,
А на слободе́* моей родно́й
То́лько ве́тер на доро́гу вы́шел
И не поздоро́вался со мно́й.

И твое́ю ла́ской зачаро́ван,
Он, что це́лый день не затиха́л,
Кры́льями просту́женных черёмух
Издали люби́мой замаха́л.

Ночь крича́ла за́пахами се́на,
В полуша́лок* ку́тала лицо́,
И звезда́, как ла́сточка, присе́ла
На моё широ́кое крыльцо́.

А берёзки бéлые в истóме
В пляс пошли — на дйво нам*...
Ай да Тóня, ай да Тóня,
Антонйна Клймовна!

1928

РОССИЯ

(*из поэмы*)

Скóлько звёзд голубы́х, скóлько си́них,
Скóлько ли́вней прошлó, скóлько гроз.
Соловьи́ное гóрло — Росси́я,
Белонóгие пу́щи* берёз;

Да широ́кая ру́сская пе́сня,
Вдруг с каки́х-то доро́жек и троп
Сра́зу бры́знувшая в поднебе́сье*
По-родно́му, по-ру́сски — взахлёб*;

Да како́й-нибудь ста́рый шала́шик,
Да заду́мчивой и́вы печа́ль,
Да роди́мые* ма́тери на́ши,
С-под* ладо́ни глядéвшие вдаль;

Да просто́р векове́чный, огро́мный,
Да гармо́ник разма́х ши́ре плеч,
Да вагра́нки*, да кра́ны, да до́мны,
Да певу́чая ру́сская речь!

Ка́ждый день был по-сво́ему гро́мок,
Нам войти́ в э́ти дни довело́сь,
Ско́лько ли́венок*, ду́дочек*, хро́мок*
Над твои́ми луга́ми лило́сь!

Ты вове́к не замо́лкнешь, родна́я,
Не поме́ркнут веснянки* твои,
Коль сейча́с по пере́днему кра́ю
Неумо́лчно свистя́т соловьи!

Всё равно́ на тропи́нках знако́мых
И сейча́с, у любо́го крыльца́,
Бе́ло бе́лая пе́на черёмух
Льётся, льётся — и нет ей конца́!

1943—1944

СЕМЁН КИРСАНОВ

ТВОЯ ПОЭМА

(*из поэмы*)

...На са́мом дне,
на тра́вах снов
я сно́ва
ря́дом
шёл с тобо́й
тропо́й
в цветы́,
в дыха́нье сна.
И сно́ва —
не «она́»,
а «ты»!
Мы шли
в сплошно́й рома́шкин* луг,
луг был,
как хорово́д подру́г,

как сбор
в «День бе́лого цветка́»*
в по́льзу чахо́точных больны́х.
Мир бе́лых солнц!
Ты хо́дишь в них,
цвета́м не бо́льно —
так легка́.
И ма́шет нам рома́шек луг.
Мы шли,
не размыка́я рук*,
и я тебя́ проси́л:
— Нет сил
мне жить, родна́я, без тебя́,
позво́ль с тобо́ю
вдаль пойти́,
нам по пути́...
Её глаза́
мне жа́лко бро́сили:
«Нельзя́».
Мы вы́шли вдруг
на но́вый луг, —
луг незабу́док
на́чал цвесть,
трудо́м голубогла́зых швей
он в кре́стик шве́дский
вы́шит весь
и весь —
в цвето́чную пыльцу́.
А си́ний цвет
тебе́ к лицу́,
твой сарафа́н
из лу́га сшит.
— Куда́ спеши́ть?

Мы ля́жем здесь,
послу́шай,
взвесь,
мне тру́дно врозь,
не брось
меня́.
Обсу́дим всё:
я в со́тый раз
прошу́ —
пусти́!
Оди́н
броди́ть я не могу́!
Как жаль тебе́ меня́,
прости́,
но
«нет»
с твои́х слета́ет губ.
Мы вы́шли
на жужжа́щий луг
жуко́в,
кузне́чиков
и пчёл.
С тобо́й
я ло́коть в ло́коть шёл*
и тёрся
о плечо́
щеко́й.
Рой
пчёл
кружи́лся у воло́с,
коло́лся ко́лос,
рос щаве́ль,

на ка́мне
мох
ржаве́л
у ног.
Туберкулёз —
он мог
отня́ть,
я ж
то́лько мог тебя́ обня́ть
и так оста́ться,
обнявши́сь.
Выска́льзывала ты из рук.
Весь
в парашю́тах
сня́лся луг
и —
одува́нчиками —
в высь!*
Отсю́да
вы́шли мы
к Тверско́й*,
она́ спуска́лась
вниз
к Неве́,
к нам
ветеро́к поду́л
морско́й,
плыл Севасто́поль
в синеве́.
По Ленингра́дскому шоссе́
прошли́
Воро́нежем в село́,

где снова луг
стоял в росе,
где детство
ситчиком* цвело.
Ордынкой
вышли
в Теберду,
Эльбрус
укутан
в снег-башлык*,
по трещинам его,
по льду
мы к морю Чёрному
сошли.
Там сели в лодку мы
без слов,
на ней была
кровать
и гроб,
по улице Донской веслом —
венком
с автомобиля
грёб.
И я молил
твои глаза,
И всё:
нельзя,
нельзя,
нельзя...
Не блажь
ведь то, что я прошу!

Куда́ нибудь
ещё
пойдём!
Был перед на́ми
жёлтый пляж,
и мо́ря шум,
и волн подъём,
и край пути́
с тобо́й вдвоём.
Ты про́сишься
прости́ться,
но
я обо всём
проси́л давно́.
Уже́ дошли́?
А мне куда́?
Как
мо́рем
прошага́ть года́?
Чем без тебя́
дожи́ть до ста́,
мне лу́чше,
тро́нув свой висо́к,
пусты́нной дю́ной
у́рны
стать*,
к часа́м песо́чным
лечь в песо́к...
Как хо́чется
тебе́ со мно́й
игра́ть
в наш ми́лый
мяч земно́й!

Запла́кать —
не расста́ться нам:
что тут —
слеза́,
то вы́стрел — там.
Нельзя́ —
чтоб с глаз
сползла́ слеза́!
Ты,
не запла́кав,
от груди́
ребёнка отняла́,
дала́
и мо́лвила:
— Оди́н иди́... —
И взгляд её
на мне замёрз,
и лоб её,
прохла́дней льдин,
губа́ми тро́нул
и оди́н
пошёл.

1937

ТВОРЧЕСТВО

Принесли́ к врачу́ солда́та
то́лько что из бо́я,
но уже́ в груди́ не бьётся
се́рдце молодо́е.

В нём застря́л стально́й оско́лок,
    обожжённый, гру́бый.
И глаза́ бойца́ мутне́ют,
    и сине́ют гу́бы.

Врач разре́зал гимнастёрку,
    разорва́л руба́шку,
врач уви́дел злу́ю ра́ну —
    се́рдце нараспа́шку*!

Се́рдце ско́льзкое, живо́е,
    си́не-кровяно́е,
а ему́ меша́ет би́ться
    остриё стально́е...

Вы́нул врач живо́е се́рдце
    из груди́ солда́тской,
и глаза́ устла́ли слёзы
    от печа́ли бра́тской.

Это бы́ло невозмо́жно,
    бы́ло безнаде́жно...
Врач держа́ть его́ стара́лся
    бесконе́чно не́жно.

Вы́нул он стально́й оско́лок
    не́жною руко́ю
и заши́л игло́ю ра́ну,
    то́нкою тако́ю...

И в отве́т на не́жность э́ту
    под руко́й заби́лось,

заходи́ло в рёбрах се́рдце,
    оказа́ло ми́лость*.

Посвеже́ли гу́бы бра́та,
    о́чи поясне́ли*,
и задви́гались живы́е
    ру́ки на шине́ли.

Но когда́ това́рищ ле́карь
    ко́нчил э́то де́ло,
у него́ глаза́ закры́лись,
    се́рдце онеме́ло.

И врача́ не оказа́лось
    ря́дом, по сосе́дству,
чтоб верну́ть сердцебие́нье
    и второ́му се́рдцу.

И когда́ расска́з об э́том
    я услы́шал по́зже,
и моё в груди́ заби́лось
    от вели́кой дро́жи.

По́нял я, что нет на све́те
    вы́ше, чем тако́е,
чем держа́ть друго́е се́рдце
    не́жною руко́ю.

И пуска́й моё от бо́ли
    се́рдце разорвётся —
э́то в жи́зни, э́то в пе́сне
    тво́рчеством зовётся.

1944

ПОД ОДНИМ НЕБОМ

Под одни́м не́бом на Земно́м Ша́ре мы с тобо́й жи́ли,
где в луча́х со́лнца облака́ плы́ли и дожди́ ли́ли,

где стоя́л во́здух, голубо́й, го́рный, в ледяны́х звёздах,
где цвели́ ве́тви, где птенцы́ жи́ли в травяны́х гнёздах.

На Земно́м Ша́ре под одни́м не́бом мы с тобо́й бы́ли,
и, деля́сь хле́бом, из одно́й ча́шки мы с тобо́й пи́ли...

По́мнишь день мра́ка, когда́ гул взры́ва расколо́л сча́стье,
чернотой тре́щин — жизнь на два ми́ра, мир на две ча́сти?

И легла́ про́пасть поперёк до́ма, че́рез стол с хле́бом,
раздели́в сте́ны, что росли́ ря́дом, грозовы́м не́бом...

Вот плыву́т ря́дом две больши́х глы́бы, исходя́ па́ром*,
а они́ бы́ли, да, одни́м до́мом, да, Земны́м Ша́ром...

Но на двух глы́бах то́же жить мо́жно, и живу́т лю́ди,
лишь во сне по́мня о Земно́м Ша́ре, о было́м чу́де —

там в луча́х со́лнца облака́ плы́ли и дожди́ ли́ли,
под одни́м не́бом, на одно́м све́те мы с тобо́й жи́ли.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

Враги́ сожгли́ родну́ю ха́ту,
Сгуби́ли всю его́ семью́.
Куда́ ж тепе́рь идти́ солда́ту,
Кому́ нести́ печа́ль свою́?

Пошёл солда́т в глубо́ком го́ре
На перекрёсток двух доро́г,
Нашёл солда́т в широ́ком по́ле
Траво́й заро́сший бугоро́к.

Стои́т солда́т — и сло́вно ко́мья
Застря́ли в го́рле* у него́.
Сказа́л солда́т: «Встреча́й, Праско́вья,
Геро́я — му́жа своего́.

Гото́вь для го́стя угоще́нье,
Накро́й в избе́ широ́кий стол, —
Свой день, свой пра́здник возвраще́нья
К тебе́ я пра́здновать пришёл...»

Никто́ солда́ту не отве́тил,
Никто́ его́ не повстреча́л,
И то́лько тёплый ле́тний ве́тер
Траву́ моги́льную кача́л.

Вздохну́л солда́т, реме́нь попра́вил,
Раскры́л мешо́к похо́дный свой,
Буты́лку го́рькую поста́вил
На се́рый ка́мень гробово́й.

«Не осужда́й меня́, Праско́вья,
Что я пришёл к тебе́ тако́й:
Хоте́л я вы́пить за здоро́вье,
А до́лжен пить за упоко́й*.

Сойду́тся вновь друзья́, подру́жки,
Но не сойти́сь вове́ки нам...»
И пил солда́т из ме́дной кру́жки
Вино́ с печа́лью попола́м.

Он пил — солда́т, слуга́ наро́да,
И с бо́лью в се́рдце говори́л:
«Я шёл к тебе́ четы́ре го́да,
Я три держа́вы покори́л...»

Хмеле́л солда́т, слеза́ кати́лась,
Слеза́ несбы́вшихся* наде́жд,
И на груди́ его́ свети́лась
Меда́ль за го́род Будапе́шт.

1945

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...

Услы́шь меня́, хоро́шая,
Услы́шь меня́, краси́вая —
Заря́ моя́ вече́рняя,
Любо́вь неугаси́мая!

Иду́ я вдоль по у́лице,
А ме́сяц в не́бе све́тится,
А ме́сяц в не́бе све́тится,
Чтоб нам с тобо́ю встре́титься.

Ещё косо́ю о́строю
В луга́х трава́ не ско́шена,
Ещё не вся черёмуха
К тебе́ в око́шко бро́шена;

Ещё не ско́ро мо́лодость
Да с на́ми распроща́ется.
Люби́ ж, поку́да лю́бится,
Встреча́й, пока́ встреча́ется.

Встреча́й, моя́ хоро́шая,
Встреча́й, моя́ краси́вая —
Заря́ моя́ вече́рняя,
Любо́вь неугаси́мая!

1945

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

* * *

Со́фье Крево́

Бьётся в те́сной печу́рке ого́нь,
На поле́ньях* смола́, как слеза́,
И поёт мне в земля́нке гармо́нь
Про улы́бку твою́ и глаза́.

Про тебя́ мне шепта́ли кусты́
В белосне́жных поля́х под Москво́й.
Я хочу́, что́бы слы́шала ты,
Как тоску́ет мой го́лос живо́й.

Ты сейча́с далеко́-далеко́.
Ме́жду на́ми снега́ и снега́.
До тебя́ мне дойти́ нелегко́,
А до сме́рти — четы́ре шага́.

Пой, гармо́ника, вью́ге назло́*,
Заплута́вшее* сча́стье зови́.
Мне в холо́дной земля́нке тепло́
От моее́й негаси́мой любви́.

1941

* * *

Ви́дно, вы́писал пи́сарь* мне да́льний биле́т,
Отправля́я впервы́й* на войну́.
На четвёртой войне́, с восемна́дцати лет,
Я солда́тскую ля́мку тяну́*.
Череда́ лихоле́тий* текла́ надо мно́й,
От полно́чных пожа́ров красна́.
Не вида́л я, как ю́ность прошла́ стороно́й,
Как легла́ на виски́ седина́.
И от пуль невреди́м и жаро́й непали́м*,
Прохожу́ я по кро́мке* огня́.
Ви́дно, мать непоме́рным страда́ньем свои́м
Откупи́ла у сме́рти меня́.
Испыта́ло нас вре́мя свинцо́м и огнём.
Ста́ли не́рвы желе́зу под стать*.
Победи́м. И вернёмся. И ра́дость вернём.
И суме́ем за всё наверста́ть*.
Неспроста́* к нам прихо́дят нея́сные сны
Про счастли́вый и со́лнечный край.
По́сле до́лгих нена́стий недру́жной весны́
Ждёт и нас ослепи́тельный май.

1942

* * *

Мир де́тства моего́ на дне морско́м исче́з...
Где петухи́ скли́ка́лись* на рассве́те,
Где зре́ла рожь, сине́л далёкий лес,
Тепе́рь в воде́ сквозя́т рыба́чьи се́ти.

Ты гру́стным взгля́дом в глубину́ гляди́шь,
Без го́рьких сожале́ний и оби́ды.
Там чу́дится* тебе́ соло́ма крыш
Усну́вшей дереве́нской Атланти́ды.

Крепча́ет ве́тер. Ме́жду чёрных свай*
Вскипа́ет пе́ны белосне́жной ва́та...
Спи, Атланти́да. Спи и не всплыва́й.
Тому́, что затону́ло, нет возвра́та.

1956

* * *

Поднима́ясь за о́блако кру́то,
Истреби́тель гуди́т в вышине́,
Эшело́ны по ю́жным маршру́там
Пробега́ют в ночно́й тишине́.

На теплу́шках узо́ры из хво́и —
Бли́зкий се́рдцу арме́йский ую́т.
Это с се́вера е́дут геро́и,
На́ши пе́сни в доро́ге пою́т.

За платфо́рмой, у са́мого кра́я
Бесконе́чный рома́шковый плёс.
Гру́стно слу́шаю, как, замира́я,
Удаля́ется дро́бот* колёс.

Ве́тер. Ночь. Путевы́е огни́.
Водока́чка. Тень семафо́ра.
Пе́сня! Ты их в пути́ догони́
И скажи́, что встре́тимся ско́ро.

1939—1940

ДМИТРИЙ КЕДРИН

БЕССМЕРТИЕ

Кем я был? Моги́льною траво́ю?
Хру́пкой га́лькою берегово́й?
Круглобо́ким о́блачком над бе́здной?
Ноздрева́тою* рудо́й желе́зной?

Та трава́ моги́льная снача́ла
Ветеро́к дыха́нием встреча́ла,
Ту́чка пла́кала слезо́ю дли́нной
Пролета́я над родно́й доли́ной.

И когда́ я говорю́ стиха́ми —
От кого́ в них го́лос и дыха́нье?
Этот го́лос — от праба́бки-ту́чи?
Эти вздо́хи от травы́ горю́чей!

Кем я бу́ду? Ко́мом се́рой гли́ны?
Бе́лым ка́мнем посреди́ доли́ны?

Стру́йкой, что не устаёт кати́ться?
Пёрышком в крыле́ у пе́вчей пти́цы?

Кем бы я ни ста́л и кем бы ни́ был* —
Ве́чен мир под э́тим ве́чным не́бом;
Если ста́ну я водо́й зелёной —
Зазвени́т она́ одушевлённо,
Если бу́ду я густо́й траво́ю —
Побежи́т она́ волно́й живо́ю.

1938

* * *

Проща́й, проща́й, моя́ ю́ность,
Звезда́ моя́, жизнь, улы́бка!
Ста́ла руко́й мужчи́ны
Мальчи́шеская рука́.
Ты прозвене́ла, ю́ность,
Как дорога́я скри́пка
Под лёгким прикоснове́ньем
Уве́ренного смычка́*.
Ты промелькну́ла, ю́ность,
Как золота́я ры́бка,
Что ка́нула в си́не мо́ре
Из се́ти у старика́!

1938

ОСТАНОВКА У АРБАТА*

Про́филь ю́ности бессме́ртной
Промелькну́л в окне́ трамва́я.

*М. Голо́дный**.

Я стоя́л у поворо́та
Рельс, бегу́щих от Арба́та.
Из трамва́я гля́нул кто́-то
Красногу́бый и чуба́тый*.
Как лицо́ его́ похо́же
На моё — сухо́е ны́не!
То́лько чу́точку моло́же,
Веселе́е и неви́нней.
А трамва́й — как сду́нет ве́тром*,
Он качну́лся уплыва́я.
Про́филь ю́ности бессме́ртной
Промелькну́л в окне́ трамва́я.
Ми́нут го́ды. Подойдёт он —
Мой двойни́к — к углу́ Арба́та.
Из трамва́я гля́нет кто́-то
Красногу́бый и чуба́тый,
Как и он в костю́ме си́нем,
С полево́ю су́мкой* то́же,
То́лько чу́точку неви́нней,
Веселе́е и моло́же.
А трамва́й — как сду́нет ве́тром.
Он промчи́тся, завыва́я...
Про́филь ю́ности бессме́ртной
Промелькнёт в окне́ трамва́я.

На висках у нас, как искры,
Седина́ блести́т сверка́я:
На́ша мо́лодость как вы́стрел
Прогреме́ла замира́я.
Вот и ста́нут ста́рше де́ти,
Встре́тят жизнь, как мы когда́-то,
Но оста́нется на све́те
Остано́вка у Арба́та,
Где ни ра́зу не поме́ркнув,
Непреста́нно оживая́,
Про́филь ю́ности бессме́ртной
Промелькнёт в окне́ трамва́я.

1939

ПЛАСТИНКА

Л К.

Когда́ я уйду́,
Я оста́влю мой го́лос
На чёрном кружке́.
Заведи́ патефо́н,
И вот
Под иго́лкой, — иго́лочкой
То́нкой, как во́лос,
От ги́бкой пласти́нки
Отде́лится он.

Немно́жко глухо́й
И немно́жко карта́вый*
Мой го́лос

Тебе́ прочита́ет стихи́,
Окли́кнет по и́мени,
Спро́сит:
«Уста́ла?»
Наска́жет
Нема́ло смешно́й чепухи́.

И ско́лько бы ни́ было
Зло́го,
Дурно́го,
Печа́лей,
Оби́д, —
Ты забу́дешь о них.
Тебе́ помере́щится
Бу́дто бы сно́ва
Мы хо́дим в кино́,
Разбива́ем цветни́к.
Лицо́ твоё
Тро́нет волне́нья румя́нец.
Забы́вшись,
Ты ти́хо шепнёшь:
«Покажи́сь!..»
Пласти́нка хрипнёт
И око́нчит свой та́нец,
Коро́ткий,
Тако́й же недо́лгий
Как жизнь.

1939

КРАСОТА

Эти го́рдые лбы винчиа́нских* мадо́нн
Я встреча́л не одна́жды у ру́сских крестья́нок,
У ряза́нских моло́док*, согбе́нных* трудо́м,
На току́ молотя́щих снопы́ спозара́нок.

У вихра́стых* мальчи́шек, что ло́вят граче́й
И несу́т в рукаве́ полушу́бка* отцо́ва,
Я вида́л э́ти звёзды оче́й,
Что глядя́т с вдохнове́нных карти́н Васнецо́ва*.

С большака́* перешли́ на отре́зок холста́
Бурлако́в э́тих ре́пинских но́ги босы́е*...
Я тепе́рь понима́ю, что вся красота́ —
То́лько луч того́ со́лнца, чьё и́мя — Росси́я!

1942

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

* * *

«Разве́дка бо́ем»* — два коро́тких сло́ва.
Ропта́ли* оруди́йные басы́.
И команди́р погля́дывал суро́во
На кро́хотные да́мские часы́.
Сквозь загради́тельный ого́нь* прорва́лись,
Крича́ли и коло́ли на лету́*.
А в по́лдень подчеркну́л штабно́го* па́лец
Захва́ченную у́тром высоту́.
Штыко́м вскрыва́ли пре́сные консе́рвы,
Уби́тых хорони́ли, как во сне,
Молча́ли. Команди́р очну́лся пе́рвый.
В холо́дной предрассве́тной тишине́,
Когда́ дыша́ли мёртвые поко́ем,
Очи́стить высоту́ пришёл прика́з,
И, повтори́в слова́ «разве́дка бо́ем»,
Угрю́мый команди́р не по́днял глаз.

А час спустя́ заря́ позолоти́ла
Чужо́й горы́ черни́льные края́.
Дай огляну́ться — там мои́ моги́лы,
Разве́дка бо́ем, мо́лодость моя́!

1938

* * *

Доду́мать не дай*, оборви́, молю́, э́тот го́лос,
Чтоб* па́мять распа́лась, чтоб та тоска́
раско́ло́лась,
Чтоб лю́ди шути́ли, чтоб бо́льше шу́ток и шу́ма,
Чтоб, вспо́мнив, вскочи́ть, себя́ оборва́ть,
не доду́мать,
Чтоб жить без просы́пу*, как пья́ный, за́лпом*
и на́ пол,
Чтоб ти́кали но́чью часы́, чтоб кран э́тот ка́пал,
Чтоб ка́пля за ка́плей, чтоб ци́фры, ри́фмы, чтоб
что́-то,
Кака́я-то ви́димость то́чной, сро́чной рабо́ты,
Чтоб би́ться с враго́м, чтоб штыко́м — под бо́мбы,
под пу́ли,
Чтоб вы́стоять смерть*, чтоб глаза́ в глаза́
загляну́ли.
Не дай догляде́ть, окажи́, молю́, э́ту ми́лость,
Не ви́деть, не вспо́мнить, что с на́ми в жи́зни
случи́лось.

1938

* * *

Самоуби́йцею в уще́лье
С горы́ кида́ется пото́к,
Лома́ет тра́урные е́ли
И сно́сит ка́мни, как песо́к.
Скоре́й бы вниз! И дни и но́чи,
Не зна́я ми́ра языка́,
Грози́т, упо́рствует, грохо́чет.
Так начина́ется река́,
Чтоб по́сле пла́вно и лени́во
Кача́ть рыба́цкие челны́
И отража́ть то тре́пет и́вы,
То ба́шен вековы́е сны.
Зако́нчится и на́ше вре́мя
Среди́ лазо́ревых земе́ль*,
Где садово́д леле́ет* се́мя
И мать кача́ет колыбе́ль,
Где день оди́н глубо́к и до́лог*,
Где се́рдце тишино́й полно́
И где с руки́ уста́лый го́лубь
Клюёт пшени́чное зерно́.

1939

* * *

Так ждать, чтоб да́же па́мять вы́мерла,
Чтоб стал непроходи́мым день,
Чтоб умира́ть при ми́лом и́мени
И догоня́ть чужу́ю тень,
Чтоб не дове́риться и зе́ркалу,

Чтоб от поду́шки утаи́ть,
Чтоб свет свое́й любви́ и ве́рности
Зары́ть, запря́тать, затемни́ть,
Чтоб па́льцы невзнача́й не хру́стнули*,
Чтоб вздох и тот зажа́ть в руке́,
Так ждать, чтоб мёртвый, он почу́вствовал
Горя́чий ве́тер на щеке́.

1942

* * *

Бы́ло в жи́зни ма́ло резеды́*,
Мно́го кро́ви, пе́пла и беды́.
Я не жа́луюсь на свой уде́л*,
Я бы то́лько увида́ть хоте́л
День оди́н, обыкнове́нный день,
Что́бы де́рева густа́я тень
Ничего́ не зна́чила, темна́,
Кро́ме ле́та, тишины́ и сна.

1943

* * *

Была́ трава́, как раб распла́стана*,
Сия́ла кро́ткая роса́,
И кро́влю променя́ла ла́сточка
На ла́сковые небеса́.
И то́лько ты, большо́е де́рево,
Оста́лось на своём посту́, —
Солда́т, кото́рому дове́рили

Прикры́ть собо́ю высоту́.
И бы́ли ве́тки в му́ке скре́щены*,
Когда́ ого́нь тебя́ подсе́к*,
И умира́ло ты торже́ственно,
Как умира́ет челове́к.

1945

* * *

Она́ была́ в линя́лой гимнастёрке*,
И но́ги бы́ли до́ крови натёрты.
Она́ пришла́ и постуча́лась в дом.
Откры́ла мать. Был стол накры́т к обе́ду.
«Твой сын служи́л со мно́й в полку́ одно́м,
И я пришла́. Меня́ зову́т Побе́да».
Был чёрный хлеб* беле́е бе́лых дней,
И слёзы бы́ли со́ли солоне́й.
Все сто столи́ц крича́ли вдалеке́,
В ладо́ши хло́пали и танцева́ли.
И то́лько в ти́хом ру́сском городке́
Две же́нщины сиде́ли и молча́ли.

1945

* * *

Я сму́тно жил* и неуве́ренно,
И говори́л я о друго́м,
Но по́мню я большо́е де́рево,
Черни́льное на голубо́м,
Я по́мню ми́лую мне же́нщину,

Не знаю, мало ль было сил*,
Но суеверно* и застенчиво
Я руку взял и отпустил.
И всё давным-давно потеряно,
И даже нет следа обид,
И только где-то то же дерево
Ещё по-прежнему стоит.

1945

* * *

Чужое горе — оно как овод,
Ты отмахнёшься*, и сядет снова,
Захочешь выйти, а выйти поздно,
Оно — горячий и мокрый воздух,
И как ни дышишь, всё так же душно,
Оно не слышит, оно — кликуша*,
Оно приходит и ночью ноет,
А как утешить — оно чужое.

1945

СОСЕД

Он идёт, седой и сутулый.
Почему судьба не рубнула*?
Он остался живой, и вот он,
Как другие, идёт на работу,
В перерыв глотает котлету,
В сотый раз заполняет анкету,
Как родился он в прошлом веке,
Как мечтал о большом человеке*,

Как он ел паёчную воблу*
И в какую он ездил область,
Про ранения и про медали,
Про сражения и про печали,
Как узнал он народ и дружбу,
Как ходил на войну и на службу,
Как ходила судьба и рубала*,
Как друзей у него отымала*.
Про него говорят «старейший»,
И ведь правда — морщины на шее,
И ведь правда — волос не осталось.
Засиделся* он в жизни малость*.
Погодите*, прошу, погодите!
Поглядите, прошу, поглядите!
Под поношенной*, стёртой кожей,
Бьётся сердце других моложе.
Он такой же, как был, он прежний,
Для него расцветает подснежник.
Всё не просто, совсем не просто,
Он идёт, как влюблённый подросток,
Он не спит голубыми ночами,
И стихи он читает на память,
И обходит он в вечер морозный
Заснежённые сонные звёзды,
И сражается он без ракеты
В чёрном небе за толику* света.

1958

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

* * *

Из записно́й потёртой кни́жки
Две стро́чки о бойце́-парни́шке,
Что был в сороково́м году́
Уби́т в Финля́ндии на льду.

Лежа́ло ка́к-то неуме́ло
По-де́тски ма́ленькое те́ло.
Шине́ль ко льду́ моро́з прижа́л,
Далёко ша́пка отлете́ла.

Каза́лось, ма́льчик не лежа́л,
А все ещё бего́м бежа́л,
Да лёд за по́лу придержа́л*...

Среди́ большо́й войны́ жесто́кой,
С чего́ — ума́ не приложу́*, —
Мне жа́лко той судьбы́ далёкой,
Как бу́дто мёртвый, одино́кий,
Как бу́дто э́то я лежу́,
Примёрзший, ма́ленький, уби́тый
На той войне́ незнамени́той,
Забы́тый, ма́ленький, лежу́.

1943

* * *

Что́-то я на́чал боле́ть о поря́дке
В пы́льном лежа́лом* хозя́йстве стола́:
Ли́шнее рву, а ино́е в тетра́дки
Переношу́, подшива́ю в «дела́»*.

Что ж, и́ли всё уж подхо́дит к ито́гу
И затрудня́ть я друзе́й не хочу́?
Или опя́ть я собра́лся в доро́гу,
Вы́брал маршру́т, но пока́мест* молчу́?

Или гада́ю, вступи́в на разви́лок*:
Где меня́ ждёт озаре́нье и свет
Ра́дости той, что, быть мо́жет, я в си́лах
Вам принести́, а быть мо́жет, и нет?..

Всё я приму́: поуче́нья, внуше́нья,
Все наставле́нья в доро́гу возьму́.
То́лько за мной остаётся реше́нье,
Что не приня́ть за меня́ никому́.

Я его́ при́нял с волне́ньем безве́стным*
И на себя́, что ни бу́дет, беру́*.
Да́йте расчи́стить рабо́чее ме́сто
С то́лком*, с любо́вью — и сра́зу к перу́.

Но за рабо́той, упо́рной, бесcро́чной,
Я мое́й гла́вной нужды́ не таю́:
Бу́дьте со мно́ю хотя́ бы зао́чно*,
Ве́рьте со мно́ю в уда́чу мою́.

1951

* * *

Нет, жизнь меня́ не обдели́ла*,
Добро́м свои́м не обошла́*,
Всего́ с лихво́й* дано́ мне было
В доро́гу — све́та и тепла́.

И ска́зок в тре́петную па́мять,
И пе́сен стороны́ родно́й,
И ста́рых пра́здников с попа́ми,
И но́вых с му́зыкой ино́й.

И в захолу́стье*, потрясённом
Всеми́рным чу́дом но́вых дней,
Стари́нных зим с певу́чим сто́ном
Далёких — за́ лесом — сане́й.

И вёсен в дру́жном разворо́те*,
Море́й и ре́чек на дворе́,
Икры́ лягу́шечьей в боло́те,
Смолы́ у со́сен на коре́.

И ле́тних гроз, грибо́в и я́год.
Роси́стых троп в траве́ глухо́й,
Пасту́шьих ра́достей и тя́гот*,
И слёз над кни́гой дорого́й.

И ра́нней го́речи и бо́ли,
И де́тской мсти́тельной мечты́,
И дней, не вы́сиженных в шко́ле,
И босоты́ и наготы́*.

Всего́ — и ску́дости* уны́лой
В потёмках о́тчего угла́*...
Нет, жизнь меня́ не обдели́ла,
Ниче́м в ряду́ не обошла́.

Ни ще́дрой вы́дачей здоро́вья
И сил надо́лго про запа́с.
Ни пе́рвой дру́жбой и любо́вью,
Что во второ́й не встре́тишь раз.

Ни сла́вы за́мыслом зелёным —
Отра́вой сла́дкой строк и слов,
Ни кру́жкой с ды́мным самого́ном*
В кругу́ певцо́в и мудреця́ов,

Тихо́нь* и спо́рщиков до стра́сти,
Чей толк* не прост и речь остра́
Насчёт было́й и но́вой вла́сти,
Насчёт добра́ и недобра́...

Чтоб жил и был всегда́ с наро́дом,
Чтоб ве́дал всё, что ста́нет с ним,
Не обошла́ тридца́тым го́дом,
И со́рок пе́рвым, и ины́м...

И сто́лько в се́рдце помести́ла,
Что ди́ву да́ться до поры́,
Каки́е ре́зкие под си́лу
Ему́ озно́бы и жары́.*

И что́ мне ма́лые напа́сти*
И незада́чи* на пути́,
Когда́ я зна́ю э́то сча́стье —
Не мимохо́дом жизнь пройти́.

Не мимое́дом сторонóю*
Её уви́деть без хлопо́т,
Но знать горбо́м* и всей спино́ю
Её круто́й и жёсткий пот.

И бу́дто де́ло молодо́е —
Всё, что зате́ял и слепи́л,
Счита́ть одно́й ничто́жной до́лей
Того́, что лю́дям до́лжен был.

Зато́ пору́кой обою́дной
Люба́я скра́шена страда́.*

Ещё и впредь мне бу́дет тру́дно,
Но что́бы стра́шно — никогда́.

1955

СТЕПАН ЩИПАЧЁВ

БЕРЁЗКА

Её к земле́ сгиба́ет ли́вень,
Почти́ нагу́ю, а она́
Рванётся, гля́нет молчали́во —
И дождь уймётся* у окна́.

И в непрогля́дный зи́мний ве́чер,
В побе́ду ве́ря наперёд*,
Её бура́н берёт за пле́чи,
За ру́ки бе́лые берёт.

Но, то́нкую, её лома́я,
Из си́лы вы́бьются... Она́,
Вида́ть*, хара́ктером пряма́я,
Кому́-то тре́тьему верна́.

1937

ПОТОМКАМ

Вас нет ещё: вы — во́здух, гли́на, свет;
О вас, далёких, лишь гада́ть могли́ мы, —
Но пе́ред ва́ми нам держа́ть отве́т.
Пото́мки, вы от нас неотдели́мы.

Был тру́ден бой. Каза́лись нам не раз
Незащищёнными столе́тий да́ли.
Когда́ враги́ грана́той би́ли в нас,
То и до вас оско́лки долета́ли.

1946

СОЛОВЕЙ

М. Петро́вых

Где березня́к, рябо́й и ре́дкий,
Где та́ет ды́мка лозняка́*,
Он, се́ренький, сиди́т на ве́тке
И де́ржит в клю́ве червяка́.

Но э́то он, просто́й, невзра́чный,
Озя́бший* но́чью от росы́,
Заворожи́т* посёлок да́чный
У при́городной полосы́.

1940

* * *

Любо́вью дорожи́ть уме́йте,
С года́ми дорожи́ть вдвойне́.
Любо́вь — не вздо́хи на скаме́йке
И не прогу́лки при луне́.
Всё бу́дет: сля́коть* и поро́ша*.
Ведь вме́сте на́до жизнь прожи́ть.
Любо́вь с хоро́шей пе́сней схо́жа,
А пе́сню не легко́ сложи́ть.

1938

* * *

Ты со мно́й — и ка́ждый миг мне до́рог.
Мо́жет, впереди́ у нас года́,
Но придёт разлу́ка, за кото́рой
Не быва́ет встре́чи никогда́.
То́лько звёзды в че́й-то час свида́нья
Бу́дут так же лить свой ти́хий свет.
Где тогда́ в холо́дном мирозда́нье,
Ми́лый друг, я отыщу́ твой след?

1944

* * *

Ты поро́й целу́ешь ту, поро́ю — э́ту
В папиро́сном голубо́м дыму́.

Мо́жет быть, в упрёках то́лку не́ту*,
Да чита́ть мора́ль и не к лицу́ поэ́ту, —
То́лько стра́шно ста́риться тому́,
Кто любо́вь, как ме́лкую моне́ту,
Раздава́л, не зна́я сам кому́.

1944

* * *

Пуска́й умру́, пуска́й летя́т года́,
Пуска́й я пра́хом ста́ну навсегда́.

Поля́ми де́вушка пойдёт боса́я.
Я встрепену́сь, превозмога́я тлен*,
Горя́чей пы́лью ног её каса́ясь,
Рома́шкою пропа́хших до коле́н.

1940

ДВЕ ДАТЫ

Я зна́ю — смерть придёт, не размину́ться с ней,
Две да́ты наберу́т под ка́рточкой мое́й,

И кра́ткое тире́, что их соедини́т,
В како́й-то миллиме́тр всю жизнь мою́ вмести́т.

Что ж, е́сли ты мне друг, у гро́ба повтори́,
Что, мол, ни в чём длинно́т* не выноси́л стари́к.

1939

СЕРДЦЕ И РАССУДОК

Пожáлуй, в э́том разговóре
Стушýешься* и ты, мой стих.
Когдá рассýдок с сéрдцем в спóре,
Комý довéриться из них?

Повéрить сéрдцу? Но извéстно —
Онó довéрчиво в любвú:
Емý в грудú вдруг стáнет тéсно,
Лишь úмя мúлой назовú.

Рассýдку? Вéрно, он пострóже,
Решáя, всё в расчёт возьмёт*.
Но что сказáть рассýдок мóжет,
Когдá он сéрдце не поймёт?

1949

* * *

Тéло твоё молодóе, ржанóе
Благословéнно, как счáстье земнóе.

Что же так нóет, что же так нóет
Сéрдце моё, обожжённое знóем!

1958

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

УСТУПИ МНЕ, СКВОРЕЦ, УГОЛОК

Уступи́ мне, скворе́ц, уголо́к,
Посели́ меня́ в ста́ром скворе́шнике.
Отдаю́ тебе́ ду́шу в зало́г*
За твои́ голубы́е подсне́жники.

И свисти́т и бормо́чет весна́,
По коле́но зато́плены то́поли.
Пробужда́ются клёны от сна,
Чтоб, как ба́бочки, ли́стья захло́пали.

И тако́й на поля́х каварда́к*,
И така́я ручьёв околёсица*,
Что попро́буй, поки́нув черда́к,
Сломя́ го́лову* в ро́щу не бро́ситься!

Начина́й серена́ду, скворе́ц!
Сквозь лита́вры* и бу́бны* исто́рии
Ты — наш пе́рвый весе́нний певе́ц
Из берёзовой консервато́рии.

Открывай представленье, свистун*!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сиянне струн
В самом горле у рощи берёзовой.

Я и сам бы стараться горазд*,
Да шепнула мне бабочка-странница*:
— Кто бывает весною горласт*,
Тот без голоса к лету останется.

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями*.
Поднимай же скворешню*, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая* по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками*.

Повернись к мирозданью лицом,
Голубые подснежники чествуя*,
С потерявшим сознанье скворцом
По весенним полям путешествуя.

1946

ХОДОКИ*

В зипунах* домашнего покроя,
Из далёких сёл, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу* ходоки.

Русь мета́лась в го́лоде и бу́ре,
Всё смеша́лось, сдви́нутое враз*.
Гул вокза́лов, крик в комендату́ре,
Челове́чье го́ре без прикра́с.

То́лько э́ти тро́е почему́-то
Выделя́лись в ско́пище* люде́й,
Не крича́ли бе́шено и лю́то,
Не лома́ли строй очереде́й.

Всма́триваясь ста́рыми глаза́ми
В то, что здесь наде́лала нужда́,
Горева́ли пу́тники, а са́ми
Говори́ли ма́ло, как всегда́.

Есть черта́, прису́щая наро́ду:
Мы́слит он не ра́зумом одни́м, —
Всю свою́ душе́вную приро́ду
На́ши лю́ди свя́зывают с ним.

Оттого́ прекра́сны на́ши ска́зки,
На́ши пе́сни, сло́женные в лад*.
В них и ум и се́рдце без опа́ски*
На одно́м наре́чье говоря́т.

Эти тро́е ма́ло говори́ли.
Что слова́! Была́ не в э́том суть*.
Но зато́ в душе́ они́ скопи́ли
Мно́гое за до́лгий э́тот путь.

Потому́, быть мо́жет, и таи́лись
В их глаза́х трево́жные огни́

В по́здний час, когда́ останови́лись
У поро́га Смо́льного* они́.

Но когда́ раду́шный их хозя́ин,
Челове́к в потёртом пиджаке́,
Сам рабо́той до́ смерти изма́ян*,
С ни́ми говори́л накоротке́*,

Говори́л о ску́дном их райо́не,
Говори́л о той поре́, когда́
Вы́йдут электри́ческие ко́ни
На поля́ наро́дного труда́,

Говори́л, как жизнь распра́вит кры́лья,
Как, воспря́нув ду́хом, весь наро́д
Золоты́е хле́бы изоби́лья
По стране́, лику́я, понесёт, —

Лишь тогда́ тяжёлая трево́га
В трёх сердца́х растая́ла, как сон,
И внеза́пно ви́дно ста́ло мно́го
Из того́, что ви́дел то́лько он.

И кото́мки* са́ми развяза́лись,
Се́рой пы́лью в ко́мнате пыля́,
И в рука́х стыдли́во показа́лись
Чёрствые ржаны́е кренделя́*.

С э́тим угоще́ньем безыску́сным
К Ле́нину крестья́не подошли́.
Ели все. И го́рьким был и вку́сным
Ску́дный дар истёрзанной земли́.

1954

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди́ други́х игра́ющих дете́й
Она́ напомина́ет лягушо́нка.
Запра́влена в трусы́ худа́я* рубашо́нка,
Коле́чки рыжева́тые кудре́й
Рассы́паны, рот дли́нен, зу́бки кри́вы,
Черты́ лица́ остры́ и некраси́вы.
Двум мальчуга́нам, све́рстникам её,
Отцы́ купи́ли по велосипе́ду.
Сего́дня ма́льчики, не торопя́сь к обе́ду,
Гоня́ют по́ двору, забы́вши про неё,
Она́ ж за ни́ми бе́гает по сле́ду.
Чужа́я ра́дость так же, как своя́,
Томи́т её и вон из се́рдца рвётся,
И де́вочка лику́ет и смеётся,
Охва́ченная сча́стьем бытия́.

Ни те́ни за́висти, ни у́мысла худо́го*
Ещё не зна́ет э́то существо́.
Ей всё на све́те так безме́рно но́во,
Так жи́во всё, что для ины́х мертво́!
И не хочу́ я ду́мать, наблюда́я,
Что бу́дет день, когда́ она́, рыда́я,
Уви́дит с у́жасом, что посреди́ подру́г
Она́ всего́ лишь бе́дная дурну́шка*!
Мне ве́рить хо́чется, что се́рдце не игру́шка,
Слома́ть его́ едва́ ли мо́жно вдруг!
Мне ве́рить хо́чется, что чи́стый э́тот пла́мень,
Кото́рый в глубине́ её гори́т,
Всю боль свою́ оди́н переболи́т*
И перето́пит са́мый тя́жкий ка́мень!

И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье,
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движенье,
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955

СТАРАЯ АКТРИСА

В позолоченной комнате стиля ампир,
Где шнурками затянуты кресла,
Театральной Москвы позабытый кумир*
И владычица* наша воскресла.

В затрапезе* похожа она на щегла,
В три погибели скорчилось тело*.
А ведь, боже, какая актриса была
И какими умами владела!

Что-то было нездешнее в каждой черте
Этой женщины, юной и стройной,
И лежал на тревожной её красоте
Отпечаток Италии знойной.

Ныне домик её превратился в музей,
Где жива её прежняя слава,
Где старуха подчас* удивляет друзей
Своевольем капризного нрава.

Ордено́в ей и зва́ний нема́ло дано́,
И она́ пребыва́ет в наде́жде,
Что красе́ её ве́чно сия́ть суждено́
В э́том до́ме, как не́когда пре́жде.

Здесь карти́ны, портре́ты, альбо́мы, венки́,
Здесь дыха́ние ю́жных расте́ний,
И они́ её о́браз года́м вопреки́
Сохраня́т для ины́х поколе́ний,

И не ва́жно, не ва́жно, что в да́льнем углу́,
В полутёмном и ни́зком подва́ле,
Бесприю́тная де́вочка спит на полу́,
На тряпи́чном своём одея́ле!

Здесь у тётки-актри́сы из ми́лости ей
Предоста́влена ны́нче кварти́ра.
Здесь она́ выбива́ет ковры́ у двере́й,
Пыль и пле́сень стира́ет с ампи́ра.

И когда́ её ста́рая тётка брани́т,
И счита́ет, и пря́чет моне́ты, —
О, с каки́м удивле́ньем ребёнок гляди́т
На прекра́сные э́ти портре́ты!

Ра́зве де́вочка мо́жет поня́ть до конца́,
Почему́, поража́я нам чу́вства,
Поднима́ет над ми́ром таки́е сердца́
Неразу́мная си́ла иску́сства!

1956

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Вдоль ма́леньких до́миков бе́лых
Ака́ция ду́шно цветёт.
Хоро́шая де́вочка Ли́да
На у́лице Южной живёт.

Её золоты́е коси́цы
Затя́нуты, бу́дто жгуты́*.
По пла́тью, по си́нему си́тцу,
Как в по́ле, мелька́ют цветы́.

И во́все, предста́вьте, непло́хо,
Что ры́жий пройдо́ха* Апре́ль
Бесшу́мной пыльцо́ю весну́шек
Засы́пал ей у́тром посте́ль.

В око́нном стекле́ отража́ясь,
По ми́ру идёт не спеша́
Хоро́шая де́вочка Ли́да,

Да чем же
она́
хороша́?

Спроси́те об э́том мальчи́шку,
Что в до́ме напро́тив живёт:
Он с и́менем э́тим ложи́тся
И с и́менем э́тим встаёт.

Неда́ром на ка́менных пли́тах,
Где ми́лый боти́нок ступа́л,
«Хоро́шая де́вочка Ли́да», —
В отча́янье он написа́л.

Не мо́жет люде́й не растро́гать
Мальчи́шки упря́мого пыл.
Так Пу́шкин влюбля́лся, должно́ быть,
Так Ге́йне, наве́рно, люби́л.

Он вы́растет, ста́нет изве́стным,
Поки́нет пена́ты свои́.
Ока́жется у́лица те́сной
Для э́той огро́мной любви́.

Прегра́ды влюблённому не́ту:
Смуще́нье и ро́бость — враньё!
На всех перекрёстках плане́ты
Напи́шет он и́мя её:

На по́люсе Южном — огня́ми,
Пшени́цей — в куба́нских степя́х,
На ру́сских поля́нах — цвета́ми
И пе́ной морско́й — на моря́х.

Он в не́бо зале́зет ночное,
Все па́льцы себе́ обожжёт,
Но вско́ре над ти́хой землёю,
Созве́здие Ли́ды взойдёт.

Пусть бу́дут ноча́ми свети́ться
Над сна́ми твоими, Москва́,
На си́них небе́сных страни́цах
Краси́вые э́ти слова́.

1941

* * *

Если я заболе́ю,
к врача́м обраща́ться не ста́ну,
обраща́юсь к друзья́м
(не сочти́те, что э́то в бреду́):
постели́те мне степь,
занаве́сьте мне о́кна тума́ном,
в изголо́вье поста́вьте
ночну́ю звезду́.

Я ходи́л напроло́м*.
Я не слыл недотро́гой*.
Если ра́нят меня́ в справедли́вых боя́х,
забинту́йте мне го́лову
го́рной доро́гой
и укро́йте меня́
одея́лом
в осе́нних цвета́х.

Порошко́в и́ли ка́пель — не на́до.
Пусть в стака́не сия́ют лучи́.
Жа́ркий ве́тер пусты́нь, серебро́ водопа́да —
вот чем сто́ит лечи́ть.

От море́й и от гор
так и ве́ет века́ми,
как посмо́тришь — почу́вствуешь:
ве́чно живём.

Не обла́тками жёлтыми
путь мой усе́ян, а облака́ми.
Не больни́чным от вас ухожу́ коридо́ром,
а Мле́чным путём*.

1940

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В бу́ре электри́ческого све́та
Умира́ет ю́ная Джулье́тта.

Пра́здничные я́русы и ло́жи
Голосо́к Офе́лии трево́жит.

В золоты́х и тёмно-си́них блёстках
Зо́лушка* танцу́ет на подмо́стках.

На́ши сёстры в полутёмном за́ле,
Мы о вас ещё не написа́ли.

В блиндажа́х подзе́мных, а не в ска́зке
На́ши жёны примеря́ли ка́ски.

Не в садáх Перрó, а на Урáле
Вы золóю зéмлю удобрáли.

На носúлках длúнных под навéсом
Умирáли рýсские принцéссы.

Вóзле, в госудáрственной печáли,
Тúхо пулемётчики стоя́ли.

Сня́ли вы бушлáты и шинéли,
стáренькие тýфельки надéли.

Мы ещё одéнем вас шелкáми,
Плéчи вам согрéем соболя́ми.

Мы пострóим вам дворцы́ большúе,
Мúлые красáвицы Россúи.

Мы о вас напúшем сочинéнья,
Пóлные любвú и удивлéнья.

1945

ПЕСНЯ

Мать ждалá для сы́на лёгкой дóли —
сын лежúт, как вúтязь, в чúстом пóле.

В чúстом пóле, на землé совéтской,
пýлею подкóшенный немéцкой!

Мать ждалá для дóчери венчáнья*,
а достáлось дóчери молчáнье.

Ры́жие фельдфе́бели в подва́ле
три неде́ли до́ченьку пыта́ли.

Стра́шные приду́мывали му́ки,
бе́лые вывёртывали ру́ки.

Три неде́ли в су́мраке подва́ла
ничего́ она́ им не сказа́ла.

То́лько за мину́ту до расстре́ла
вспо́мнила про го́лос и запе́ла.

Ах, не сто́нет мать и не рыда́ет —
имена́ родны́е повторя́ет.

Ра́зве она́ ду́мала — ряди́ла,
что геро́ев Вре́мени расти́ла.

В то́нкие пелёнки пелена́ла,
в тёплые сапо́жки обува́ла.

1944

НАШ ГЕРБ

Случи́лось э́то
в тот вели́кий год,
когда́ восста́л
и победи́л наро́д.

В нето́пленый
кремлёвский кабине́т

пришли́ вожди́ держа́вы
на Сове́т.

Сиде́ли с ни́ми
за одни́м столо́м
кузне́ц с жнеёй,
ткачи́ха с батрако́м.

А у двере́й —
отва́жен и уса́т —
стоя́л с винто́вкой
на посту́ солда́т.

Сове́т реши́л:
— Мы на земле́ живём
и на́шу зе́млю
сде́лаем гербо́м.

Пусть на гербе́,
как в не́бе, навсегда́
сия́ет со́лнце
и гори́т звезда́.

А остально́е —
три́жды сла́вься труд! —
пусть делега́ты
са́ми принесу́т.

Принёс кузне́ц
из ды́мной мастерско́й
своё бога́тство —
ве́чный мо́лот свой.

В куске́ холста́
из да́льнего села́
свой о́стрый серп
крестья́нка принесла́.

И, сапога́ми
мёрзлыми* стуча́,
внесла́ ткачи́ха
сви́ток кумача́*.

И мо́лот тот,
что кузнецу́ служи́л,
с больши́м серпо́м
Совет соедини́л.

Тяжёлый сноп,
напо́лненный зерно́м,
Сове́т обви́л
Октя́брьским кумачо́м.

И ло́зунг наш,
по сло́ву Ильича́,
наче́ртан был
на ле́нтах кумача́.

Хоте́л солда́т —
не смог солда́т смолча́ть —
свою́ винто́вку
для герба́ отда́ть.

Но вождь наро́дов
во́ину сказа́л,

чтоб он её
из рук не выпуска́л.

С тех пор солда́т —
почётная судьба́ —
стоит на стра́же
на́шего герба́.

1948

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

* * *

Мне ка́жется, что я воскре́с.
Я жил. Я зва́лся Геркуле́с.
Три ты́сячи пудо́в* я ве́сил.
С корня́ми вырыва́л я лес.
Руко́й тяну́лся до небе́с.
Садя́сь, лома́л я спи́нки кре́сел.
И у́мер я .. И вот воскре́с:
Норма́льный рост, норма́льный вес —
Я стал как все Я добр, я ве́сел.
Я не лома́ю спи́нки кресел...
И всё-таки я Геркуле́с.

1945

ВОДА

Вода́
Благоволи́ла*
Ли́ться!

Она́
Блиста́ла
Столь чиста́,
Что ни напи́ться,
Ни умы́ться.

И э́то бы́ло неспроста́*.

Ей
Не хвата́ло
Ивы, та́ла*
И го́речи цвету́щих лоз*.

Ей
Во́дорослей не хвата́ло
И ры́бы, жи́рной от стреко́з.

Ей
Не хвата́ло быть волни́стой,
Ей не хвата́ло течь везде́.
Ей жи́зни не хвата́ло —
Чи́стой,
Дистиллиро́ванной
Воде́!

1946

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ушёл он ра́но ве́чером,
Сказа́л:
— Не жди. Дела́...

Шёл пе́рвый снег.
И у́лица
Была́ белы́м-бела́.

В кио́ске он у де́вушки
Спроси́л стака́н вина́.

«Дела́... — тверди́л он мы́сленно, —
И не моя́ вина́».

Но позвони́л он с пло́щади:
— Ты спишь?
— Нет, я не сплю.
— Не спишь? А что ты де́лаешь? —
Отве́тила:
— Люблю́!

...Верну́лся по́здно у́тром он,
В двена́дцатом часу́,
И озира́лся в ко́мнате,
Как бу́дто бы в лесу́.
В лесу́, где ве́тви чёрные
И чёрные стволы́,
И все портье́ры чёрные,
И чёрные углы́,
И кре́сла чёрно-бу́рые,
Толпя́сь, молча́т вокру́г...

Она́ склони́ла го́лову,
И он уви́дел вдруг:

Быть мо́жет, и сама́ ещё
Она́ не хо́чет знать,
Отку́да в тёплом зо́лоте
Взяла́сь така́я прядь!

Он тро́нул э́то ми́лое
Тепе́рь ему́ наве́к
И по́нял,
Чьим он зо́лотом
Плати́л за свой ночле́г.

Она́ спроси́ла:
— Что э́то? —
Сказа́л он:
— Пе́рвый снег!

1946

* * *

Из смире́нья не пи́шутся стихотворе́нья,
И нельзя́ их писа́ть ни на чьё усмотре́нье*.
Говоря́т, что их мо́жно писа́ть из
презре́нья.

Нет!
Дикту́ет их то́лько прозре́нье*.

1948

* * *

Что́-то
Но́вое в ми́ре.
Челове́честву хо́чется пе́сен.
Лю́ди мы́слят о лю́тне*, о ли́ре.
Мир без пе́сен
Неинтере́сен.

Ве́тер,
Ве́тви,
Весе́нняя сы́рость,
И черны́, как истле́вший папи́рус,
Прошлого́дние тра́вы.
Челове́честву хо́чется пе́сен.
Лю́ди пра́вы.

И иду́ я
По э́тому ми́ру.
Я хочу́ отыска́ть э́ту ли́ру,
Или — как там зовётся он ны́не —
Инструме́нт для прикоснове́нья
Па́льцев, тре́петных от вдохнове́нья*.

Города́ и пусты́ни,
Шум, подо́бный прибо́ю морско́му...
Пе́сен хо́чется ро́ду людско́му.

Вот они́, э́ти стру́ны,
Бу́дто ме́дны и бу́дто чугу́нны,
Проводо́в телефо́нных не то́ньше
И не то́лще, должно́ быть.

Умоля́ют:
— О, тронь же!
Но ещё не успе́л я потро́гать —
Слы́шу гул отдалённый,
Бу́дто где́-то в да́ли тума́нной
За дрожа́щей мембра́ной

Выпрямля́ется раб обнажённый;
Исцеля́ется прокажённый*;
Воскреса́ет неви́нно казнённый,
Что случи́лось, не мо́жет предста́вить:
— Это я ! — говори́т. — Это я ведь!

На дере́вьях рожда́ются ли́стья,
Из щети́ны рожда́ются ки́сти,
Холст растре́скивается с хру́стом,
И смыва́ется вся́кая пле́сень...
Де́ло па́хнет иску́сством.
Челове́честву хо́чется пе́сен.

1954

ЭХО

Что тако́е случи́лось со мно́ю?
Говорю́ я с тобо́й одно́ю,
А слова́ мои́ почему́-то
Повторя́ются за стено́ю,
И звуча́т они́ в ту́ же мину́ту
В бли́жних ро́щах и да́льних пу́щах*,
В близлежа́щих людски́х жили́щах
И на вся́ческих пепели́щах*,
И повсю́ду среди́ живу́щих.

Зна́ешь, в су́шности — э́то не пло́хо!
Расстоя́ние не поме́ха*
Ни для сме́ха и ни для вздо́ха.
Удиви́тельно мо́щное э́хо.
Очеви́дно, така́я эпо́ха!

1956

* * *

Ещё
Боя́тся
Высоты́:
Мол, с высоты́ легко́ сорва́ться
И ввысь уж лу́чше не сова́ться*...

Ещё
Боя́тся простоты́:
Мол, по́просту не столкова́ться*

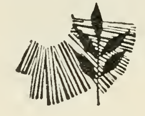
Ещё
Боя́тся
Наготы́*,
Хоть фи́говые листы́
Смешны́, чтоб и́ми прикрыва́ться.

Ещё
Боя́тся
Красоты́,
Боя́тся с ней соприкаса́ться:
Мол, о́чень тру́дно разобра́ться,

Как бу́дто бы в глаза́х двоя́тся
Её блестя́щие черты́.
Отсю́да — бде́нья и посты́*.

О ты,
Проста́к*,
Пойми́ же ты:
Ты в ру́бище лженищеты́
За кро́хами встаёшь в хвосты́*,
Когда́ круго́м твои́ бога́тства,
Твои́ сокро́вища тая́тся,
Твои́ труды́,
Твои́ мечты́.

ОЛЬГА БЕРГОЛЬЦ

* * *

Я се́рдце своё никогда́ не щади́ла:
ни в пе́сне, ни в дру́жбе, ни в го́ре, ни
в стра́сти...
Прости́ меня́, ми́лый. Что бы́ло, то бы́ло
Мне го́рько. И всё-таки всё э́то — сча́стье.

И то, что я стра́стно, горю́че тоску́ю,
и то, что, страша́сь небыва́лой напа́сти*,
на при́зрак, на ма́лую тень негоду́ю.
Мне стра́шно... И всё-таки всё э́то — сча́стье.

Пуска́й э́ти слёзы и э́то уду́шье,
пусть хлёщут упрёки, как ве́тки в нена́стье:
страшне́й всепроще́нье*. Страшне́й
равноду́шье.
Любо́вь не проща́ет. И всё э́то — сча́стье.

Я зна́ю тепе́рь, что она́ убива́ет,
не ждёт сострада́нья, не де́лится вла́стью.
Поку́да* прекра́сна, поку́да жива́я,
поку́да она́ не утёха, а сча́стье.

* * *

А я вам говорю́, что нет
напра́сно про́житых мной лет,
нену́жно про́йденных путе́й,
впусту́ю слы́шанных весте́й.
Нет невоспри́нятых миро́в,
нет мни́мо ро́зданных даро́в,
любви́ напра́сной то́же нет,
любви́ обма́нутой, больно́й,
её нетле́нно чи́стый свет*
всегда́ во мне́,
всегда́ со мно́й.
И никогда́ не по́здно сно́ва
нача́ть всю жизнь,
нача́ть весь путь,
и так, чтоб в про́шлом бы — ни сло́ва,
ни сто́на бы не зачеркну́ть.

1952—1960

БАБЬЕ ЛЕТО

Есть вре́мя приро́ды осо́бого све́та,
нея́ркого со́лнца, нежне́йшего зно́я.
Оно́ называ́ется
ба́бье ле́то
и в пре́лести спо́рит с само́ю весно́ю.

Уже́ на лицо́ осторо́жно сади́тся
лету́чая, лёгкая паути́на...

Как зво́нко поют запозда́лые пти́цы!
Как пы́шно и гро́зно пыла́ют ·курти́ны*!

Давно́ отгреме́ли могу́чие ли́вни,
всё о́тдано ти́хой и тёмною ни́вой...
Всё ча́ще от взгля́да быва́ю счастли́вой,
всё ре́же и го́рше* быва́ю ревни́вой.

О му́дрость щедре́йшего ба́бьего ле́та,
с отра́дой* тебя́ принима́ю... И всё же,
любо́вь моя́, где ты, ау́кнемся*, где ты?
А ро́щи безмо́лвны, а звёзды всё стро́же...

Вот ви́дишь — прохо́дит пора́ звездопа́да*
и, ка́жется, вре́мя наве́к разлуча́ться...
...А я лишь тепе́рь понима́ю, как на́до
люби́ть, и жале́ть, и проща́ть, и
проща́ться...

1956

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ФОМА

В одно́м переу́лке
Стоя́ли дома́.
В одно́м из домо́в
Жил упря́мый Фома́.

Ни до́ма, ни в шко́ле,
Нигде́, никому́ —
Не ве́рил
Упря́мый Фома́
Ничему́.

На у́лицах сля́коть,
И до́ждик,
И град.
«Наде́ньте кало́ши», —
Ему́ говоря́т.

«Непра́вда, —
Не ве́рит Фома́, —

Это ложь...»
И пря́мо по лу́жам
Идёт без кало́ш.

Моро́з.
Надева́ют ребя́та коньки́.
Прохо́жие по́дняли воротники́.
Фоме́ говоря́т:
«Наступи́ла зима́».
В труса́х
На прогу́лку выхо́дит Фома́.

Идёт в зоопа́рке
С экску́рсией он.
«Смотри́те, — ему́ говоря́т, —
Это слон».
И сно́ва не ве́рит Фома́:
«Это ложь.
Совсе́м э́тот слон
На слона́ не похо́ж».

Одна́жды
Присни́лся упря́мому сон,
Как бу́дто шага́ет по Африке он.
С небе́с
Африка́нское со́лнце печёт,
Река́ под назва́нием Ко́нго
Течёт.

Подхо́дит к реке́
Пионе́рский отря́д.
Ребя́та Фоме́
У реки́ говоря́т:

«Купа́ться нельзя́:
Аллига́торов тьма».
«Непра́вда», —
Друзья́м отвеча́ет Фома́.

Трусы́ и руба́шка
Лежа́т на песке́.
Упря́мец плывёт
По опа́сной реке́.

Близка́
Аллига́тора хи́щная
Пасть.
«Спаса́йся, несча́стный,
Ты мо́жешь пропа́сть!»

Но слы́шен ребя́там
Знако́мый отве́т:
«Прошу́ не учи́ть,
Мне оди́ннадцать лет!»

Уже́ крокоди́л
У Фомы́ за спино́й,
Уже́ крокоди́л
Поперхну́лся Фомо́й;
Из па́сти у зве́ря
Торчи́т голова́.
До бе́рега
Ве́тер доно́сит слова́:
«Непра́...
Я не ве́...»

Аллигáтор вздохну́л
И, сы́тый,
В зелёную вóду нырну́л.

Трусы́ и рубáшка
Лежáт на пескé.
Никтó не плывёт
По опáсной рекé.

Проснýлся Фомá,
Ничегó не поймёт,
Трусы́ и рубáшку
Со сту́ла берёт.

Фомá удивлён,
Фомá возмущён:
«Непрáвда, товáрищи,
Это не сон!»

Ребя́та,
Найди́те такóго Фому́
И э́ти стихи́
Прочитáйте ему́.

1936

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

* * *

А. Суркóву

Ты пóмнишь, Алёша, дорóги Смолéнщины*,
Как шли бесконéчные злы́е дождú,
Как крúнки* неслú нам устáлые жéнщины,
Прижáв, как детéй, от дождя́ их к грудú.

Как слёзы онú вытирáли укрáдкою*,
Как вслед нам шептáли: «Госпóдь вас спасú!»*
И снóва себя́ называ́ли солдáтками*,
Как встарь повелóсь* на велúкой Русú*...

Слезáми измéренный чáще, чем вёрстами,
Шёл тракт*, на пригóрках скрывáясь из глаз:
Дерéвни, дерéвни, дерéвни с погóстами*,
Как бýдто на них вся Россúя сошлáсь*.

Как бýдто за кáждою рýсской окóлицей*,
Крестóм своúх рук ограждáя живы́х,
Всем мúром* сойдя́сь, нáши прáдеды мóлятся
За в бóга не вéрящих внýков своúх*.

Ты зна́ешь, наве́рное, всё-таки ро́дина —
Не дом городско́й, где я пра́зднично жил,
А э́ти посёлки, что де́дами про́йдены,
С просты́ми креста́ми их ру́сских моги́л.

Не зна́ю, как ты, а меня́ с дереве́нскою
Доро́жной тоско́й от села́ до села́,
Со вдо́вьей слезо́ю и пе́снею же́нскою
Впервы́е война́ на просёлках свела́.

Ты по́мнишь, Алёша: изба́ под Бори́совом*,
По мёртвому пла́чущий де́вичий крик,
Седа́я стару́ха в сало́пчике пли́совом*,
Весь в бе́лом, как на́ смерть оде́тый, стари́к.

Ну, что им сказа́ть, чем утёшить могли́ мы их?
Но, го́ре поня́в свои́м ба́бьим чутьём,
Ты по́мнишь, стару́ха сказа́ла: «Роди́мые*,
Поку́да* иди́те, мы вас подождём».

«Мы вас подожём!» — говори́ли нам па́жити*.
«Мы вас подождём!» — говори́ли леса́.
Ты зна́ешь, Алёша, ноча́ми мне ка́жется,
Что сле́дом за мной их иду́т голоса́.

По ру́сским обы́чаям, то́лько пожа́рища
На ру́сской земле́ раскида́в позади́,
На на́ших глаза́х умира́ют това́рищи,
По-ру́сски руба́ху рвану́в на груди́.

Нас пу́ли с тобо́ю пока́ ещё ми́луют.
Но, три́жды пове́рив, что жизнь уже́ вся,

Я всё-таки горд был за са́мую ми́лую,
За ру́сскую зе́млю, где я роди́лся.

За то, что на ней умере́ть мне заве́щано,
Что ру́сская мать нас на свет родила́,
Что, в бой провожа́я нас, ру́сская же́нщина
По-ру́сски три ра́за меня́ обняла́.

1941

* * *

В.С.

Жди меня́, и я верну́сь,
То́лько о́чень жди...
Жди, когда́ наво́дят грусть
Жёлтые дожди́,
Жди, когда́ снега́ мету́т,
Жди, когда́ жара́,
Жди, когда́ други́х не ждут,
Позабы́в вчера́.
Жди, когда́ из да́льних мест
Пи́сем не придёт,
Жди, когда́ уж надое́ст
Всем, кто вме́сте ждёт.

Жди меня́, и я верну́сь,
Не жела́й добра́
Всем, кто зна́ет наизу́сть,
Что забы́ть пора́.
Пусть пове́рят сын и мать
В то, что нет меня́,

Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души*...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло»*.
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

* * *

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,

Я бы взял с собо́й в рай таку́ю же,
Что на гре́шной земле́ жила́, —

Злу́ю, ве́треную, колю́чую,
Хоть нена́долго, да мою́!
Ту, что нас на земле́ пому́чила
И не даст нам скуча́ть в раю́.

В рай, наве́рно, таки́х отча́янных
Ма́ло кто приведёт с собо́й,
Бу́дут пра́ведники нечаянно
Там подгля́дывать за тобо́й.

Взял бы в рай с собо́й расстоя́ния,
Что́бы му́читься от разлу́к,
Что́бы по́мнить при расстава́нии
Боль сведённых на ше́е рук.

Взял бы в рай с собо́й все опа́сности,
Чтоб верне́е меня́ ждала́,
Что́бы глаз свои́х си́ней я́сности
До́ма тру́су не отдала́.

Взял бы в рай с собо́й дру́га ве́рного,
Что́бы бы́ло с кем пирова́ть,
И врага́, чтоб в мину́ту скве́рную
По-земно́му с ним враждова́ть.

Ни любви́, ни тоски́, ни жа́лости,
Да́же ку́рского соловья́*,
Никако́й, са́мой ма́лой ма́лости*
На земле́ бы не бро́сил я.

Да́же смерть, е́сли б бы́ло мы́слимо,
Я б на зе́млю не отпусти́л,
Всё, что к нам на земле́ причи́слено,
В рай с собо́ю бы захвати́л.

И за э́ти земны́е ко́рысти*,
Удивлённо меня́ кляня́,
Я уве́рен, что бог бы вско́рости*
Вновь на зе́млю столкну́л меня́.

1941

АЛЕКСАНДР ЯШИН

* * *

В несметном нашем богатстве
Слова́ драгоценные есть:
        Оте́чество,
        Ве́рность,
        Бра́тство,
А есть ещё:
        Со́весть,
        Честь...

Ах, е́сли бы все понима́ли,
Что э́то не про́сто слова́,
Каки́х бы мы бед избежа́ли.
И э́то не про́сто слова́!

1957

ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с о́тчимом* неве́село жило́сь,
Всё же он меня́ расти́л —
И оттого́
Поро́й жале́ю, что не довело́сь
Хоть че́м-нибудь пора́довать его́.

Когда́ он слёг и ти́хо умира́л, —
Расска́зывает мать, —
День ото дня́
Всё ча́ще вспомина́л меня́ и ждал:
«Вот Шу́рку бы... Уж он бы спас меня́!»

Бездо́мной ба́бушке в селе́ родно́м
Я говори́л: мол, так её люблю́,
Что подрасту́ и сам срублю́ ей дом*,
Дров нагото́влю,
Хле́ба воз куплю́.

Мечта́л о мно́гом,
Мно́го обеща́л...
В блока́де ленингра́дской* старика́
От сме́рти б спас,
Да на́ день опозда́л,
И дня того́ не возвратя́т века́.

Тепе́рь прошёл я ты́сячи доро́г —
Купи́ть воз хле́ба, дом сруби́ть бы мог...
Нет о́тчима,
И ба́бка умерла́...
Спеши́те де́лать до́брые дела́!

1958

* * *

Я встре́тил же́нщину. Была́ она́
Почти́ стара́
И так измождена́,
Что я смотре́л — смущён и поражён:
Ведь я когда́-то был в неё влюблён.

Уста́лая, она́ не шла — брела́.
А уж како́ю си́льною слыла́*,
Каки́м цветко́м росла́ среди́ поле́й,
Каки́е па́рни бе́гали за ней!

Мне ста́ло жаль её — любо́вь свою́.
— Узна́ла ль? — спра́шиваю.
— Признаю́.
Как не призна́ть! —
И, го́лову склоня́,
Уча́стливо взгляну́ла на меня́.

— Тепе́рь уж что*! Было́го не вернёшь.
А хоть сказа́л бы — каково́ живёшь?*
Был на войне́-то?
— Был.
— Вишь*... уцеле́л.
Но до чего́ ж ты, ми́лый, постаре́л!

1958

МАРГАРИТА АЛИГЕР

ЗОЯ

(из поэмы)

В пе́рвых чи́слах декабря́ 1941 го́да, в селе́ Петри́щеве, близ го́рода Вере́й, не́мцы казни́ли восемнадцатиле́тнюю комсомо́лку, назва́вшую себя́ Татья́ной. Она́ оказа́лась моско́вской шко́льницей Зо́ей Космодемья́нской.

(Из газе́т)

Навсегда́ сохрани́ фотогра́фию Зо́и.
Я, наве́рно, вове́ки её позабы́ть не смогу́.
Это де́вичье те́ло,
не мёртвое
и не живо́е.
Это Зо́я из мра́мора
ти́хо лежи́т на снегу́.
Беспоща́дной петлёй перере́зана то́нкая ше́я.
Незнако́мая власть в запроки́нутом ли́ке* твоём.
Так люби́мого ждут,
сокрове́нной красо́й хороше́я,
изнутри́ озаря́ясь таи́нственным же́нским огнём.

Только ты не дождалась его, снеговая невеста.
Он — в бойцовской* шинели,
на запад лежит его путь
Может быть, недалёко от этого страшного места,
Где ложились снежинки на строгую девичью грудь.
Вечной силы и слабости неповторимо единство.
Ты совсем холодна, а меня прожигает тоска.
Не ворвалось в тебя, не вскипело в тебе материнство,
тёплый ротик ребёнка не тронул сухого соска.
Ты лежишь на снегу.
О, как много за нас отдала ты,
чтобы гордо откинуться чистым прекрасным лицом,
за доспехи героя,
за тяжёлые ржавые латы,
за святое блаженство быть храбрым бойцом.
Стань же нашей любимицей, символом правды и силы
чтоб была наша верность, как гибель твоя, высока.
Мимо твоей занесённой снегами могилы,
на запад, на запад! —
идут,
присягая,
войска

Июль—сентябрь 1942

ДЕРЕВНЯ КУКОЙ

Есть в Восточной Сибири деревня Кукой —
горстка изб над таёжной* рекой.

За деревней на взгорье — поля и луга,
а за ними стеною тайга.

В со́рок пе́рвом, когда́ наступа́ли враги́,
проводи́ла дере́вня от ми́лой тайги́
взвод отцо́в и муже́й, взвод сиби́рских солда́т.

Ни оди́н не верну́лся наза́д.

И оста́лись в Куко́е, у све́тлой реки́,
то́лько де́ти, да же́нщины, да старики́.

Молоды́е ребя́та, едва́ подросли́,
на больши́е сиби́рские стро́йки ушли́.

Не игра́ют тут сва́деб, не ро́дят дете́й...
Жизнь без вся́ких прикра́с, безо вся́ких зате́й.

Ра́нним-ра́но* куко́евцы га́сят ого́нь,
никогда́ не игра́ет в Куко́е гармо́нь.

Ни вечо́рки како́й*, ни гуля́ния нет.
То́лько вдо́вья кручи́на* — счита́й ско́лько лет*.

А круго́м синева́, а круго́м красота́,
запове́дные*, хле́бные на́ши места́,

незака́тные* зо́ри, анга́рская* ширь,
необъя́тная на́ша Сиби́рь.

Наезжа́ет в Куко́й по доро́ге лесно́й
челове́к дорого́й — секрета́рь областно́й.
Собира́ются лю́ди, — уж так повело́сь*.
Разгово́р по душа́м*... За вопро́сом вопро́с...

Ско́лько раз он в забо́те свое́й
предлага́л перее́хать в сосе́дний колхо́з:
де́скать, всё-таки там веселе́й.

— Нет, — ему́ отвеча́ли, — не сто́ит труда́*,
Ни к чему́*. От себя́ не уйдёшь никуда́.

Это — на́ше родно́е, земля́ на́ша, труд...
Никуда́ не пое́дем, оста́немся тут.

Обойдётся!* Сиро́тки, гляди́ как расту́т!
И вечёрки начну́тся, гуля́нки* пойду́т.

И гармо́нь заигра́ет, и хва́тит окре́ст*
молодцо́в женихо́в и краса́виц неве́ст.
Ста́нет ве́село, лю́дно, тоска́ нипочём*...

Так о чём моя́ ду́ма, о чём?

А о том, что прошли́ молоды́е года́,
не согре́ть никогда́, не верну́ть никогда́...

А о том, что одна́ у нас до́ля с тобо́й,
друг мой си́льный и му́дрый, дере́вня Куко́й.

Мы своё испыта́нье досто́йно снесли́,
но ребя́та у нас без отцо́в подросли́.

Но ещё не ути́хла душе́вная боль,
но ещё на ресни́цах не вы́сохла соль.

Не забы́ли, не спра́вились мы до конца́ —
всё горя́т обожжённые на́ши сердца́.

Кто же, где же, в како́й нелюдско́й стороне́
заикну́ться* посме́ет о но́вой войне́!

1954—1955

* * *

Я не хочу́ тебя́ встреча́ть зимо́й.
В мое́й душе́ ты бу́дешь жить отны́не
весе́нний, с непокры́той голово́й,
как лу́чший день мой, как мечта́ о сы́не.

Я не хочу́ тебя́ встреча́ть зимо́й.
Бою́сь поня́ть, что ты старе́й и су́ше,
услы́шать, как ты ссо́ришься с жено́й,
уви́деть, как ты к дру́гу равноду́шен.

Бою́сь узна́ть, что хоть коро́ткий миг
случа́ется тебе́ прожи́ть скуча́я,
уви́деть, как, подня́вши воротни́к,
спеши́шь ты, облако́в не замеча́я.

Хочу́ тебя́ запо́мнить навсегда́ —
мои́м знако́мцем*, пу́тником, влюблённым
в доро́ги, ре́ки, го́ры, города́,
беспе́чным, ненасы́тным, изумлённым.

Живи́ таки́м, как в па́мяти мое́й,
подве́рженный поры́вам и трево́гам,
всегда́ люби́ дере́вья и звере́й
и мно́го знай и спра́шивай о мно́гом.

Загля́дывайся так же далеко́
прозра́чными бродя́чими глаза́ми.
Мне иногда́ быва́ет так легко́, —
я вспомина́ю: ты живёшь меж на́ми.

Поку́да день, поку́да бу́дут течь
стреми́тельные, вспе́ненные ре́ки,
таки́м тебя́ мечта́ю я сбере́чь,
тебя́ тако́го я люблю́ наве́ки.

И е́сли да́же ты приду́ман мной,
тако́й, како́го встре́тить мне хоте́лось,
я не хочу́ встреча́ть тебя́ зимо́й,
чтоб вы́думка моя́ не разлете́лась.

1939

Умный-у́мный, а дура́к!
Что ты ме́длишь у поро́га?
Невдомёк тебе́ ника́к*:
мне ведь ну́жно так немно́го.
То́лько сло́во, то́лько звук,
то́лько два коро́тких сло́га.
Сло́вно го́лубя из рук, —
то́лько сло́во, так немно́го.
То́лько сло́во мне скажи́.
Сло́во — мно́го ли забо́ты?
Что́бы в нём ни зву́ка лжи,
ни одно́й фальши́вой но́ты.

Не хочу́ твои́х заслу́г,
ни тала́нта, ни почёта,

ничего́-то, ми́лый друг,
мне не ну́жно ничего́-то,
что там же́нщинам други́м
от тебя́ быва́ло ну́жно.
То́лько сло́во, то́лько с ним
я не бу́ду безору́жна,
не согнёт меня́ беда́,
не возьмёт меня́ уста́лость,
без огля́дки*, без стыда́,
бу́ду то́лько им горда́,
бу́ду сча́стлива всегда́...
То́лько сло́во, то́лько ма́лость*.

Лишь об э́том, так и знай,
я мечта́ю, как о чу́де.
И пуска́й себе́, пуска́й
Надо мно́й смеются лю́ди.
Умный-то меня́ на смех
никогда́ не поднима́ет*.
Мне ведь ну́жно бо́льше всех!
Умный э́то понима́ет.

1963

ВАДИМ ШЕФНЕР

* * *

Люблю́ ваго́нов и каю́т
Геометри́ческий ую́т.
Здесь украше́ний ли́шних нет —
Здесь де́рево, мета́лл и свет.

Давно́ пора́, давно́ пора́
И жить, и стро́ить без прикра́с, —
И му́дрые конструктора́
С приро́дою сближа́ют нас.

В ней то́же ло́жных нет красо́т,
Она́ и в сло́жности проста́;
Нагру́зку ну́жную несёт
Её земна́я красота́.

В ней ухищре́ний ли́шних нет.
На ма́ки а́лые взгляни́ —
Им до заре́зу* ну́жен цвет,
Ина́че б у́мерли они́.

И лист кленóвый вырезнóй
Прекрáсен прóсто потомý,
Что нýжен он и в дождь, и в зной
Не нам — а клёну самомý.

Учýсь у мáков и планéт,
У рáдуги и у листá —
Ценóю миллиóнов лет
Добы́та э́та красотá,
Добы́та э́та простотá.

СЛОВА

Мнóго слов на землé. Есть дневны́е словá, —
В них весéннего нéба сквози́т синевá.

Есть ночны́е словá, о котóрых мы днём
Вспоминáем с улы́бкой и слáдким стыдóм.

Есть словá слóвно рáны, словá — слóвно суд, —
С ни́ми в плен не сдаю́тся и в плен не берýт.

Слóвом мóжно уби́ть, слóвом мóжно спасти́,
Слóвом мóжно полки́ за собóй повести́.

Слóвом мóжно продáть, и предáть, и купи́ть,
Слóво мóжно в разя́щий свинéц перели́ть.
. . . .
Но словá — всем словáм — в языкé у нас есть:
Слáва, Рóдина, Вéрность, Свобóда и Честь.

Повторя́ть их не смéю на кáждом шагý, —
Как знамёна в чехлé, их в душé берегý.

Кто их ча́сто тверди́т — я не ве́рю тому́,
Позабу́дет о них он в огне́ и дыму́.

Он не вспо́мнит о них на горя́щем мосту́,
Он забу́дет о них на высо́ком посту́.

Тот, кто хо́чет нажи́ться на го́рдых слова́х,
Оскорбля́ет геро́ев бесчи́сленных прах,

Тех, что в тёмных леса́х и в транше́ях сыры́х,
Не твердя́ э́тих слов, умира́ли за них.

Пусть разме́нной моне́той* не слу́жат они́, —
Золоты́м этало́ном их в се́рдце храни́!

И не де́лай их слу́гами в ме́лком быту́ —
Береги́ изнача́льную* их чистоту́.

Когда́ ра́дость — как бу́ря, иль го́ре — как ночь, —
То́лько э́ти слова́ тебе́ мо́гут помо́чь!

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

* * *

Две стены́, окно́ и дверь,
Стол и табуре́тка*.
В э́ту ко́мнату тепе́рь
Ты прихо́дишь ре́дко.

И ого́нь в окне́ пога́с,
Пло́тно дверь закры́та.
Этой ко́мнате сейча́с
Не хвата́ет бы́та.

Ви́дно, бы́том ты была́,
Жи́знью не была́ ты,
Мы, име́я два крыла́,
Не́ были крыла́ты.

Я забы́л, что ты жива́,
Мне бы вспо́мнить хоть слова́:
Имя и́ли о́тчество.

В э́том до́ме нежило́м
Бьёт еди́нственным крыло́м
На́ше одино́чество.

ВЕТРОВОЕ СТЕКЛО*

Просну́ться в во́семь
И гляде́ть в окно́.
Весна́ иль о́сень —
Это всё равно́.

Лишь то́лько б ми́мо,
Всю́ду и всегда́,
В поры́вах ды́ма
Мча́лись поезда́.

А лу́чше не́ту
До́ли кочево́й —
По бе́лу све́ту*
В тря́ской грузово́й*.

Чтоб ли́вень, во́я,
Па́дал тяжело́
На ветрово́е
Мо́крое стекло́.

Я жил собо́й
И все́ми ва́ми жил,
Броса́лся в бой
И пла́кал у моги́л.

А вре́мя шло,
Мужа́я и боря́сь, —
И на стекло́
Отбра́сывало грязь.

* * *

Мне цвет защи́тный* до́рог,
Мне о́сень дорога́ —
Листвы́ после́дний во́рох*,
Отцве́тшие луга́.
Кleно́вый стяг* похо́да,
Вое́нный строй вдали́,
Небе́сная пехо́та,
Грачи́ и журавли́.
Мне цвет защи́тный до́рог,
Мне о́сень дорога́, —
Листвы́ безды́мный по́рох,
Наги́е берега́.
И холодо́к предзо́рный*
Как хо́лод ножево́й,
И березня́к дозо́рный*,
И куст сторожево́й.
И кру́жит лист после́дний
У де́тства на краю́,
И я, двадцатиле́тний,
Под пу́лями стою́.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пу́ли, кото́рые по́сланы мной,
не возвраща́ются из полёта,
Очереди пулемёта
ре́жут под ко́рень траву́.
Я сплю,
положи́в го́лову
на Синя́винские боло́та*,
А но́ги мои́ упира́ются
в Ла́догу и в Неву́.
Я подыма́ю ве́ки,
лежу́ уста́лый и за́спанный,
Слежу́ за костро́м нея́рким,
ловлю́ исчеза́ющий зной.
И когда́ я
повора́чиваюсь
с пра́вого бо́ка на́ спину,
Синя́винские боло́та
хлю́пают* подо мно́й.
А когда́ я встаю́
и де́лаю шаг в ата́ку,
Ве́тер бо́я лети́т
и свисти́т у меня́ в уша́х,
И пя́тится* фронт,
и ка́тится гром к рейхста́гу,
Когда́ я де́лаю
свой
второ́й
шаг.
И бе́лый флаг
выве́шивают
вра́жеские гарнизо́ны,

Скла́дывают ору́жье,
в сто́рону отходя́.
И на моё плечо́,
на пого́н полево́й зелёный,
Па́дают пе́рвые ка́пли,
ма́йские ка́пли дождя́.
А я всё да́льше иду́,
мину́я снаря́дов разры́вы,
Переша́гиваю моря́
и форси́рую ре́ки вброд.
Я на прива́ле в Пи́льзене
пе́ну сдува́ю с пи́ва
И пе́пел с цига́рки стря́хиваю
у Бранденбу́ргских воро́т.
А весна́ ме́жду тем крепча́ет,
и хри́пнут похо́дные ра́ции,
И, по фронтовы́м доро́гам
де́нно и но́щно* пыля́,
Я тре́бую у проти́вника
безоговоро́чной
капитуля́ции,
Что́бы его́ знамёна
бро́сить к нога́м Кремля́.
Но, засыпа́я в по́лночь,
я вдруг вспомина́ю что́-то.
Сме́жив тяжёлые ве́ки,
ви́жу, как наяву́:
Я сплю,
положи́в под го́лову
Синя́винские боло́та,
А но́ги мои́ упира́ются
в Ла́догу и в Неву́.

*   *   *

Как же мог умолча́ть я об э́том,
Сто́лько слов понапра́сну губя́,
Если бе́ды мои́ рикоше́том
Пре́жде всех попада́ли в тебя́.

Повстреча́вшись впервы́е с тяжёлой,
Ниотку́да прише́дшей бедо́й,
Ты краси́вой была́ и весёлой,
Ты была́ молодо́й-молодо́й.

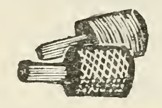
Па́дал я под раска́тами бо́я,
За оши́бки плати́л по счета́м, —
Все оби́ды мои́ за тобо́ю,
Неотсту́пные, шли по пята́м*.

Ка́ждой ра́ной, цара́пиной ка́ждой
Искажа́ло родны́е черты́.
В дни, когда́ изныва́л я от жа́жды,
Изныва́ла от жа́жды и ты.

Но у жи́зни проси́л я уча́стья
И наде́ялся и́з года в год,
Что оско́лок случа́йного сча́стья
Рикоше́том в тебя́ попадёт.

Ты корми́лась бедо́й и оби́дой,
Кровь и пот отира́ла с чела́*,
И сего́дня тому́ не зави́дуй,
Кто счастли́вым каза́лся вчера́.

МИХАИЛ ЛУКОНИН

ПРИДУ К ТЕБЕ

Ты ду́маешь:
Принесу́ к тебе́
Уста́лое те́ло своё.
Суме́ю ли быть тогда́ с тобо́й
Це́лый день вдвоём?
Захочу́ рассказа́ть о сме́ртном дожде́,
Как горе́ла трава́,
А ты —
    ты то́же жила́ в беде́,
Тебе́ не нужны́ слова́.
Про то, как чу́дом вы́жил, начну́,
Как смерть меня́ обожгла́.
А ты —
    ты в ночь ракову́ю одну́
Во́лгу переплыла́.
Спеть попрошу́,
                а ты сама́
Забы́ла, как пою́т.

Пото́м
меня́
сведёт с ума́
Непривы́чный ую́т:
Бу́дешь к за́втраку накрыва́ть,
А я уся́дусь в углу́,
Начнёшь, как пре́жде,
стели́ть крова́ть,
А я
усну́
на полу́.
Пото́м поко́я тебя́ лишу́,
Вы́рою щель у воро́т,
Но́чью,
вздро́гнув,
тебя́ спрошу́:
— Стой! Кто идёт?!
Нет,
не ду́май, что так приду́.
В э́той большо́й войне́
Мы научи́лись лома́ть беду́,
Рабо́тать и жить вдвойне́.
Не так вернёмся мы,
е́сли так,
То лу́чше не приходи́ть.
Придём — рабо́тать,
кури́ть таба́к,
В ко́мнате начади́ть*.
Не за благода́рностью я бегу́.
Благодарі́ть хочу́.
То, что я мог, я сказа́л врагу́,
Тепе́рь рабо́тать хочу́.

Не за утешеньем —
утешать
Переступлю порог.
То, что я сделал, к тебе спеша,
Не одолженье,
а долг.
Друзей увидеть, в гостях побывать,
И трудно
и жадно жить.
Работать — в кузницу,
спать — в кровать.
Стихи про любовь сложить.
В этом зареве ветровом*
Выбор был небольшой, —
Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

1944

КОЛЕ ОТРАДЕ*

Я жалею девушку Полю.
Жалею
За любовь не открывшую:
ласков иль груб?
За:
«Мы мало знакомы»,
«не знаю»,
« не смею...»
За ладонь,
отделившую губы от губ.

Вам казался он:
                    летом — слишком двадцатилетним,
Осенью
        рыжим, как листва на опушке,
Зимою
        ходит слишком в летнем,
А весною — были веснушки.
А когда он поднял автомат, —
                                        вы слышите? —
Когда он вышел,
                    дерзкий,
                                такой, как в школе,
Вы на фронт
                прислали ему платок вышитый,
Вышив:
        «Моему Коле!»
У нас у всех
                были платки поимённые*, —
Но ведь мы не могли узнать
                                двадцатью зимами,
Что, когда
            на войну уходят
                                безнадёжно влюблённые —
Назад
        приходят
                    любимыми.
Это всё пустяки, Николай,
                                если б не плакали.
Но живые
            никак представить не могут:
Как это, когда пулемёты такали*,
Не встать,
            не услышать тревогу?

Бе́лым пятно́м
на снегу́
выделя́ться,
Руки́ не переложи́ть и встать не си́литься,
Не ви́деть,
как черни́льные пя́тна
повы́ступили на па́льцах,
Не обра́доваться,
что весну́шки сошли́ с лица́?
Я бы всем запрети́л о́хать.
Гу́бы сжав — живи́!
Пла́кать нельзя́!
Не позво́лю в своём прису́тствии пло́хо
Отзыва́ться о жи́зни,
за кото́рую ги́бли друзья́.
Никола́й!
С ка́ждым го́дом
он бу́дет моло́же меня́,
заме́тней,
Постара́ются го́ды
моё пе́рвое го́ре стере́ть.
Он
оста́нется
сли́шком двадцатиле́тним,
Сли́шком ю́ным
для того́, что́бы да́льше старе́ть.
И хотя́ я сам ви́дел,
как вью́жный ве́тер, во́я,
Во́лосы ры́жие
на кулаки́ нама́тывал,
Невозмо́жно отвы́кнуть
от това́рища и провожа́того,

Как нельзя́ отказа́ться
                    от движе́ния вме́сте с Землёю.
Мы суро́веем*,
Друзья́м улыба́емся сжа́тыми рта́ми,
Мы не пи́шем запи́сок де́вочкам,
                    не поджида́ем отве́та...
А е́сли бы в ма́рте,
            тогда́,
                    мы поменя́лись места́ми,
Он
  сейча́с
      обо мне написа́л бы
                    вот э́то.

1940—1945

ЗИМА

Прохо́дит де́вушка несме́лая
По сне́жной занесённой у́лице,
Как ве́точка оледене́лая...
Я ду́маю о том:
        кто влю́бится,
О том,
    кто сча́стьем с ней поде́лится,
Безде́лицей* любо́й
            и жи́знью.
Найдёт её в огне́,
            в мете́лице,
Придёт доро́гою небли́жнею.
Она́,
   как ты,
        полна́ трево́гами,

Не на́йденная им, не бли́зкая.
А он,
    как я,
        идёт доро́гами,
Её среди́ други́х оты́скивая.
У них — заду́манное сбу́дется*,
Да так, что насовсе́м*, наве́чно...

По сне́жной занесённой у́лице
Ухо́дит де́вушка невстре́ченная.
Да э́то ты!
        Посто́й!
            Та са́мая,
Кого́ всю жизнь свою́ иска́л я.
Он — э́то я!
Верни́сь, весна́ моя́,
Нена́йденная, небыва́лая,
Тепе́рь мы бу́дем ря́дом,
            слы́шите!..

Молчи́т зима́, боя́сь согре́ться,
Карни́зы снегопа́дом вы́шиты,
Как сва́дебные полоте́нца.
Тебя́ запо́мнил, разгляде́л я,
Мы на свида́нье,
            не в разлу́ке.

Кисть ве́точки оледене́лой
Я взял бы и согре́л, как ру́ки.

1947

МИХАИЛ ЛЬВОВ

* * *

Чтоб стать мужчи́ной — ма́ло им роди́ться*,
Как стать желе́зом — ма́ло быть рудо́й,
Ты до́лжен перепла́виться. Разби́ться.
И, как руда́, поже́ртвовать собо́й.
...Как тру́дно в сапога́х шага́ть в ию́ле.
Но ты — солда́т, и всё суме́й приня́ть —
От поцелу́я же́нского до пу́ли —
И научи́сь в бою́ не отступа́ть.
Гото́вность к сме́рти — то́же ведь ору́жье.
И ты его́ одна́жды примени́.
Мужчи́ны умира́ют, е́сли ну́жно,
И потому́ живу́т в века́х они́.

1943

СОН

Мне но́чью сни́лись ми́рные года́ —
И да́чи, от кото́рых нет следа́,

И крупные июньские цветы,
Которыми в меня кидала ты.

Приснились довоенные друзья,
И, как ребёнок, был растроган я.
Так мало ласки выпадает мне,
Что рад я ласкам, встреченным во сне.

И я проснулся, снова полный сил,
И я друзей за сон благодарил.
За ясный взгляд, за поцелуй во сне
Спасибо вам, приснившиеся мне.

1943

СЕМЁН ГУДЗЕНКО

* * *

Я был пехо́той в по́ле чи́стом,
в грязи́ око́пной и в огне́.
Я стал арме́йским журнали́стом
в после́дний год на той войне́.

Но е́сли сно́ва воева́ть...
Тако́в уже́ зако́н:
пуска́й меня́ пошлю́т опя́ть
в стрелко́вый баталько́н.

Быть под нача́лом* у старши́н,
хотя́ бы треть пути́,
пото́м могу́ я с тех верши́н
в поэ́зию сойти́.

1946

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда́ на смерть иду́т, — пою́т,
а пе́ред э́тим
                    мо́жно пла́кать

Ведь са́мый стра́шный час в бою́ —
час ожида́ния ата́ки.
Снег ми́нами изры́т вокру́г
и почерне́л от пы́ли ми́нной.
Разры́в —
и умира́ет друг.
И, зна́чит, смерть прохо́дит ми́мо.
Сейча́с наста́нет мой черёд.
За мной одни́м
идёт охо́та.
Раке́ты
про́сит небосво́д
и вмёрзшая в снега́ пехо́та.
Мне ка́жется, что я магни́т,
что я притя́гиваю ми́ны.
Разры́в —
и лейтена́нт хрипи́т.
И смерть опя́ть прохо́дит ми́мо.
Но мы уже́
не в си́лах ждать.
И нас ведёт че́рез транше́и
окочене́вшая* вражда́,
штыко́м дыря́вящая* ше́и.
Бой был коро́ткий.
А пото́м
глуши́ли во́дку* ледяну́ю,
и выковы́ривал ножо́м
из-под ногте́й
я кровь чужу́ю.

1942

* * *

Мы не от ста́рости умрём —
от ста́рых ран умрём.
Так разлива́й по кру́жкам ром,
трофе́йный ры́жий ром!

В нём го́речь, хмель и арома́т
замо́рской стороны́*.
Его́ сюда́ принёс солда́т,
верну́вшийся с войны́.

Он ви́дел сто́лько городо́в,
стари́нных городо́в.
Он рассказа́ть о них гото́в
И да́же спеть гото́в.

Так почему́ же он молчи́т?..
Четвёртый час молчи́т...
То па́льцем по́ столу стучи́т,
то сапого́м стучи́т.

А у него́ жела́нье есть.
Оно́ поня́тно вам?
Он хо́чет знать, что бы́ло здесь,
Когда́ мы бы́ли там...

1946

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

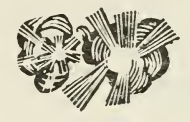
И сно́ва жизнь.
Звени́т капе́ль.
И в переу́лочных* глуби́нах
за лёгкой ды́мкою апре́ль,

весь в зе́лени, на но́жках дли́нных
у отворённого окна́
хохо́чет зво́нко вслед прохо́жим,
мальчи́шкам, на него́ похо́жим,
ору́щим, что пришла́ весна́,
бреду́щим науга́д по тёплым
каме́ньям*, вспе́ненным ручья́м,
увеличи́тельные стёкла
подста́вив со́лнечным луча́м.
И я, пути́ не разбира́я,
бреду́ по мо́крой мостово́й.
Опя́ть весна́, опя́ть живо́й.
Миле́е, чем воро́та ра́я,
мне дверь заве́тная* одна́.
Я сно́ва у того́ поро́га,
где ждут меня́, где жизнь моя́.
И не тяжка́ моя́ трево́га,
дочь, не пуга́йся — э́то я.
Меня́ встреча́ют на поро́ге,
целу́ют, по́д руки беру́т,
и хоть не слу́шаются но́ги,
хоть ка́ждый шаг — и боль и труд,
иду́, наде́ждой окрылённый,
что до́ма и что вновь живу́,
гляжу́ в око́шко на зелёный
апре́ль, ворва́вшийся в Москву́.
Здесь всех нача́л мои́х нача́ло,
здесь у́зел всех мои́х доро́г.
Слеза́ упа́ла, ле́гче ста́ло,
я на крова́ть свою́ прилёг,
и наклони́лась к изголо́вью
та с ве́чно молоды́м лицо́м,

мы с ней обручены́ любо́вью
покре́пче, чем любы́м кольцо́м,
и губ её прикоснове́нье
в меня́ вдохну́ло сто́лько сил,
что я бы ка́мень преткнове́нья*
хоть в то́нну ве́сом своротил!
Как пре́жде, сде́ржанна при тре́тьем
(пусть да́же э́то на́ша дочь).
Дава́й пога́сим свет
И встре́тим
по-пра́здничному э́ту ночь.
Но я, как на войне́ солда́ты,
бою́сь зага́дывать вперёд,
быть мо́жет, о́бщая пала́та
меня́ уже́ обра́тно ждёт,
но да́же е́сли жизнь мгнове́нна,
я сча́стлив жить
и вновь и вновь
твержу́: да будь благослове́нна
жена́, храни́вшая любо́вь!
. . . .
. . . .

1952

БОРИС СЛУЦКИЙ

БАНЯ

Вы не́ были в райо́нной ба́не
В периферийном городке́?
Там ша́йки с про́филем каба́ньим*
И плеск, как ле́том на реке́.

Там ордена́ сдаю́т вахтёрам,
Зато́ прино́сят в мы́льный зал
Рубцы́ и шра́мы — те, кото́рым
Я ли́чно бо́льше б доверя́л.

Там дво́е однору́ких спи́ны
Оди́н друго́му бо́дро трут.
Там те́ло вся́кого мужчи́ны
Отме́тили война́ и труд.

Там на груди́ свое́й широ́кой
Из да́льних пла́ваний матро́с
Лило́вые татуиро́вки
В наш сухопу́тный край занёс.

Там я, волнýясь и ликýя,
Читáл, забы́в о кипяткé:
«Мы не остáвим мать роднýю!» —
У партизáна на рукé.

Там чýвство óстрого блажéнства
Переживáется в парнóй*.
Там слы́шен визг и хóхот жéнский
за деревя́нною стенóй.

Там рассуждáют о футбóле,
Там, с пóднятою головóй,
Несёт портнóй свой мозóли,
Свой ожóги горновóй*.

Там всяческих удóбств — немнóжко
И мнóго вся́ческой воды́.
Там не с довóльства, — а с картóшки
Ины́м раздýло животы́.

Но бéдствий и сражéний гóды
Согнýть и сгóрбить не смоглú
Ширококóстную порóду
Сынóв моéй большóй землú.

Вы нé были в раю́ райóнном,
Что меж кинó и стадиóном?
В райбáне бы́ли вы иль нет?
Там два рубля́ любóй билéт.

1947

ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

И. Эренбу́ргу

Ло́шади уме́ют пла́вать,
Но — не хорошо́. Недалеко́.

«Гло́рия» — по-ру́сски зна́чит «Сла́ва», —
Это вам запо́мнится легко́.

Шёл кора́бль, свои́м назва́ньем го́рдый,
Океа́н стара́лся превозмо́чь.

В трю́ме, до́брыми мота́я мо́рдами,
Ты́ща* лошаде́й топта́лась день и ночь.

Ты́ща лошаде́й! Подко́в четы́ре ты́щи!
Сча́стья всё ж они́ не принесли́.

Ми́на кораблю́ проби́ла дни́ще
Далеко́-далёко от земли́.

Лю́ди се́ли в ло́дки, в шлю́пки вле́зли.
Ло́шади поплы́ли про́сто так.

Как же быть и что же де́лать, е́сли
Не́ту мест на ло́дках и плота́х?

Плыл по океа́ну ры́жий о́стров.
В мо́ре, в си́нем, о́стров плыл гнедо́й.

И сперва́ каза́лось — пла́вать про́сто,
Океа́н каза́лся им реко́й.

Но не ви́дно у реки́ той кра́я.
На исхо́де лошади́ных сил

Вдруг заржа́ли ко́ни, возража́я
Тем, кто в океа́не их топи́л.

Ко́ни шли на дно и ржа́ли, ржа́ли,
Все на дно поку́да не пошли́.

Вот и всё. А всё-таки мне жаль их,
Ры́жих, не уви́девших земли́.

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Что́-то фи́зики в почёте.
Что́-то ли́рики в заго́не*.
Де́ло не в сухо́м расчёте,
Де́ло в мирово́м зако́не.
Зна́чит, что́-то не раскры́ли
Мы,
    что сле́довало нам бы!
Зна́чит, сла́бенькие кры́лья —
На́ши сла́денькие я́мбы,
И в пега́совом* полёте
Не взлета́ют на́ши ко́ни...
То́-то фи́зики в почёте,
То́-то ли́рики в заго́не.

Это самоочеви́дно.
Спо́рить про́сто бесполе́зно.
Так что да́же не оби́дно,

А скоре́е интере́сно
Наблюда́ть, как, сло́вно пе́на,
Опада́ют на́ши ри́фмы
И вели́чие
степе́нно
Отступа́ет в логари́фмы.

* * *

Стару́х было мно́го, старико́в было ма́ло:
То, что гну́ло стару́х, старико́в лома́ло.
Старики́ умира́ли, хвата́ясь за се́рдце,
А стару́хи, рвану́в гардеро́бные две́рцы,
Достава́ли костю́м выходно́й, суко́нный,
Покупа́ли гроб дорого́й, дубо́вый
И гляде́ли в после́дний*, как лежи́т зако́нный*,
Прижима́я ла́цкан руко́й пудо́вой.
Постепе́нно образова́лись кварти́ры,
А пото́м из них слепи́лись кварта́лы,
Где одни́ стару́хи моли́твы тверди́ли,
Боя́лись воро́в, о сме́рти болта́ли.
Они́ болта́ли о сме́рти, сло́вно
Она́ с ни́ми чай пила́ ежедне́вно,
Така́я же то́щая, как Анна Петро́вна,
Така́я же гру́стная, как Ма́рья Андре́евна.
Встава́ли ра́но, сло́вно матро́сы,
И до́лго, тёмные, сло́вно инду́сы,
Чеса́ли гре́бнем ре́дкие ко́сы,
Ката́ли в па́льцах ста́рые бу́сы.
Ложи́лись ра́но, сло́вно солда́ты,
А спать не спа́ли до́лго-до́лго,

Ката́я в мы́слях каки́е-то да́ты,
Каки́е-то ве́хи любви́ и до́лга.
И вся их дли́нная,
Вся горева́я*,
Вся их ра́достная,
Вся трудова́я —
Встава́ла в зво́нах ночно́го трамва́я,
На миг
бессо́нницы не прерыва́я.

* * *

Чернова́тых и́ли белобры́сых*,
Да́же ры́жих, да́же лы́сых,
Всё равно́ — люблю́ люде́й.
Ни музе́и, ни пейза́жи,
Ни библиоте́ки да́же
Не сменя́ю на люде́й.
Лу́чше всех расте́ний и живо́тных,
Лу́чше всех иде́й беспло́тных*,
Глу́бже шахт, быстре́й, чем ре́ки,
Лю́ди, челове́ки*.
Ка́ждая толпа́ — толпа́ чуде́с,
Молоды́х, очка́стых*, языка́тых*.
Ка́ждый, кто туда́ ни влез,
Чу́вствует себя́, как в кни́ге ска́зок.

* * *

Хле́ба — ма́ло. Ко́мнаты — ма́ло.
Да́же обе́да с кварти́рой — ма́ло.
На́до, чтоб бы́ло куда́ пойти́,

На́до, чтоб бы́ло с кем не стесня́ться,
С кем на семе́йной ка́рточке сня́ться,
Кому́ телегра́мму отби́ть в пути́.

На́до не ма́ло. На́до — мно́го.

Пло́хо, е́сли живём непло́хо.
Дава́йте бу́дем жить блестя́ще.
Ло́гика хле́ба и воды́,
Ло́гика беды́ и еды́
Всё насто́йчивее, всё ча́ще
Вытесня́ется ло́гикой сча́стья.
На́ша изму́ченная земля́
Зарабо́тала у ве́чности,
Чтоб сча́стье отсчи́тывалось
от бесконе́чности,
А не от абсолю́тного нуля́.

ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ

* * *

Мне жизнь моя́ —
Не тёмный лес,
Но стра́нно иногда́ до жу́ти*,
Как бу́дто с голубы́х небе́с
Спусти́лся я на парашю́те.

Как бу́дто жил в други́х мира́х
И всё, что ви́жу, — неизве́стность,
Как бу́дто где́-то в да́льних снах
Я сму́тно ви́дел э́ту ме́стность.

И здесь,
Отме́ченный судьбо́й*,
Любу́юсь я траво́ю в ро́сах,
Берёзами за городьбо́й*,
Куку́шками на тех берёзах.

Живу́,
Влюбля́юсь
И дивлю́сь,

Что, разлучáя с небесáми,
Судьбá мне подарúла Русь
С её полями и лесáми.

И э́то всё
День ото дня
Люблю́ всё úскренней и пы́лче,
Но скéптики твердя́т, что я
Годáми жúзни ограни́чен.

— Да, да! твердя́т — как ни ликýй! —
И я кричý в листвé плакýчей*:
— Кукýшка, друг, перекукýй
Мне мóлодость
На вся́кий слýчай*.

* * *

Молодáя берёза совсéм не бéлая,
Бéлой берёза бывáет зрéлая.

Та не рябúна, что дня́ми пóздними
Птиц не помáнит крáсными грóздьями.

Та не дéвушка, не красáвица,
Если никтó на неё не зáрится*.

* * *

Ты у меня́ в гостя́х былá,
Потóм ушлá в рассвéт...
Потóм позёмка* замелá
Твой лёгкий лы́жный след.

Потóм егó морóз сковáл,
И я жалéть не стал.
Не по тебé я тосковáл,
Не по тебé страдáл.

А в мáрте тáяли снегá,
И, вскры́вшись по веснé*,
Чéрез логá*,
Чéрез лугá
След снóва вёл ко мнé.

Пришёл апрéль.
Ужé в концé,
Упря́мей всех замéт*,
Как на хрустáльном поставцé*,
Лежáл твой лы́жный след.

* * *

Гдé-то хóдим,
Чéм-то сéрдце стýдим*,
Ищем скáзку не в своéй судьбé.
Лет с двенáдцати пошёл по лю́дям*
И в концé концóв
Пришёл к себé.

И всегó на свéте интерéсней
Стáло то,
Что бы́ло от сохи́*...
Здрáвствуйте, поки́нутые пéсни!
Здрáвствуйте, забы́тые стихи́!

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

ГАМЛЕТ

Мы из столбóв и тóлстых переклáдин
За склáдом оборýдовали зал.
Там Гáмлета игрáл ефрéйтор Дя́дин
И в мýках рýки квéрху простирáл*.

А в жи́зни, пóмню, отзывáлся рóтный*
О нём как о сознáтельном бойцé!
Он был степéнный*, краснощёкий, плóтный,
Со мнóжеством веснýшек на лицé.

Бывáло*, вы́йдет, головóй пони́кнет,
Как нáдо, рýки скóрбно слóжит, но
Лишь тóлько «быть и́ли не быть?» воскли́кнет,
Всем почемý-то дéлалось смешнó.

Я Гáмлетов на сцéне ви́дел мнóгих,
Из тьмы кули́с входи́вших в свéтлый круг, —
Печáльных, громоглáсных, тонконóгих...
Промóлвят слóво — всё прити́хнет вдруг,

Сердца́ замру́т и задрожа́т бино́кли...
У тех — и страсть, и си́ла, и игра́!
Но с на́шим вме́сте мёрзли мы, и мо́кли,
И за́просто сиде́ли у костра́.

1950

СИНЕВА

Меня́ в Поле́сье* занесло́.
За ре́ками и за леса́ми
Есть белору́сское село́ —
Всё с я́сно-си́ними глаза́ми.

С ведро́м, босу́ю у реки́
Девчо́нку встре́тите на скло́не.
Как голубы́е уго́льки́,
Глаза́ ожгу́т* из-под ладо́ни.

В шине́льке, —
                    ви́дно, был солда́т, —
Мужчи́на во́зится в ови́не*.
Окли́кни — он подни́мет взгляд,
Испо́лненный глубо́кой си́ни.

Бредёт стару́ха че́рез льны
С грибно́й корзи́нкой и с клюко́ю*.
И о́чи дре́вние полны́
Голубова́того поко́я.

Пять у забо́ра молоду́х*.
Суда́чат*, а́хают, вздыха́ют...

Глаза́ — захва́тывает дух*! —
Так синево́й и полыха́ют.

Девча́та.
Скро́мен их наря́д.
Засте́нчивые чаровни́цы*,
Зарде́вшись*, синеву́ даря́т,
Как драгоце́нность, сквозь ресни́цы.

1955

МОЯ ЛЮБИМАЯ СТИРАЛА

Моя́ люби́мая стира́ла.
Ходи́ли пле́чи у неё.
Худы́е ру́ки простира́ла,
Сыро́е ве́шая бельё.

Иска́ла кро́хотный обмы́лок*,
А он был у неё в рука́х.
Как жа́лок был её заты́лок
В смешны́х и не́жных завитка́х!

Моя́ люби́мая стира́ла.
Чтоб пе́ной лба не замара́ть*,
Нело́вко, ло́ктем, убира́ла
На лоб спусти́вшуюся прядь.

То пле́чи опусти́в,
родна́я,
Смотре́ла в забыты́й в окно́,
То пе́ла то́ненько, не зна́я,
Что я слежу́ за ней давно́.

Заката древние красоты
Стояли в глубине окна.
От мыла, щёлока и соды
В досаде щурилась она.

Прекрасней нет на целом свете —
Все города пройти подряд! —
Чем руки худенькие эти,
Чем этот грустный, грустный взгляд.

1957

АДАМ

Ленивым взглядом обозрев округу,
Он в самый первый день траву примял
И лёг в тени смоковницы*,
                и, руку
Заведши за голову*,
                задремал.

Он сладко спал. Он спал невозмутимо
Под тишиной эдемской* синевы.
...Во сне он видел печи Освенцима*
И трупами наполненные рвы.

Своих детей он видел!..
                В неге рая
Была улыбка на лице светла.
Дремал он, ничего не понимая,
Не знающий ещё добра и зла.

1961

СЛОВО

Когда́ бы вдруг учёные смогли́
Поня́тье расщепи́ть, как ны́не а́том,
Тогда́ мы не узна́ли бы земли́, —
Земля́ тогда́ бы то́тчас ста́ла а́дом!
Что жизнь? Что смерть? Что хо́лод?
Что тепло́?
Как зы́бко* всё. Ни до́брого, ни зло́го!
Всё ру́хнуло тогда́ бы... Погребло́*
Мир под собо́й
взорва́вшееся сло́во!

1961

МИР РАЗЛОЖИЛ НА ЧАСТИ ПИКАССО

Мир разложи́л на ча́сти Пикассо́.
Он плоть содра́л с веще́й.
Так бьют посу́ду!
На ды́бу* мир! Скоре́й! На колесо́!*
Повсю́ду ще́пки. Черепки́ повсю́ду!

Уста́л. Пошёл гуля́ть на полчаса́.
— Эх, что б ещё! — Весёлой по́лон зло́бой.
Гляди́т: кафе́. Зашёл. Гляди́т: слеза́,
Слеза́ стека́ет...
Разложи́! Попро́буй!

1961

СВЕТ

Я дневника́ не вёл. Я фа́ктов не копи́л.
Я ча́стность презира́л.
                    Подро́бность ненави́дел.
Огро́мный свет глаза́ мои́ слепи́л.
Я ничего́ вокру́г себя́ не ви́дел.
Но го́ды шли. И в дру́жеском кругу́
Хочу́ я рассказа́ть о да́льней да́ли.
Но ничего́ я вспо́мнить не могу́,
Ни чёрточки случа́йной, ни дета́ли.
Хоть ма́лость бы каку́ю! Нет как нет!*
Передо мно́ю лишь одно́, не бо́ле,
Оди́н лишь бе́лый тот слепя́щий свет,
Глаза́, как бри́тва, ре́жущий до бо́ли.

1961

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

ВЕРНОСТЬ

Зати́хли гро́зные раска́ты,
Сверши́лось ми́ра торжество́...
К вдове́ поги́бшего комба́та*
Зае́хал ве́рный друг его́.

Сошёл на ста́нции, и пе́ший
Прошёл он вёрст приме́рно пять.
Не для того́, что́бы уте́шить, —
Чтоб вме́сте с ней погорева́ть.

Он на крыльце́ поста́вил ве́щи
И постуча́л в кося́к окна́.
Он не знако́м был с не́ю пре́жде,
Лишь знал — краса́вица она́.

Он красоту́ её уви́дел,
Едва́ лишь гля́нул на свету́,
И вдруг почти́ возненави́дел
Её за э́ту красоту́.

Он представля́л её друго́ю:
Жена́ поги́бшего, вдова́.
А э́та мо́жет быть вдово́ю,
Пожа́луй, год, от си́лы — два.

Перенесёт она́ разлу́ку
И сно́ва жизнь начнёт свою́.
И он душо́й страда́л за дру́га
Так, сло́вно сам поги́б в бою́.

И, сло́вно кто его́ оби́дел,
Встав как сопе́рник на пути́,
Он всех мужчи́н возненави́дел,
Что мо́гут впредь сюда́ войти́...

...А бы́ло в ко́мнате ую́тно,
Легко́ текла́ бесе́ды нить.
И вдруг мучи́тельно и сму́тно
Не захоте́лось уходи́ть.

И в то же са́мое мгнове́нье
Он ощути́л в свое́й груди́
И ро́бость, и благогове́нье,
И неизве́стность впереди́.

Она́ предста́ла в но́вом све́те,
Яви́лась в о́блике ино́м...
Уже́ наста́л коне́ц бесе́де,
И рассвета́ло за окно́м.

Осе́нний дождь стуча́л уны́ло,
О чём-то да́внем выводя́.
Лишь до поро́га проводи́ла
Она́ его́ из-за дождя́.

Он под дождём слегка́ согну́лся,
Пошёл, мину́я мо́крый сад.
Сдержа́лся и не огляну́лся
На дом, где пре́жде жил комба́т.

1953

ВЕСНОЙ

Пе́рвый ли́вень над го́родом лу́пит*,
Тарахти́т* в водосто́чной трубе́.
«Ах, никто́ меня́ в ми́ре не лю́бит», —
Врёт девчо́нка само́й же себе́.

Бры́зги ту́чей стоя́т над пане́лью.
А девчо́нка в кварти́ре одна́, —
Врёт от ра́дости и от весе́лья
У раскры́того на́стежь окна́.

Дождь с разма́ху по у́лицам ру́бит,
По тролле́йбусным кры́шам стучи́т.
«Ах, никто́ меня́ в жи́зни не лю́бит!» —
Зво́нко го́лос счастли́вый звучи́т...

1956

СЛЁЗЫ

В посёлке при́городном сля́коть,
За переле́ском стук колёс...
Давно́ я разучи́лся пла́кать,
Не по́мню, вкус како́й у слёз.

Лишь иногда́ поро́й ночно́ю,
Не потрево́жив тишину́,
Над чье́й-то сла́дкою строко́ю
Слези́нку вы́давишь одну́.

Уме́ли пре́жде умилённо
Всплакну́ть у дру́га на плече́.
Но ка́ждый век — свои́ зако́ны,
И мы живём в друго́м ключе́.

Каки́е дни, каки́е гро́зы!
Цвету́т цветы́ по стра́шным рвам...
О челове́ческие слёзы,
Мы понима́ем це́ну вам.

Вам, молоды́м, первонача́льным,
И вам, ползу́щим средь морщи́н,
Вам, и счастли́вым и печа́льным,
И вам, что про́сто без причи́н,

Слеза́м фальши́вым и лука́вым,
Что ни горьки́, ни солоны́,
Слеза́м откры́тым, велича́вым
И тем, что во́все не видны́.

1957

НАУМ КОРЖАВИН

* * *

> Я с де́тства не люби́л ова́л,
> Я с де́тства у́гол рисова́л.
>
> *П. Ко́ган**

Меня́, как ви́дно, бог не звал
И вку́сом не снабди́л уто́нченным.
Я с де́тства полюби́л ова́л,
За то, что он тако́й зако́нченный.
Я рос и слу́шал ска́зки ма́мы
И ничего́ не рисова́л,
Когда́ встава́л ко мне́ угла́ми
Мир*, не похо́жий на ова́л.
Но все углы́ и все печа́ли
И всех противоре́чий вал
Я тем больне́е ощуща́ю,
Что с де́тства полюби́л ова́л.

1944

* * *

Преде́льно кра́ток язы́к земно́й,
Он бу́дет всегда́ таки́м.
С други́м — э́то зна́чит то, что со мно́й,
Но — с други́м.
А я победи́л уже́ э́ту боль,
Ушёл и махну́л руко́й*:
С друго́й... Это зна́чит то, что с тобо́й,
Но — с друго́й.

1945

* * *

Возьму́ оби́жусь*, разрублю́,
Не в си́лах жить в аду́*...
И разлюби́ть — не разлюблю́,
А в колею́ войду́*.
И всё зато́пчет колея́
Наде́жды и мечты́,
И бу́дешь ты не там, где я,
И я — не там, где ты.
И ста́нет про́сто вдруг сойти́сь
И разойти́сь пустя́к...
Но е́сли жизнь име́ет смысл,
Вове́к не бу́дет так.

1945

* * *

Век открыва́лся для меня́ не про́сто.
Он был противоре́чьем во плоти́*.

Я ви́дел по́длость, зна́ю благоро́дство,
Я ви́дел мрак — и зна́ю свет пути́.
Век шёл к свобо́де — и крепи́л зако́ны
Всё для войны́ — и не люби́л войны́.
Был бунтовщи́к — и прицепля́л пого́ны,
Был демокра́т — и соблюда́л чины́.
Он шёл на риск* и не дрожа́л от стра́ха...
Когда́ ж он ко́нчит все свои́ труды́,
Оста́нется земля́, где не́ту за́сух*,
И мир, освобождённый от нужды́.

1945

* * *

Ни к чему́,
ни к чему́,
ни к чему́ полуно́щные бде́нья*
И мечты́, что проснёшься
в како́м-нибудь
ве́ке друго́м.
Вре́мя?
Вре́мя дано́.
Это не подлежи́т обсужде́нью.
Подлежи́шь обсужде́нию
ты,
размести́вшийся в нём.
Ты не верь,
что гряду́щее вскри́кнет,
всплесну́вши рука́ми:

«Вот како́й тогда́ жил,
да, бедня́га, от ве́ка зача́х*».
Не́ту лёгких времён.
И в людску́ю
вреза́ется па́мять
То́лько тот,
кто пронёс
э́ту тя́жесть
на сме́ртных плеча́х.

1952

ИНЕРЦИЯ СТИЛЯ

В жи́зни, в иску́сстве, в борьбе́, где тебя́ победи́ли,
Са́мое стра́шное — э́то ине́рция сти́ля.
Это — привы́чка, а ка́жется, что ощуще́нье.
Это — ты де́ло зако́нчил, а нет облегче́нья.
Это — ты весь измени́лся, а мы́слишь, как ра́ньше.
Это — ты к пра́вде стреми́шься, а лжёшь, как
обма́нщик.

Это — душа́ твоя́ сто́нет, а ты не внима́ешь*.
Это — ты ве́рен себе́ и себе́ изменя́ешь.
Это — не кры́лья уже́, а одни́ то́лько пе́рья,
Это — уже́ ты не ве́ришь — бои́шься неве́рья.

Стиль — э́то му́жество. В пра́вде себе́ признава́ться!
Всё потеря́ть, но иллю́зиям не предава́ться —
Да́же пуска́й в тебе́ се́рдца тепе́рь уже́ ма́ло...

Пра́вда конца́ — э́то то́же возмо́жность нача́ла.
Кто осозна́л пораже́нье — того́ не разби́ли...

Са́мое стра́шное — э́то ине́рция сти́ля.

1960

ДЕТИ В ОСВЕНЦИМЕ

Мужчи́ны му́чили дете́й.
Умно́. Наме́ренно. Уме́ло.
Твори́ли бу́дничное де́ло,
Труди́лись — му́чили дете́й.

И э́то ка́ждый день опя́ть:
Кляня́, руга́ясь без причи́ны...
А де́тям бы́ло не поня́ть*,
Чего́ хотя́т от них мужчи́ны.

За что́ — оби́дные слова́,
Побо́и, го́лод, псов рыча́нье?
И де́ти ду́мали сперва́,
Что э́то за непослуша́нье*.

Они́ предста́вить не могли́
Того́, что бы́ло всем откры́то:
По дре́вней ло́гике земли́,
От взро́слых де́ти ждут защи́ты.

А дни всё шли*, как смерть страшны́,
И де́ти ста́ли образцо́вы*.

Но их всё би́ли.
                    Так же.
                              Сно́ва.
И не снима́ли с них вины́.

Они́ хвата́лись за люде́й.
Они́ моли́ли. И люби́ли.
Но у мужчи́н «иде́и» бы́ли,
Мужчи́ны му́чили дете́й.

Я жив. Дышу́. Люблю́ люде́й.
Но жизнь быва́ет мне посты́ла*,
Как то́лько вспо́мню: э́то — бы́ло!
Мужчи́ны му́чили дете́й!

1961

ДАВИД САМОЙЛОВ

СОРОКОВЫЕ*

Сороковы́е, роковы́е,
Вое́нные и фронтовы́е,
Где извеще́нья похоро́нные
Иересту́ки* эшело́нные.

Гудя́т нака́танные ре́льсы.
Просто́рно. Хо́лодно. Высо́ко.
И погоре́льцы*, погоре́льцы
Кочу́ют с за́пада к восто́ку.

А э́то я на полуста́нке*
В своей замурзанной* уша́нке,
Где звёздочка не уставна́я*,
А вы́резанная из ба́нки.

Да, э́то я на бе́лом све́те*,
Худо́й, весёлый и задо́рный*.
И у меня́ таба́к в кисе́те*,
И у меня́ мундшту́к набо́рный*.

И я с девчо́нкой балагу́рю*,
И бо́льше ну́жного хрома́ю,
И па́йку* на́двое лома́ю
И всё на све́те понима́ю.

Как э́то бы́ло! Как совпа́ло —
Война́, беда́, мечта́ и ю́ность!
И э́то всё в меня́ запа́ло*
И лишь пото́м во мне́ очну́лось!

Сороковы́е, роковы́е,
Свинцо́вые, пороховы́е.
Война́ гуля́ет по Росси́и,
А мы таки́е молоды́е!

ПЕРЕБИРАЯ НАШИ ДАТЫ

Перебира́я на́ши да́ты,
Я обраща́юсь к тем ребя́там,
Что в со́рок пе́рвом шли в солда́ты
И в гумани́сты в со́рок пя́том.

А гумани́зм не про́сто те́рмин,
К тому́ же, говоря́т, абстра́ктный.
Я обраща́юсь вновь к поте́рям,
Они́ трудны́ и невозвра́тны.

Я вспомина́ю Па́вла, Ми́шу,
Илью́, Бори́са, Никола́я*,
Я сам тепе́рь от них зави́шу,
Того́ поро́ю не жела́я.

Они́ шуме́ли бу́йным све́том,
В них бы́ли ве́ра и дове́рье.
А их повы́било желе́зом*,
И ле́са нет — одни́ дере́вья.

И вро́де день у нас пого́жий*,
И вро́де ве́тер тя́нет к ле́ту...
Аукаемся* мы с Серёжей,
Но ле́са нет и э́ха не́ту.

А я всё слы́шу, слы́шу, слы́шу,
Их голоса́ припомина́я...
Я говорю́ про Па́вла, Ми́шу,
Илью́, Бори́са, Никола́я.

* * *

Со́рок лет, жизнь пошла́ за второ́й перева́л.
Я люби́л, размышля́л, воева́л.
Кое-где́ побыва́л, кое-что́ повида́л,
Иногда́ и счастли́вым быва́л.

Гнев меня́ обошёл, минова́ла стрела́,
А от пу́ли — два ма́лых следа́.
И беда́ отлете́ла, как ка́пля с крыла́,
Как вода́ расступа́лась* беда́.

Взял оди́н перева́л, одоле́ю второ́й,
Хоть тяжёл мой запле́чный мешо́к*.

Что же там, за горо́й? Что же там — под горо́й?
От высо́т побеле́л мой висо́к.

Со́рок лет. Где́-то бу́дет после́дний прива́л?
Где прервётся моя́ колея́?
Со́рок лет. Жизнь пошла́ за второ́й перева́л.
И не до́пита ча́ша* сия́.

*   *   *

Луч со́лнца вдруг мелькнёт, как спи́ца*,
Над сне́жной пря́жею* зимы́...
И почему́-то вдруг присни́тся,
Что лу́чше мы, моло́же мы,

Как в дни войны́, когда́ быва́ло,
Я выбега́л из блиндажа́
И вью́га пле́чи обнима́ла,
Так простоду́шна, так свежа́;

И да́же вы́стрел был прозра́чен
И в ча́ще с о́тзвуками гас.
И сме́ртный час не обозна́чен,
И ги́бель да́льше, чем сейча́с...

ИЗ ДЕТСТВА

Я — ма́ленький, го́рло в анги́не.
За о́кнами па́дает снег.
И па́па поёт мне: «Как ны́не
Сбира́ется ве́щий Оле́г...»*

Я слу́шаю пе́сню и пла́чу,
Рыда́нье в поду́шке душу́.
И слёзы посты́дные пря́чу,
И да́льше, и да́льше прошу́.

Осе́ннею му́хой кварти́ра
Дремо́тно* жужжи́т за стено́й.
И пла́чу над бре́нностью* ми́ра
Я, ма́ленький, глу́пый, больно́й.

ТАЛАНТЫ

Их не ждут. Они́ прихо́дят са́ми.
И расса́живаются без спро́са*.
И лома́ющимися голоса́ми
Задаю́т нело́вкие вопро́сы.

И ухо́дят в ночь, тума́н и сы́рость
Стра́нные девчо́нки и мальчи́шки,
Ку́таясь в дешёвые пальти́шки,
Ма́меньками ши́тые на вы́рост*.

В до́ме вдруг стано́вится пусты́нно,
Как быва́ло на ночно́м вокза́ле,
Где в око́пы проводи́ли сы́на.
(Лу́чше бы меня́ в солда́ты взя́ли!)

Как плове́ц раста́лкиваю ста́вни
И кида́юсь в ночь за ни́ми сле́дом,
Потому́ что зна́ю це́ну да́вним
На́шим пораже́ньям и побе́дам...

* * *

Хóчется мúрного мúра
И счастлúвого счáстья.
Чтóбы ничтó не томúло,
Чтóбы грустúлось не чáсто.

Хóчется сúнего нéба
И зелёного лéса,
Хóчется бéлого снéга,
Яркого, жёлтого лéта.

Хóчется, чтоб отвечáло
Всё своемý назначéнию:
Чтоб начинáлось с начáла,
Вóвремя шло к завершéнью.

Хóчется шýток и смéха
Гдé-нибудь в шýмном скóпище*.
Хóчется и успéха,
Но на хорóшем пóприще*.

ВЛАДИМИР ЦЫБИН

ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

Ты во мне́ как бу́дто па́мятник —
так стои́шь, что не согну́сь.
Ты живёшь всё вре́мя в па́нике,
что я ху́же становлю́сь.
Времена́м други́м пока́жемся
мы добре́й,
чем, мо́жет, есть*,
перед ни́ми — не пока́емся* —
нелегко́ нам я́сность несть*!
Был неве́рным,
был и ве́рным,
был я добр,
был жесто́к.
Береги́ меня́ в заве́тном*,
в моём хру́пком,
как ледо́к!
Береги́ меня́ от жа́лобы,
снисходи́тельность копя́*,

си́льного меня́
от сла́бого
береги́, как от копья́.

Надо мно́й уста́лым,
стра́нная,
не сомкнёшь одна́ ты век.
Ты мне — гра́мота охра́нная*
че́рез я́ростный наш век.
Что́бы всё нача́ть не сы́знова*,
то́лько кру́че и больне́й,
береги́ — пока́мест* си́льного —
от неве́рности свое́й,
мою́ па́мять непоня́тную
о други́х, что отлюби́л,
отгрусти́л* —
и на попя́тную*,
и от се́рдца отруби́л,
от подру́г от переме́нчивых*
береги́, как от огня́,
от согла́сных*, перебе́жчивых*,
от дово́льных за меня́*.
Береги́ меня́ от го́нора*,
мол, смогу́, что захочу́,
береги́ мою́ ты го́лову,
чем ины́м я заплачу́?
Береги́ меня́ ты ре́вностно*
пи́сьмами,
но не молчи́,
береги́ свое́ю ре́вностью
и бессо́ницей в ночи́,
береги́ ты пра́вдой жёсткой,

ве́рою свое́й в свой срок,
береги́, чтоб не берёгся,
что́бы сам тебя́ берёг.

1963

* * *

Ты — как пе́рвый полёт,
Тот, кото́рый уда́лся;
Ты — как стро́гий паёк*,
Что в войну́ выдава́лся.

Мне тебя́ потеря́ть —
Как с эква́тора в ве́реск*,
Это путь проторя́ть*
Сквозь сомне́нья и е́ресь.

Всё как бу́дто в дыму́...
Отчего́ мне трево́жней?
И хожу́, и дышу́,
И живу́ осторо́жней.

Я бою́сь пустоты́,
Что быва́ет от взры́ва,
Я бою́сь простоты́
Той, что по́сле разры́ва.

Воскреша́я, темня́*
То, что бы́ло мне ве́хой*,
Па́мять в се́рдце тебя́
Вновь прино́сит, как э́хо ..

1962

* * *

Ярость пе́рвого ве́тра
Не милу́ет* моря́!
Пусть безжа́лостность ве́ка
не мину́ет меня́!
Я приму́,
сло́вно пла́ту,
от него́ маяту́*,
я приму́ сло́вно кля́тву
от него́ правоту́!
Ве́ка я́сность и я́рость
принима́ю вдвойне́!
Мою́ боль,
мою́ сла́бость
пусть казни́т он во мне́,
мою́ ста́рую тя́гу*
не оби́деть кого́ б*.
Я приму́, как прися́гу,
беспоща́дность его́,
его́ хму́рую кру́тость*,
его́ ми́лость,
когда́
превраща́ется в му́дрость
да́же зла́я беда́.
Си́ла и
беззащи́тность,
те, что сро́ду в войне́*,
те, что бы́ли в нём,
сши́блись
в сме́ртной схва́тке* во
мне́!

Тот, кто тих, прозяба́ет*!
Лу́чше — бе́шеный взрыв!
Да́же гнев прозрева́ет*,
е́сли он справедли́в!
И хочу́ по́лной ме́рой
я с тобо́ю, мой век,
одно́й бо́лью
и ве́рой
быть крещённым* наве́к!

1962

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

СВАДЬБЫ

А. Ме́жирову

О, сва́дьбы в дни вое́нные!
Обма́нчивый ую́т,
слова́ неоткрове́нные
о том, что не убью́т...

Доро́гой зво́нкой, сне́жною,
сквозь ве́тер, бью́щий зло,
лечу́ на сва́дьбу спе́шную
в сосе́днее село́.

Похо́дочкой рассла́бленной
с чёлочкой* на лбу
вхожу́,
        плясу́н просла́вленный,
в гудя́щую избу́*.

Наря́женный,
взволно́ванный,
среди́ друзе́й,
родны́х,
сиди́т мобилизо́ванный
растёрянный жени́х.
Сиди́т с неве́стой — Ве́рою,
а че́рез па́ру дней
шине́ль наде́нет се́рую,
на фронт поéдет в ней.
Землёй чужо́й,
не ме́стною
с винто́вкою пойдёт.
Под пу́лею неме́цкою,
быть мо́жет,
упадёт...
В стака́не бра́га* пе́нная,
но пить ему́ невмо́чь*.
Быть мо́жет, ночь их пе́рвая —
после́дняя их ночь.
Гляди́т он опеча́ленно,
и — бо́лью всей души́
мне че́рез стол отча́янно:
«А ну, дава́й пляши́!»
Забы́ли все о вы́питом.
Все смо́трят на меня́.
И вот иду́ я с вы́вертом*,
подко́вками* звеня́,
То вы́дам дробь*,
то по́ полу
носки́ поволоку́*.

Свищу́,
        в ладо́ши хло́паю,
взлета́ю к потолку́!
Летя́т по сте́нам ло́зунги,
что Ги́тлеру — капу́т*,
а у неве́сты
            слёзыньки*
                        горю́чие
                                    теку́т.
Уже́ я измоча́ленный*.
Уже́ едва́ дышу́...
«Пляши́!» —
            крича́т отча́янно,
и я опя́ть пляшу́...

Ступни́, как деревя́нные,
когда́ верну́сь домо́й.
Но с но́вой сва́дьбы
                        пья́ные
явля́ются за мной.
Едва́ отпу́щен ма́терью
на сва́дьбу вновь гляжу́,
и вновь
        у са́мой ска́терти
вприся́дочку* хожу́.
Неве́сте го́рько пла́чется.
Стоя́т в слеза́х друзья́.
Мне стра́шно.
                Мне не пля́шется*.
Но не пляса́ть — нельзя́...

1955

* * *

Л. Мартынову

Окно́ выхо́дит в бе́лые дере́вья.
Профе́ссор до́лго смо́трит на дере́вья.
Он о́чень до́лго смо́трит на дере́вья
и о́чень до́лго мел кроши́т в руке́.
Ведь э́то про́сто —
пра́вила деле́нья,
а он забы́л их —
пра́вила деле́нья,
забы́л —
поду́мать! * —
пра́вила деле́нья.
Оши́бка!
Да!
Оши́бка на доске́!

Мы все сиди́м сего́дня по-друго́му.
И слу́шаем и смо́трим по-друго́му.
Да и нельзя́ сейча́с не по-друго́му,
и нам подска́зка в э́том не нужна́.
Ушла́ жена́ профе́ссора из до́му.
Не зна́ем мы —
куда́ ушла́ из до́му.
Не зна́ем — отчего́ ушла́ из до́му,
а зна́ем то́лько,
что ушла́ она́.
В костю́ме и не мо́дном и не но́вом,
Как и всегда́, не мо́дном и не но́вом,
Да, как всегда́, не мо́дном и не но́вом,
спуска́ется профе́ссор в гардеро́б.

Он до́лго по карма́нам и́щет но́мер.
«Ну что тако́е, —
                                где же э́тот но́мер?
А мо́жет быть,
                        не брал у вас я но́мер?
Куда́ он де́лся?»
                                Трёт руко́ю лоб.

«Ах, вот он...
                        Что ж —
                                        как ви́дно, я старе́ю...
Не спо́рьте, тётя Ма́ша, —
                                        я старе́ю.
И что уж тут поде́лаешь —
                                        старе́ю...»
Мы слы́шим —
                        дверь внизу́ скрипи́т за ним.
Окно́ выхо́дит в бе́лые дере́вья,
в больши́е и краси́вые дере́вья,
но мы сейча́с гляди́м не на дере́вья —
мы мо́лча на профе́ссора гляди́м.

Ухо́дит он,
                сту́лый,
                                неуме́лый,
како́й-то беззащи́тно-неуме́лый,
я бы сказа́л —
                        уста́ло неуме́лый,
под сне́гом, мя́гко па́дающим в тишь.
Уже́ и сам он, как дере́вья, бе́лый,
да,
    как дере́вья, соверше́нно бе́лый,

ещё немно́го,
              и насто́лько бе́лый,
что среди́ них его́ не разгляди́шь..

1955

* * *

Я шата́юсь в толку́чке* столи́чной
над весёлой апре́льской водо́й,
возмути́тельно нелоги́чный,
непрости́тельно молодо́й.
Занима́ю трамва́и с бо́ю*,
увлечённо кому́-то лгу,
и бегу́ я сам за собо́ю
и догна́ть себя́ не могу́.

Удивля́юсь
              ба́ржам бока́стым*,
самолётам,
              стиха́м свои́м...

Надели́ли меня́ бога́тством.
Не сказа́ли, что де́лать с ним.

1955

ЗАВИСТЬ

Зави́дую я.
              Этого секре́та
не раскрыва́л я ра́ньше никому́.

Я зна́ю, что живёт мальчи́шка где́-то,
и очень я зави́дую ему́.
Зави́дую тому́,
как он дерётся, —
я не́ был так бесхи́тростен и смел.
Зави́дую тому́,
как он смеётся, —
я так смея́ться в де́тстве не уме́л.
Он ве́чно хо́дит в сса́динах и ши́шках* —
я был всегда́ причёсанней,
целе́й.
Все те места́,
что пропуска́л я в кни́жках,
он не пропу́стит.
Он и тут сильне́й.
Он бу́дет че́стен жёсткой прямото́ю,
злу не проща́я за его́ добро́,
и там, где я перо́ броса́л:
«Не сто́ит*...»,
он ска́жет:
«Сто́ит!»
и возьмёт перо́.
Он, е́сли не развя́жет*,
так разру́бит,
где я ни развяжу́,
ни разрублю́.
Он, е́сли уж полю́бит,
не разлю́бит,
а я — и полюблю́,
да разлюблю́.
Я скро́ю за́висть.
Бу́ду улыба́ться.

Я притворю́сь, как бу́дто я проста́к*:
«Кому́-то же ведь на́до ошиба́ться,
кому́-то же ведь на́до жить не так...»
Но ско́лько б ни внуша́л себе́ я э́то,
твердя́:
        «Судьба́ у ка́ждого своя́...»,
мне не забы́ть,
                что есть мальчи́шка где́-то,
что он добьётся бо́льшего, чем я.

1955

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Па́мяти на́ших отцо́в и ста́рших бра́тьев, па́мяти ве́чно молоды́х солда́т и офице́ров Сове́тской Армии, па́вших на фронта́х Вели́кой Оте́чественной войны́.

РЕКВИЕМ

1

Ве́чная
сла́ва
геро́ям!
Ве́чная сла́ва!
Ве́чная сла́ва!
Ве́чная
сла́ва
геро́ям!
Сла́ва геро́ям!
Сла́ва!!
...Но заче́м она́ им,
э́та сла́ва, —
мёртвым?

Для чего она им,
эта слава, —
павшим?
Всё живое —
спасшим.
Себя —
не спасшим.
Для чего она им,
эта слава, —
мёртвым?..
Если молнии
в тучах заплещутся жарко,
и огромное небо
от грома
оглохнет,
если крикнут
все люди
земного шара, —
ни один из погибших
даже не вздрогнет.
Знаю:
солнце
в пустые глазницы
не брызнет!
Знаю:
песня
тяжёлых могил
не откроет!
Но от имени
сердца,
от имени
жизни,

повторя́ю:
Ве́чная
Сла́ва
Геро́ям!..
И бессме́ртные ги́мны,
проща́льные ги́мны
над бессо́нной плане́той
                                        плыву́т
                                                велича́во*...
Пусть
      не все геро́и, —
те,
кто поги́бли, —
па́вшим
ве́чная сла́ва!
Ве́чная
      сла́ва!!
Вспо́мним всех поимённо*,
го́рем
      вспо́мним
                  свои́м...
Это ну́жно —
не мёртвым!
Это на́до —
живы́м!
Вспо́мним
            го́рдо и пря́мо
поги́бших в борьбе́...
Есть
      вели́кое пра́во:
забыва́ть
о себе́!

Есть
    высо́кое пра́во:
пожела́ть
и посме́ть*!..
Ста́ла
ве́чною сла́вой
мгнове́нная
смерть!

2

Ра́зве поги́бнуть
                ты нам завеща́ла,
Ро́дина?
Жизнь
    обеща́ла,
любо́вь
    обеща́ла,
Ро́дина.
Ра́зве для сме́рти
                рожда́ются де́ти,
Ро́дина?
Ра́зве хоте́ла ты
                на́шей
                    сме́рти,
Ро́дина?
Пла́мя
    уда́рило в не́бо! —
ты по́мнишь,
Ро́дина?
Ти́хо сказа́ла:

«Встава́йте
на по́мощь...»
Ро́дина,
Сла́вы
никто́ у тебя́ не выпра́шивал,
Ро́дина.
Про́сто был вы́бор у ка́ждого:
я
и́ли
Ро́дина.
Са́мое лу́чшее
и дорого́е —
Ро́дина.
Го́ре твоё —
э́то на́ше
го́ре,
Ро́дина.
Пра́вда твоя́ —
э́то на́ша
пра́вда,
Ро́дина.
Сла́ва твоя́ —
э́то на́ша
сла́ва,
Ро́дина!

3

Плеска́лось
багро́вое зна́мя,
горе́ли
багро́вые звёзды,

слепáя пургá
накрывáла
багрóвый от крóви
закáт,
и слы́шалась
пóступь
диви́зий,
вели́кая пóступь
диви́зий,
желéзная пóступь
диви́зий,
тóчная
пóступь
солдáт!
Навстрéчу раскáтам
ревýщего грóма
мы в бой поднимáлись
светлó и сурóво.
На нáших знамёнах
начéртано
слóво:
Побéда!
Побéда!!
Во и́мя Отчи́зны —
побéда!
Во и́мя живýщих —
побéда!
Во и́мя грядýщих —
побéда!
Войнý
Мы должны́ сокруши́ть.
И нé было гóрдости
вы́ше,

и не́ было до́блести вы́ше —
ведь кро́ме
жела́ния вы́жить
есть ещё
му́жество
жить!
Навстре́чу раска́там
реву́щего гро́ма
мы в бой поднима́лись
светло́ и суро́во.
На на́ших знамёнах
наче́ртано
сло́во:
Побе́да!
Побе́да!!

4

Чёрный ка́мень,
чёрный ка́мень,
что ж молчи́шь ты,
чёрный ка́мень?
Ра́зве ты
хоте́л тако́го?
Ра́зве ты
мечта́л когда́-то
стать надгро́бьем
для моги́лы
Неизве́стного
солда́та?
Чёрный ка́мень.
Что ж молчи́шь ты, чёрный ка́мень?..

Мы в гора́х
тебя́
иска́ли.
Ска́лы
тя́жкие
дроби́ли.
Поезда́ в ноча́х
труби́ли.
Мастера́ в ноча́х
не спа́ли.
Что́бы
у́мными рука́ми,
что́бы
со́бственною
кро́вью
преврати́ть
обы́чный ка́мень
в молчали́вое
надгро́бье...
Ра́зве ка́мни
винова́ты
в том,
что где́-то
под землёю
сли́шком до́лго
спят солда́ты?
Безымя́нные
солда́ты.
Неизве́стные
солда́ты...
А над ни́ми
тра́вы со́хнут.

А над ни́ми
звёзды ме́ркнут.
А над ни́ми
кру́жит
бе́ркут*
и кача́ется
подсо́лнух*.
И стоя́т над ни́ми
со́сны.
И пора́ прихо́дит
сне́гу.
И ора́нжевое со́лнце
разлива́ется
по не́бу.
Вре́мя
дви́жется над ни́ми...

Но когда́-то,
но когда́-то
кто́-то в ми́ре
по́мнил
и́мя
Неизве́стного
солда́та!
Ведь ещё
до са́мой сме́рти
он име́л друзе́й
нема́ло.
Ведь ещё
живёт на све́те
о́чень ста́ренькая
ма́ма.

А ещё была́
невéста.
Где онá тепéрь —
невéста?..
Умирáл солдáт —
извéстным.
Умер —
Неизвéстным.

5*

Ой, зачéм ты,
сóлнце крáсное,
всё ухóдишь —
не прощáешься?
Ой, зачéм
с войны́ безрáдостной,
сын,
не возвращáешься?
Из беды́
тебя́ я вы́ручу,
прилечу́
орли́цей бы́строю...
Отзови́сь,
моя́ крови́ночка!
Мáленький.
Еди́нственный...
Бéлый свет
не мил.
Изболéлась* я.
Возврати́сь,
моя́ надéжда!

Зёрнышко моё,
Зо́рюшка моя́.
Го́рюшко моё, — где ж ты?
Не могу́ найти́ доро́женьки,
чтоб запла́кать
                              над моги́лою...
Не хочу́ я
ничего́шеньки, —
то́лько сы́на
                              ми́лого.
За леса́ми моя́ ла́стынька!
За гора́ми —
                              за грома́дами...
Если вы́плаканы
гла́зыньки —
се́рдцем
          пла́чут ма́тери.
Бе́лый свет
                              не мил.
Изболе́лась я.
Возврати́сь,
                              моя́ наде́жда!
Зёрнышко моё.
Зо́рюшка моя́.
Го́рюшко моё, —
где ж ты?

6

Когда́ ты, гряду́щее?
          Ско́ро ли?
В отве́т на каку́ю
боль?..

Ты ви́дишь:
са́мые го́рдые
вы́шли на встре́чу
с тобо́й.
Грози́шь
частоко́лами на́долб*.
Пуга́ешь
угла́стыми* кру́чами...
Но мы
подни́мем себя́
по кана́там,
из со́бственных не́рвов
скру́ченных!
Вы́растем.
Сте́рпим любы́е смешки́.
И ста́нем
бо́льше
бого́в!..
И бу́дут де́ти
лепи́ть снежки́
из кучевы́х
облако́в*.

7

Это пе́сня
о со́лнечном све́те,
э́то пе́сня
о со́лнце в груди́.
Это пе́сня о ю́ной плане́те,
у кото́рой
всё впереди́!

Именем со́лнца,
                    и́менем ро́дины
кля́тву даём.
Именем жи́зни
                клянёмся
                            па́вшим геро́ям:
то, что отцы́ не допе́ли, —
мы
  допоём!
То, что отцы́ не постро́или, —
мы
  постро́им!
Устремлённые к со́лнцу побе́ги*,
вам
   до си́них высо́т выраста́ть.
Мы —
рождённые пе́сней побе́ды —
начина́ем
жить и мечта́ть!
Именем со́лнца,
                    и́менем ро́дины
кля́тву даём.
Именем жи́зни
                клянёмся
                            па́вшим геро́ям:
то, что отцы́ не допе́ли, —
мы
  допоём!
То, что отцы́ не постро́или, —
мы
  постро́им!

Торопи́тесь,
весёлые вёсны!
Мы поги́бшим на сме́ну
пришли́.
Не горди́тесь,
далёкие звёзды, —
ожида́йте
госте́й
с Земли́!
Именем со́лнца,
и́менем ро́дины
кля́тву даём.
Именем жи́зни
клянёмся
па́вшим геро́ям:
то, что отцы́ не допе́ли, —
мы
допоём!
То, что отцы́ не постро́или, —
мы
постро́им!

8

Слу́шайте!
Это мы
говори́м.
Мёртвые.
Мы.
Слу́шайте!
Это мы
говори́м.

Оттýда.
Из тьмы.
Слýшайте!
Распахни́те* глазá.
Слýшайте до концá.
Это мы
говори́м,
мёртвые.
Стучи́мся
в вáши
сердцá...

Не пугáйтесь!
Однáжды
мы вас потревóжим во снé.
Над полями
свой голосá пронесём в тишинé.
Мы забы́ли,
как пáхнут цветы́.
Как шумя́т тополя́.
Мы и зéмлю
забы́ли.
Какóй онá стáла,
земля́?
Как там пти́цы?
Пою́т на землé
без нас?
Как черéшни?
Цветýт на землé
без нас?
Как светлéет
рекá?

И летя́т облака́
над на́ми?
Без нас.

Мы забы́ли траву́.
Мы забы́ли дере́вья давно́.
Нам
шага́ть по земле́
не дано́.
Никогда́ не дано́!
Никого́ не разбу́дит
орке́стра
печа́льная
медь...
То́лько са́мое стра́шное, —
да́же страшне́е,
чем смерть:
знать,
что пти́цы
пою́т на земле́
без нас!
Что чере́шни
цвету́т на земле́
без нас!
Что светле́ет
река́.
И летя́т облака́
над на́ми.
Без нас.
Продолжа́ется жизнь.
И опя́ть
начина́ется день.

Продолжа́ется жизнь.
Приближа́ется
время дожде́й.
Нараста́ющий ве́тер
колы́шет
больши́е хлеба́.
Это —
ва́ша судьба́.
Это —
о́бщая на́ша
судьба́...
Так же пти́цы
пою́т на земле́
без нас.
И чере́шни
цвету́т на земле́
без нас.
И светле́ет
река́.
И летя́т облака́
над на́ми.
Без нас...

9

Я
не смогу́.
Я
не умру́...
Если
умру́ —
ста́ну
траво́й.

Ста́ну
    листво́й.
Ды́мом костра́.
Ве́шней* землёй
Ра́нней звездо́й
Ста́ну волно́й,
пе́нной
    волно́й!
Се́рдце
    своё
        вдаль
унесу́.
Ста́ну
    росо́й,
пе́рвой грозо́й,
сме́хом
    дете́й,
э́хом
    в лесу́...
Бу́дут в степя́х
тра́вы
шуме́ть.
Бу́дет стуча́ть
в бе́рег
волна́...
То́лько б
        допе́ть!
То́лько б
        успе́ть!

То́лько б
испи́ть
ча́шу
до дна́*!
То́лько б
в ночи́
пе́ла
труба́!
То́лько б
в поля́х
зре́ли
хлеба́!..
Дай мне
я́сной жи́зни,
судьба́!
Дай мне
го́рдой сме́рти,
судьба́!

10

По́мните!
Че́рез века́,
че́рез года́, —
по́мните!
О тех,
кто уже́ не придёт
никогда́, —
по́мните!
Не пла́чьте!

В го́рле
сдержи́те сто́ны,
го́рькие сто́ны.
Па́мяти
па́вших
бу́дьте
досто́йны!
Ве́чно
досто́йны!
Хле́бом и пе́сней,
мечто́й и стиха́ми,
жи́знью
просто́рной,
ка́ждой
секу́ндой,
ка́ждым
дыха́ньем
бу́дьте
досто́йны!
Лю́ди!
Поку́да сердца́
стуча́тся*, —
по́мните!
Како́ю
цено́й
завоёвано сча́стье, —
пожа́луйста,
по́мните!
Пе́сню свою́
отправля́я в полёт, —
по́мните!

О тех,
кто уже́ никогда́
не споёт, —
по́мните!
Де́тям свои́м
расскажи́те о них,
чтоб
запо́мнили!
Де́тям
дете́й
расскажи́те о них,
что́бы то́же
запо́мнили!

Во все времена́
бессме́ртной
Земли́
по́мните!
К мерца́ющим звёздам
ведя́ корабли́, —
о поги́бших
по́мните!

Встреча́йте
тре́петную весну́,
лю́ди земли́.
Убе́йте
войну́,
прокляни́те
войну́,
лю́ди земли́!

Мечту́ пронеси́те
                    че́рез года́
и жи́знью
напо́лните!..
Но о тех,
кто уже́ не придёт
                    никогда́, —
заклина́ю, —
по́мните!

1961

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

ХЕМИНГУЭЙ

1

В стране́, не забыва́ющей Линко́льна,
в селе́, где ни двора́ и ни кола́*,
как же́нщина, печа́льна колоко́льня.
По мне́*, по мне́ звоня́т колокола́.

По ю́ношам, безвре́менно поги́бшим
на э́той победи́тельной войне́,
по же́нщинам, уста́лым и пони́кшим,
и всё-таки они́ звоня́т по мне́.

По старика́м, давны́м-давно́ усо́пшим*,
по моряка́м, оста́вшимся на дне,
по му́миям, зага́дочным, усо́хшим,
и всё-таки — по мне́, по мне́, по мне́.

2

Прекра́сен не прекра́сной синера́мой
тот а́лчный и надме́нный матери́к,
а тем, что борода́тый, синегла́зый
вдоль побере́жья ше́ствует* стари́к.

О, э́та чистота́ на гра́ни де́тства
и ра́венство с прохо́жими людьми́!
Идёт он лёгкой по́ступью инде́йца
и зна́ет толк в охо́те и в любви́.

К больши́м ступня́м он примеря́ет ла́сты,
и во́лны подступа́ют к бороде́,
и с выраже́ньем му́дрости и ла́ски
смеётся он, ступа́ет по воде́.

О, президе́нтов вы́боры и кри́ки!
Как там шумя́т и верхово́дят всласть*...
И всё же кни́ги — как над на́ми кни́ги
неумоли́мо проявля́ют власть!

Над ми́ром простира́ется защи́та,
защи́та их отцо́вской доброты́.
Стои́т охо́тник и солда́т. Заши́та
его́ оде́жда. По́мыслы* чисты́.

И, многоо́пытный свиде́тель ве́ка,
в том звоне различа́ет он опя́ть:
о, не оби́дь, несча́стье, челове́ка,
не смей его́ у же́нщины отня́ть!

В трево́ге неумо́лчной, сердобо́льной*
туда́, к верши́не со́лнца и дожде́й,
восхо́дит э́тот го́мон* колоко́льный,
опла́кивая го́рести люде́й.

* * *

Живу́т на у́лице Песча́ной
два челове́ка дороги́х.
Я не о них.
Я о печа́льной
неве́домой соба́ке их.

Эта япо́нская поро́да
ей так расста́вила зрачки́,
что да́же стра́шно у поро́га —
как их разду́мья глубоки́.

То до́брый пёс. Но, замира́я
и победи́тельно сопя́,
надме́нным взгля́дом самура́я
он смо́жет защити́ть себя́.

Одна́жды про́сто так, без де́ла
одна́ пришла́ я в э́тот дом,
и на дива́не я сиде́ла
и говори́ла я с трудо́м.

Уста́вив глаз свой самоцве́тный*
всё различа́вший в тишине́,
пёс умудрённый семиле́тний
сиде́л и ду́мал обо мне́.

И голова́ его́ мига́ла.
Он го́рестный был и седо́й,
как бы пове́рженный* мика́до,
уста́лый и немолодо́й.

Зовётся То́шкой пёс. Ах, То́шка,
ты понима́ешь всё. Отве́ть,
что так мне со́вестно и то́шно
сиде́ть и на тебя́ гляде́ть?

Всё то́нкий нюх твой различа́ет,
Уга́дывает наперёд,
Скажи́ мне, что́ нас разлуча́ет
и всё ж расста́ться не даёт?

* * *

Я ду́мала, что ты мой враг,
что ты беда́ моя́ тяжёлая,
а ты не враг, ты про́сто враль*,
и вся игра́ твоя́ — дешёвая.

На пло́щади Мане́жной
броса́л моне́ту в снег.
Зага́дывал моне́той,
люблю́ я и́ли нет.

И ша́рфом но́ги мне обма́тывал
там, в Алекса́ндровском саду́,
и ру́ки грел, а всё обма́нывал,
всё ду́мал, что и я солгу́.

Кружилось надо мной враньё,
похожее на вороньё*.
Но вот в последний раз прощаешься,
в глазах ни сине, ни черно.

О, проживёшь, не опечалишься,
а мне и вовсе ничего.
Но как же всё напрасно,
но как же всё нелепо!
Тебе идти направо.
Мне идти налево.

1960

ТВОЙ ДОМ

Твой дом, не ведая беды,
меня встречал и в щёку чмокал*.
Как будто рыба из воды,
сервиз выглядывал из стёкол.

И пёс выскакивал ко мне,
как галка маленький, орущий,
и в беззащитном всеоружьи
торчали кактусы в окне.

От неурядиц* всей земли
я шла озябшим* делегатом,
и дом смотрел в глаза мои
и добрым был и деликатным.

На го́лову мою́ стыда́
он не навлёк, себя́ не вы́дал.
Дом кля́лся мне, что никогда́
он э́той же́нщины не ви́дел.

Он говори́л: — Я пуст. Я пуст. —
Я говори́ла: — Где́-то, где́-то... —
Он говори́л: — И пусть. И пусть.
Входи́ и позабу́дь про э́то.

О, как боя́лась я сперва́
платка́ и́ли ино́й приме́ты,
но дом тверди́л свои́ слова́,
перетасо́вывал* предме́ты.

Он замета́л её следы́.
О, как он притвори́лся ло́вко,
что здесь не па́дало слезы́,
не облока́чивалось ло́ктя.

Как бу́дто тща́тельный прибо́й
смыл всё: и ту́фель отпеча́тки,
и тот пусту́ющий прибо́р,
и пу́говицу от перча́тки.

Все сговори́лись: пёс забы́л,
с кем он игра́л, и гво́здик ма́лый
не ве́дал, кто его́ заби́л,
и мне дава́л отве́т тума́нный.

Так бы́ли зеркала́ пусты́,
как бу́дто вы́пал снег и ста́ял.

Припо́мнить не могли́ цветы́,
кто их в стака́н гранёный ста́вил...

О дом чужо́й! О ми́лый дом!
Проща́й! Прошу́ тебя́ о ма́лом:

не будь так добр. Не будь так добр.
Не утеша́й меня́ обма́ном.

СЕНТЯБРЬ

Ю. Нагибину

Сентя́брь — чуда́к и выжива́ть маста́к*.
Быть мо́жет, он не разминётся с на́ми,
пока́ не бу́дет так, не бу́дет так,
что мы его́ поки́нем са́ми.

И ста́нет он поки́нутый тобо́й,
и о́сень обнажи́т свои́ проре́хи*,
и ма́льчики и де́вочки гурьбо́й*
поя́вятся, чтоб собира́ть оре́хи.

Вот щёлкают и потроша́т* кусты́,
репе́йники* прикле́ивают к пла́тью
и говоря́т: — А что же пла́чешь ты? —
Что пла́чу я? Что пла́чу?

Нала́дится така́я тишина́,
как под водо́й, как под морско́й водо́ю.
И на́до жить. У жи́зни есть одна́
привы́чка — жить, чтоб ни́ было с тобо́ю.

Изобража́ть счастли́вую чету́*,
и отдыша́ться в э́той жизни ми́рной,
и преступи́ть заве́тную черту́
блаже́нной ту́пости*. Но ты, мой ми́лый,

ты на себя́ не принима́й труда́
печа́литься*. Среди́ зимы́ и ле́та,
в други́е ме́сяцы — нам никогда́
не испыта́ть ора́нжевого цве́та.

Отпра́зднуем после́днюю беду́.
Ряби́новые долома́ем ве́тки.
Кляну́сь тебе́ двена́дцать раз в году́:
я в сентябре́. И бу́ду там наве́ки.

МАЗУРКА ШОПЕНА

Кака́я у́часть нас пости́гла,
как повезло́ нам в э́тот час,
когда́ бегу́щая пласти́нка
одна́ лишь разделя́ла нас!

Снача́ла то́ненько шипе́ла,
как уж, изъя́тый из камне́й,
но очерта́ния Шопе́на
приобрета́ла всё слышне́й.

И то́ненькая, как мензу́рка*,
внутри́ с води́цей голубо́й
стоя́ла де́вочка-мазу́рка,
пока́чивая голово́й.

Как э́та с бе́дными плеча́ми,
по-по́льски ли́чиком бела́,
разве́дала мои́ печа́ли
и на себя́ их приняла́?

Она́ протя́гивала ру́ки
и исчеза́ла вдалеке́,
сосредото́чив э́ти зву́ки
в игло́й расчё́рченном кружке́.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МАСТЕРА

Пёрвое посвящéние

Колоколá, гудóшники*. .
Звон. Звон...

Вам,
худóжники,
Всех времён!

Вам,
Микелáнджело,
Бáрма*, Дант!
Вас мóлнией зáживо
Испепеля́л* талáнт.
Ваш мóлот не колóнны
И стáтуи тесáл* —
Сбивáл со лбóв корóны
И трóны сотрясáл.

Худо́жник перворо́дный* —
Всегда́ трибу́н.
В нем дух переворо́та
И ве́чно — бунт.

Вас в сте́ны мурова́ли*.
Сжига́ли на костра́х.
Мона́хи муравья́ми
Пляса́ли на костя́х.

Иску́сство воскреса́ло
Из ка́зней и из пы́ток
И би́ло, как креса́ло*,
О ка́мни Моаби́тов*.

Крова́вые мозо́ли*.
Зола́ и пот.
И Му́зу, то́чно Зо́ю*,
Вели́ на эшафо́т.

Но нет противоя́дия
Её святы́м слова́м —
Во́ители*,
                    вая́тели*.
Сла́ва вам!

Второ́е посвяще́ние

Москва́ бурли́т, как ва́рево*,
Под колоко́льный звон...

Вам,
Ва́рвары
Всех времён!

Цари́, тира́ны,
В тиа́рах яйцеви́дных,
В пожа́рищах-сута́нах
И с жерлами цили́ндров*!

Импе́рии и ка́ссы,
Страху́я* от огня́,
Вы ви́дели в Пега́се
Троя́нского коня́.

Ваш враг — резе́ц* и ке́льма*.
И вы́жженные о́чи,
Как
клейма*,
Горе́ли среди́ но́чи.

Вас моё сло́во су́дит.
Да бу́дет — срам*.
Да
бу́дет
Прокля́тье вам!

1959

БАЛЛАДА 41-го ГОДА

*Партиза́нам Ке́рченской каменоло́мни**

Роя́ль вполза́л в каменоло́мню.
Его́ тащи́ли на дрова́
К замёрзшим ча́нам* и поло́вням*.
Он ждал уда́ра топора́!

Он был без ножек, чёрный ящик,
Лежал на брюхе и гудел.
Он тяжело дышал, как ящер
В пещерном логове людей.

А пальцы вспухшие алели.
На левой — два, на правой — пять...
Он
  опускался
                на колени,
Чтобы до клавишей достать.

Семь пальцев бывшего завклуба*!
И, обмороженно-суха,
С них, как с разваренного клубня*,
Дымясь, сползала шелуха*.

Металась пламенем сплошным*
Их красота, их божество...
И было величайшей ложью
Всё, что игралось до него!
Все отраженья люстр, колонны...
Во мне ревёт рояля сталь.
И я лежу в каменоломне.
И я огромен, как рояль.

Я отражаю штолен* сажу.
Фигуры. Голод. Блеск костра.
И как коронного пассажа*,
Я жду удара топора!

Моё призва́ние — не та́йна,
Я ве́рен у́части своей.
Я вы́сшей му́зыкою ста́ну, —
Тепло́м и хле́бом для люде́й.

СВАДЬБА

Выхо́дит за́муж мо́лодость
Не за кого́ — за что́.
Себя́ лома́ет мо́лодость
За мо́дное манто́.

За золоты́е го́ры
И в серебре́ виски́...
Эх, да по фарфо́ру
Хо́дят сапоги́!

Где пьют, там и бьют,
Ча́шки, кру́жки о́б пол бьют!
Горшки́ — в черепки́,
Молоды́м под каблуки́.
Бры́жжут ча́шки на куски́ —
Чьё-то сча́стье —
В черепки́!..

И ты в прозра́чной ю́бочке,
Юна́, бела́,
Дрожи́шь, как бу́дто рю́мочка
На кра́ешке стола́.

Споко́йная нару́жно*,
Сама́ ты не своя́*.

Брасле́ты — как нару́чники*
И бу́сы — как петля́.

Го́рько!* Го́рько!
Нелёгкая игра́.
За что? За го́рку*
С набо́ром серебра́?..

О ско́лько вас, девчо́нок,
Краси́вых дур,
Поги́бло за пого́ны,
Кварти́ры, гарниту́р!

И ско́лько слёз девча́чьих,
Как и на э́тот раз,
Перерыва́ет пла́чем
Весёлый перепля́с*!
Где пьют, там и льют —
Слёзы, слёзы, слёзы льют...

1959

ПАРАБОЛИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Судьба́, как раке́та, лети́т по пара́боле
Обы́чно — во мра́ке и ре́же — по ра́дуге.

Жил о́гненно-ры́жий худо́жник Гоге́н,
Боге́ма, а в про́шлом — торго́вый аге́нт.
Чтоб в Лувр короле́вский попа́сть
из Монма́ртра,

Он
  дал
      кругаля́* че́рез Яву с Сума́трой!
Унёсся, забы́в сумасше́ствие де́нег,
Куда́хтанье * жён, духоту́ акаде́мий,
Он преодоле́л
                тяготе́нье земно́е*.
Жрецы́ гогота́ли* за кру́жкой пивно́ю:
«Прямая — коро́че, пара́бола — кру́че,
Не лу́чше ль скопи́ровать ра́йские ку́щи*?»

А он уноси́лся раке́той реву́щей
Сквозь ве́тер, срыва́ющий фа́лды* и у́ши,
И в Лувр он попа́л не сквозь гла́вный поро́г —
Пара́болой
                гне́вно
                        проби́в потоло́к!
Иду́т к свои́м пра́вдам, по-ра́зному хра́бро,
Червя́к — че́рез щель, челове́к — по пара́боле.
Жила́-была́ де́вочка ря́дом в кварта́ле.
Мы с не́ю учи́лись, зачёты сдава́ли*.
Куда́ ж я уе́хал!
                И чёрт меня нёс
Меж гру́зных тбили́сских двусмы́сленных звёзд!
Прости́ мне дура́цкую э́ту пара́болу.
Просты́вшие пле́чики в чёрном пара́дном...
О, как ты звене́ла во мра́ке Вселе́нной
Упру́го и пря́мо, — как пру́тик анте́нны!
А я всё лечу́,
                приземля́ясь по ним—
Земны́м и озя́бшим твои́м позывны́м*.
Как тру́дно даётся нам э́та пара́бола!..

Сметáя канóны, прогнóзы, парáграфы,
Несýтся искýсство, любóвь и истóрия —
По параболи́ческой траектóрии!

В Сиби́рской веснé утопáют калóши...
А мóжет быть, всё же прямáя — корóче?

1959

Б. А.*

Дáли дéвочке и́скру.
Не ири́ску*, а и́скру,
Искру пóиска, и́скру ри́ска,
Искру дéрзости олимпи́йской!
Мóжно сéрдце зажéчь, мóжно — печь,
Мóжно
        зéмлю
                к чертя́м
                        поджéчь!
В папирóске сгорáет и́скорка.
И девчóнка смеётся и́скоса.

ОСЕНЬ

С. Щипачёву

Ути́ных кры́льев переплéск*.
И на тропи́нках заповéдных*
Послéдних паути́нок блеск,
Послéдних спиц велосипéдных.

И ты примéру их послéдуй,
Стучи́сь прости́ться в дом послéдний.

В том до́ме же́нщина живёт
И му́жа к у́жину не ждёт.

Она́ отки́нет мне щеко́лду*,
К тужу́рке* припадёт щеко́ю,
Она́, смея́сь, протя́нет рот.
И вдруг, пога́снув, всё поймёт —
Поймёт осе́нний зов поле́й,
Полёт семя́н, распа́д семе́й...

Озя́бшая и молода́я,
Она́ поду́мает о том,
Что я́блонька и та — с плода́ми,
Бурёнушка и та — с телко́м*.

Что бро́дит жизнь в дубо́вых ду́плах*,
В поля́х, в дома́х, в леса́х проду́тых*,
Им — колоси́ться, токова́ть*.
Ей — голоси́ть* и тоскова́ть.

Как э́ти гу́бы жа́рко ше́пчут:
«Заче́м мне ру́ки, гру́ди, пле́чи?
К чему́ мне жить и печь топи́ть
И на рабо́ту выходи́ть?»

Её я за́ плечи возьму́ —
Я сам не зна́ю, что к чему́...
А за око́шком в пе́рвом и́нее
Лежа́т поля́ из алюми́ния.
По ним — черны́, по ним — седы́,
До железнодоро́жной ли́нии
Протя́нутся мои́ следы́.

ХУДОЖНИК

(Письмо́ К. Л. Зели́нскому)*

В век ра́зума и а́тома
Мы — акушёры* но́вого.
Нам э́та у́часть а́дова*
По нра́ву и по но́рову*.

Мы — ба́бки повива́льные*.
А век ревёт матёро*,
Как по́месь павиа́на*
И авиамото́ра.

Попро́буйте при ро́дах
Подо́бных постоя́ть,
Сгора́ть на электро́дах,
И в ру́ки ра́дий брать.

Когда́ душа́-акти́ния
К скеле́ту приросла́.
О, радиоакти́вная
Осно́ва мастерства́!

Слова́, как кварц, луча́тся
Они́ разя́т и ле́чат,
Чтоб лю́дям
улучша́ться...
Чтоб лю́дям бы́ло
ле́гче...
Чтоб о́пухоли ра́ковые
Спада́ли с душ и тел.

Чтоб Коммуни́зм,
как ра́ковина,
Прибли́зившись, гуде́л...
И, сча́стлив э́той до́лей,
Худо́жник в мастерско́й
Стои́т
бессме́ртно
бо́лен
Боле́знью лучево́й*!

BIOGRAPHICAL NOTES AND COMMENTARY

ALEXANDER BLOK (1880-1921) was born in Petersburg, the son of a professor. He graduated from the Faculty of History and Philosophy at Petersburg University. His first work was published in the end of the 1890's.

The first book of this great Russian poet entitled *Стихи о прекрасной даме* (*Poems on the Beautiful Lady*, 1904), marks his debut as a symbolist, the author of impressionistic and mystic love lyrics imbued with such motifs as the 'world soul', and 'the inexpressible suspiration of fate' and 'other worlds'. After the 1905 Revolution Blok became more and more firmly anchored in reality and wrote many poems about Russia. 'The pitch-black horror of life' and the inevitability of revolutionary changes are themes which recur in his work. The long poem *Соловьиный сад* (*The Nightingale Garden*, 1915) represents his final break with individualist poetry, with the poetry of the ivory tower; henceforward he was to find inspiration in real life.

Although Blok in art professed a complete and utter break with the old world, he was tragically incapable of accepting the necessity of personal sacrifice for the Revolution, which for him was both a catastrophe and an occasion for rejoicing. The dilemma of his position can be summed up in his own phrase: праздновать свою печаль (to celebrate my own grief). A feeling of impending catastrophe imbues all the poetic images he uses, such as the blue gloom and the singing snowstorms of the night. But through the darkness and the driving blizzard he was capable of seeing the Revolution, and the Revolution was itself a storm, cruel, but sacred. This is how it is represented in his experimental poem *Двенадцать* (*The Twelve*, 1918). The world of the twelve Red Army men is a just and worthy one, as distinct from the old, sinful and doomed one. Structurally the conflicting and tragic heroism of the poem is put

across by its polyphonic narration, its many-planed action, its combination of political slogan, folk song and inspired verse.

In the last years of his life, he worked in the foundation of Soviet publishing firms, on the repertoire committees of theatres and wrote the poem *Скифы* (*The Scythians*, 1918), which affirms revolutionary Russia's mission in history.

у́тро в за́весах тёмных окна́ — morning seen through the darkened curtains of the window (заве́са=за́навес curtain)

воспалённые взо́ры (*high style*)—inflamed vision

весь (*f.*, *arch.*)=дере́вня, село́ village, perhaps with the Russian shade of meaning countryside

осветлённый просто́р поднебе́сий — lucid expanse under the heavens

ра́бий — *arch.*, *adj. from* раб slavish

в змейных кудря́х — in curls which wreathe like snakes

с неразга́данным и́менем бо́га — mystic belief in some religions that the name of God is unknowable; cf. Jewish use of Jahve

я не бро́шу щита́ — *i.e.* I will never surrender

хмельна́я мечта́ — an intoxicating dream

три стёртых тре́плются шлей — three breech-bands rubbed white and worn thin; шлея́ part of harness, as on a troika in this context

вя́знут спи́цы расписны́е — the painted spokes stick (on coaches and troikas in olden times the wheels used to be painted)

расхля́банные колеи — deeply rutted muddy tracks.

пе́сни ветровы́е — the free songs of the wind

крест свой... несу́ — ...bear my own cross

чароде́й — *bookish for* волше́бник, колду́н magician

разбо́йная (*arch.*) — bold, proud

зама́нит — charm, enchant

сги́нуть (*colloq.*) — пропа́сть be ruined, lost, perish

плат узо́рный (плат *arch. and dial. for* плато́к) — kerchief decorated with folk-patterns

остро́жный — *adj. from* остро́г, *arch. for* тюрьма́ prison

глуха́я пе́сня ямщика́ — reference to the traditional songs the coachdrivers were famous for

лихо́й скаку́н — swift horse

опалено́ — tanned

плеча́ — *arch. form of nom. plural, modern* пле́чи

глуха́я у́лица — back street

лиха́ч (*arch.*)—driver of a coach harnessed to a frisky horse; удало́й — bold

сведены́ с ума́ мгнове́ньем — intoxicated by the moment

превра́тность (любви́) — vicissitude

нейстовая—*here* stormy, passionate

разве́нчанная тень — a woman deprived of her former glory, her former power; разве́нчанная тень from Pushkin's poem *Наполео́н*, 1821

благоволе́нье (*arch.*) — amiability

уко́р — reproach

О до́блести, о по́двигах, о сла́ве — the poem addressed to the poet's wife, Lyubov Dmitrievna Blok

опра́ва — *here*: a frame

заве́тное кольцо́ — a ring presented to one's lover as a pledge of faithfulness (заве́тный here connected with a pledge or avowal)

рой — a swarm, *here with the meaning* the multitude of days which have passed like a whirlwind

анало́й (*ecclesiastical term*) — lectern

снизойти́ (*bookish*) — to condescend

горды́ня (*arch.*) — pride

всё минова́лось (*arch.*) — everything has passed

Там челове́к сгоре́л — line from Russian poet A. A. Fet (1820-1892)

за́рева иску́сства — *here*: reflection of the passions of life in art

На желе́зной доро́ге — in the *Collected Works* Blok made the following entry alongside this poem: "A subconscious imitation

from Tolstoy's *Resurrection*, where the heroine, Katya Maslova, sees Nekhlyudov sitting in the lit up plush-upholstered first-class compartment of a train, pulling out of a wayside station."

Maria Pavlovna Ivanova was the sister of a close friend of the poet.

некóшенный — unmown

чи́нная — staid

ло́кон — a curl

Молча́ли жёлтые и си́ние; в зелёных пла́кали и пе́ли — In pre-revolutionary Russia, railway carriages had different colours for the different classes: first class was blue, second class yellow, and third class green.

блёклый — faded

изнемога́я — wearing out

вы́нуто — *here*: worn out

Исхо́да нет. — There's no way out.

встарь (*arch.*) — as in olden times

рябь — ripples

Я — Га́млет — the poem is addressed to his wife. At one time they performed in an amateur production of *Hamlet*, he taking the part of Hamlet, she playing Ophelia. Blok wrote a number of poems on the Hamlet theme.

когда́ плетёт кова́рство се́ти — reference to the net of intrigue woven around Hamlet

сту́жа — frost

на безлю́дьи — when alone

печа́ть забве́нья иль избра́нья — *i.e.* signs that one has been either forgotten or chosen

сги́нуть (*colloq.*) — to perish

VALERY BRYUSOV (1873-1924) graduated from the Faculty of History and Philology at Moscow University in 1899. His first book *Chefs d'oeuvre* was published in 1895. He was the leader and ideologist of the Russian symbolists, and the editor of their magazine *Весы* (*Scales*).

Prose writer and poet, literary critic and translator, scientist and researcher, historian and public figure, Bryusov wrote an enormous amount of poetry, reiterating constantly his belief in the wisdom and genius of Man and in thoughtful, concentrated work. His poetic style is triumphal and abstract, and he had a leaning towards ornamentality.

Even in his own work, Bryusov was an experimentalist and theorist as well as a poet; he was attracted by abstract formalistic problems in the creation and use of various poetic and non-poetic forms: from the 'crown of sonnets' to theorems in verse and the exposition of the theory of relativity in verse. He was the poet of the universe, unfettered either by time or nationality, creating mythical and historical cycles with complex symbolic images. (*Сны человечества — The Dreams of Humanity*, 1908—1924).

His interest in history and politics ran the whole range from avowed indifference to politics (although at the same time he was writing very pointed and topical civic verse) to complete disenchantment with the Russian autocracy — during the Russo-Japanese War and welcome for the coming Revolution.

Right from the start of the Revolution, Bryusov began working for it with great enthusiasm. He joined the Communist Party and carried out educational and cultural work in different organisations. In the last years of his life he wrote a cycle of verse with the intention of creating 'scientific poetry'. The years 1920 to 1924 saw the publication of his five books of verse.

рабо́та без ли́шнего счёта — *i.e.* without pause to consider what has been done and how much it will bring

подпру́га — saddle-girth

доко́ль (*arch.*) — till

стозво́нный — hundred-voiced, polyphonic

Запо́лни... свой день в череду́ миллио́нном рабо́чих преéмственных дней! — Fill up your day, one in the line of a million working-days! (преéмственный — successive)

денни́ца (*arch.*) — dawn

Всю ночь выводи́ верени́цей завéтные мы́сли души́! — *i.e.* All night long write down the most treasured thoughts of your soul (верени́ца a string, chain)

животво́рный — life-bringing

во глу́би (*arch.*) — in the depths

незри́мо (*bookish*) — invisibly

бла́гостно (*bookish*) — usefully, beneficially

и лю́дям жить каза́лось в бре́мя — it seemed a burden to live

льдов... взлом — breaking up of ice

лазу́рь (*from French* l'azure) — cloudless blue sky, here meaning the beginning of a new life

плен — meaning tsarist autocracy

рдя́ный — scarlet red

Цуси́ма — Russian naval defeat at Tsushima during the Russo-Japanese War (1904-1905); Мукде́н — last big battle in the same war. The Russian defeat in this war was the torch which set light to the 1905 Revolution.

Был Октябрём сменён февра́ль — These lines imply the 1905 Revolution, the February Revolution which overthrew the tsarist autocracy and the October Revolution which set up Soviet power.

VLADIMIR MAYAKOVSKY (1893-1930). Born in Georgia, he studied at the Moscow Classical Gymnasium. He began to have his work printed in 1912, emerging as a futurist. After the Revolution Mayakovsky worked for some years in the Russian Telegraph Agency (ROSTA), being responsible for a well-known series of placards called Окна Роста (The Windows of ROSTA).

Whatever Mayakovsky wrote about, whether the universe, the Atlantic Ocean, Woman, Paris, bureaucracy, art or poetry, a picture of the whole world, the 'conflagration' of the times, rises out of what is being actually described. Everything he had written before 1917, from his first urban verses and the anarchic tragedy *Владимир Маяковский* through *Облако в штанах* (*The Cloud in Breeches*), *Война и мир* (*War and Peace*), *Человек* (*Man*) to *Поэтохроника* (*Poetnews*), hailing the first victories of the revolutionary people, prepared him for a joyful acceptance of the Revolution. The Revolution for Mayakovsky appeared in a halo, like the triumph of a sunlit world: *Мистерия-Буфф* (*Mystery-Bouffe*, 1920—21) *Необычайное приключение* (*An Unusual Adventure*, 1920),

150 000 000 (1920), *Владимир Ильич Ленин* (1924). The whole essence of Mayakovsky's poetry in the Soviet years is revealed in his revolutionary poem *Хорошо* (*'Tis Good*, 1927) and the introduction to his unfinished poem *Во весь голос* (*At the Top of My Voice*, 1930).

He discovered himself through the Revolution, linking his own fate with that of the revolutionary people. The poem *Про это* (*About This*, 1923), with its hero conquering his own individualism and loneliness and breaking out into a spacious new world, is in many ways autobiographical. The leitmotif of all Mayakovsky's work is Man and the World.

Mayakovsky's poetic style was primarily conditioned by the complexity of the epoch which brought about the modern art forms. Metaphor, stylised contrasts, at the basis of which lies the feeling of the screaming contradictions of life, the use of everyday vocabulary and normal speech patterns, deliberate crudeness, the dragging down of poetic language from its ivory tower, the amazing neologisms he comes up with created from conversation, his use of the folk tradition and of political phraseology — such are the distinguishing features of Mayakovsky, a rebel, a herald of the Revolution.

плево́чки — *dim. of* плево́к gobbet of spittle. Use of unpoetic words designed to shock was part of Mayakovsky's reaction to the ultra-refined poetical language of the pre-First World War period.

надрыва́ясь в мете́лях полу́денной пы́ли — tearing through the swirls of midday dust

жи́листая — veined

Ведь тепе́рь тебе́ ничего́? Не стра́шно? — typical colloquial phrases — Everything all right now? Not afraid?

Юбиле́йное — written for the 125th anniversary of Pushkin's birth. Алекса́ндр Серге́евич — Pushkin's name and patronymic

в щенка́ смирённом львёнке — lion-cub tamed and made a puppy

легкомы́слой (*neol.*)=легкомы́сленной

головёнка (*dim.*)=голова́

Сти́снул? — Did I hug you too hard?

дорого́й — old man; familiar Russian endearment addressed to all and sundry

часо́к-друго́й — one or two hours

Бу́дто бы вода́ — дава́йте мчать, болта́я, бу́дто бы весна́ — свобо́дно и раско́ванно — Let's dash along babbling like water, and feel free and unburdened like spring

вон — *here*: look up there

Шку́рой ре́вности медве́дь лежи́т когти́ст. — *i.e.* the jealousy tormenting the poet before, now lies quiet like a bear-skin laid out on the floor (когти́ст with his claws)

пока́та (*attr.*) — sloping

сядь на со́бственные я́годицы и кати́сь! — sit on your own backside and down you go

не навяжу́сь в меланхоли́шке чёрной — I won't burden you with my black melancholy; меланхоли́шка *dim. of* меланхо́лия

То́лько жа́бры рифм топы́рит учащённо у таки́х, как мы, на поэти́ческом песке́ — poets, in looking for suitable rhymes, are compared by Mayakovsky with fish thrown ashore by the waves; топы́рить (*colloq.*)=топо́рщить to stick out

весть служе́бную нуду́ — *i.e.* to do boring routine work; нуда́ (*low colloq.*) — something boring

жизнь встаёт в друго́м разре́зе — life shows itself in a different cross-section, presents itself in a new way

ерунда́ (*colloq.*) — rubbish, petty things

ли́рика в штыки́ неоднокра́тно атако́вана — a reference to the attacks made on lyrical poetry by left-wing poets (including himself) in the first years of the Revolution

нага́я речь — *here*: clear-cut, precise

пресволочне́йшая штуко́вина (*colloq.*) — *i.e.* the damnedest thing

ни в зуб ного́й (*slang expression*) — you can't do anything about it

бле́ется (*from* бле́ять to bleat) — refers to the following lines: Синемо́рдое, в ора́нжевых уса́х, Навуходоно́сором, библе́йцем — «Коопса́х» — Коопса́х, an abbreviation for Cooperative Sugar Industry, whose trade mark—orange and blue rays emanating from

a sugar head—is compared here with Nebuchadnezzar of Babylon. The point he is making is that while the Left poets attacked lyrical verse, they did not discard such clumsy portmanteau words as коопсах which are completely unsuited for poetry.

дуть вини́ще — *i.e.* to drink too much

из (вина́) выплыва́ют Red and White Star'ы с во́рохом разнообра́зных виз — reference to wines which had been given permission for export

тяну́ть за язы́к — to force somebody to talk

ме́рин — gelding

...у́тром до́лжен быть уве́рен, что с ва́ми днем увижусь я — paraphrase from Canto VIII, *Eugene Onegin* by Pushkin

стоя́ние — *here*: waiting beneath the window of his loved one

тря́ски не́рвное желе́ — nervous shaking, like a jelly

айда́ (*colloq.*) — Come on!

Мая́чь на юг! — *here*: head for the south (a play on the poet's name)

се́рдце ри́фмами вы́мучь — wear out your heart with rhyming

каю́к (*vulg.*) — end

ту́шу вперёд стремя́ — rushing forward towards (someone); ту́ша (*colloq.*) — a big, enormous fat body

наци́кать (*colloq.*) — to shut up, to forbid

ВЦИК=Всеросси́йский Центра́льный Исполни́тельный Комитéт — the Government of Soviet Russia in the early years

позатеса́ться — to wedge in between

На́дсон С. Я. (1862-1887) — Russian poet of elegiac moods, who influenced the decadent poets very heavily

Некра́сов Н. А. (1821-1878) — great Russian poet, revolutionary democrat, editor of progressive journals

он и в ка́рты, он и в стих, и так непло́х на вид — both a good card player and a poet, and his looks are not at all bad

не просчита́лись бы — it would not be a bad bargain

От зево́ты ску́лы развора́чивает аж! — Your cheek-bones strain from yawning!

Дорого́йченко А. Я., Гера́симов М. П., Кири́ллов В. Т., Ро́дов С. А. — Mayakovsky's contemporaries, poets

однаробра́зный пейза́ж — play on words однообра́зный monotonous and наробра́з (отде́л наро́дного образова́ния) department of education. Art questions were decided at this time by the Education Commissariat, and it was apt occasionally to promote weak poets as being full of promise.

Есе́нин С. А. (1895-1925) — a prominent Russian poet

мужико́вствующих сво́ра — a pack of poets making much of the 'muzhik' theme. The lines that follow: коро́вою в перча́тках ла́ечных (a cow in kid gloves), но э́то ведь из хо́ра, балала́ечник (balalaika player), ridicule pseudo-peasant poets and their choice of images.

маста́к (*colloq.*) — a past master

штоф — a vine bottle containing approximately one litre

Безыме́нский А. И. (b. 1898) — Soviet poet

Асе́ев Н. Н. (1889-1964) — Soviet poet

хва́тка — grip

Леф — Ле́вый фронт иску́сства — literary magazine, edited by Mayakovsky, appearing between 1923 and 1925, reflecting left views, also literary school of same name

аги́тки — posters for propaganda purposes, ranging from politics to advertising

жи́ркость (*neol.*) — oil paints, poster-colours

гу́мские да́мы — the ladies frequenting ГУМ, a big department store on Red Square

я́мбом подсюсю́кнул (*colloq.*) — would make up to you by using those sweet iambs

ямб карта́вый — Classical verse-structure was peculiar to the salon poetry of the aristocracy who affected a pronunciation heavily influenced by the French, in particular the Parisian 'r'.

«Полта́ва» — one of Pushkin's longer poems; a reference to the victory of the Russians over the Swedes at Poltava (1709)

пушкини́ст — literary critic, engaged in studying Pushkin's heritage

старомóзгий (*neol.*) — weak in the head from old age; Плю́шкин— a character in Gogol's *Dead Souls* whose name has come to denote any one who spends his life collecting useless junk. Here Pushkinists are implied.

ара́п (*arch.*) — a Negro, (*colloq.*) — a hooligan; probably a pun, referring to Pushkin's Negro blood

Держа́вин Г. Р. (1773-1816) — Russian poet, precursor of Pushkin; at a speech day (1815) at Pushkin's school, foretold a great future for the young poet

навели́ хрестомати́йный гля́нец — they've polished you up so you're fit to be put in an anthology

бушева́ть — to behave roughly

су́кин сын Данте́с — that son of a pig, D'Anthès. Georges Charles D'Anthès, Baron Hekkern, French royalist, fled to Russia after the 1830 French Revolution, killed Pushkin in a duel.

великосве́тский шко́да: шко́да (*vulg.*) — a person who causes harm out of spite; великосве́тский — Society; note antithesis of elegant and vulgar words in this phrase

А кто ва́ши роди́тели? — Application form details concerning social origin, to which much importance was attached in the early years after the Revolution, as applied to D'Anthès show his social uselessness in Mayakovsky's eyes.

То́лько э́того Данте́са бы и ви́дели. — *i.e.* And we wouldn't have seen any moke of him.

болта́нье (*arch.*)=болтовня́ mouth-shooting

нево́льник че́сти — slave of honour; first words of Lermontov's poem *Смерть поэ́та*, castigating Pushkin's murderers

рассве́т лучи́ща вы́калил — light at dawn gleams brightly; вы́калить — *here*: gleam brightly, лучи́ща — very long and bright rays

как бы милиционе́р разы́скивать не стал — a militiaman may come looking for you

На Тверско́м бульва́ре о́чень к вам привы́кли — Pushkin's monument used to stand on the Tverskoy Boulevard (now Pushkin Boulevard); in 1949 it was removed to the centre of Pushkin Square

полага́ется по чи́ну — by rank, I should be entitled to

ну́-ка дрызнь! — *imper. from* дры́знуть, *neol.*, blow up (бры́знуть оско́лками)

вся́ческая мертвечи́на — anything dead

оки́нуть ми́гом — to take in at a glance

страна́ что на́до — a fine country

колла́рио — Cuban flower

Веда́до — aristocratic suburb of Havana

Энри Клей энд Бок, ли́митейд — big tobacco firm

влез — shrunk

да ра́зве что — and perhaps only

воло́сьев ты́щи (*colloq.*)=воло́с ты́сячи

Пра́до — Havana's main street

трехвёрстный джаз — the jazz all along the street's 3 versts' length

ду́рень (*colloq.*)=дура́к

взапра́вду (*colloq.*) — really

Масе́о, Анто́нио (1896-1945) — one of the Cuban leaders in the fight for independence

сверли́ли — *here*: tormented

закорю́ка из закорю́к (*colloq.*) — the most puzzling question

и на́до же случи́ться, что́бы — and it had to happen, that

ту́ша дебе́лая — a fat man

Вы́вернулся коро́ль сообра́зно с уда́ром, вы́бросил о́бе перча́тки — *i.e.* he hit him with both gloves

Не́тте, Теодо́р Ива́нович (1896-1926) — Soviet diplomatic courier, killed whilst carrying out his duties in Latvia. A ship was named after him.

В порт, горя́щий, как распла́вленное ле́то — a reference to the hot summer of 1926, when Mayakovsky saw the ship *Теодо́р Не́тте*

Бату́м (now Бату́ми) — one of the biggest Soviet Black Sea ports

чай (*colloq.*) — I suppose

пива́л чай — used to drink many cups of tea

дип-купе́ — diplomatic compartment of a railway car. Mayakovsky and Nette went abroad the same train on several occasions.

Захра́пывали со́ни. — Sleepyheads began to snore.

глаз кося́ в печа́ти сургуча́ — keeping one eye on his diplomatic mail

Рома́н Якобсо́н (b. 1897) — a linguist, one time a Soviet diplomat who introduced Mayakovsky to Nette

Куро́к аж па́лец свёл. — *i.e.* went to sleep with his finger on the trigger

Су́ньтеся — кому́ охо́та! (*colloq.*) —Try and poke your nose!

луни́ща — big moon

Ну и здо́рово! — How marvellous!

Бу́дто на́век за собо́й из би́твы коридо́ровой тя́нешь след геро́я, све́тел и крова́в — Nette was killed on the 5th February 1926, while travelling through Latvia to Berlin with the diplomatic bag

ве́рят сре́дне — don't believe all that much

Ма́ло ли что мо́жно в кни́жке намоло́ть (*colloq.*=наболта́ть) an awful lot of rubbish can be written in books

бре́дни — ravings

на крест — ready to die

и пу́лею чеши́те (*colloq.*) — *i.e.* plough me with bullets

сквозь револьве́рный лай — through the bark of bullets

Ли́личка! — To Lilia Brik, the poet's friend.

глава́ в кручёныховском а́де — a chapter in Kruchenykh's hell; a reference to Kruchenych's and Khlebnikov's long poem *Игра́ в аду́*. А. Кручёных, В. Хле́бников — Russian futurist poets.

исступлённый — passionate

се́рдце в желе́зе — your heart encased in iron; *i.e.* unapproachable

Ди́кий, обезу́млюсь, отча́янием иссеча́сь — I'll become demented, lashed by despair

Дай в после́днем кри́ке вы́реветь го́речь оби́женных жа́лоб. — Let me roar out my bitter resentment in one last cry (вы́реветь —

an example of Mayakovsky's frequent use of pre- and post-fixes to give new shades of meaning to well-used words)

уморить (*colloq.*) — to weary out

опожаренный (*neol. from the noun* пожар) — burnt to a cinder by the sun

Если б так поэта измучила, он любимую на деньги б и славу выменял — If she had tormented the poet like this he would have swopped his beloved for money and fame

пролёт — a stair-well

суетных дней взметённый карнавал — the spinning procession of wasted days

выстелить твой уходящий шаг — strew the traces of your departing footsteps

ублюдок — *here*: monster

горлан-главарь — *here*: a tribune (горлан *colloq.* — bawler, главарь — leader)

не так, как песенно-есененный провитязь — a dig at Yesenin's lyrical verse (провитязь, *arch.* knight)

амурно-лировая охота — epithet combined from Амур, god of love (*i.e.* Eros), and лира lyre, symbol of poetry

пятак (*colloq.*) — 5-copeck piece

весомо — weightily

зримо — *here*: visually

курган — burial mound

(ушку девическому)... с полупохабщины не разалеться, тронуту — a maiden's ear will not blush red from any unseemly verses of mine (похабщина *colloq.* obscene words). Archaic construction using noun and short form of the adjective: ушку... тронуту.

строчечный фронт — lines drawn up for battle; *here:* poetic lines

жерло — the muzzle of a cannon

зияющий — yawning

рвануться в гике — to burst into a whoop

декабрый — in a Decembrish (wintry) mood

ржать (*colloq.*) — to laugh coarsely

жи́листая грома́дина... ко́рчится — the sinewy mass writhes

глы́ба — boulder

се́рдце — холо́дной желе́зкою — that my heart is like cold iron

DEMYAN BEDNY (1883-1945) was the pseudonym of Efim Pridvorov. Born in a poor peasant family, he studied in the Faculty of History and Philology at Petersburg University. In 1912 he started working for Bolshevik newspapers, in 1913 published his first book *Басни* (*Fables*) in Petersburg. He was called up in 1914.

It was during the Civil War that Bedny wrote in various genres: the feuilleton in verse, political fables, songs, epigrams, and folk poetry, the aim of which was to popularise burning questions of the hour and make them understandable to the millions of peasants, workers and Red Army soldiers. Trying to give his verse the widest possible appeal, he worked out forms which leant heavily on the folk tradition, using unequal rhythm, tongue-twisters and punning based on native Russian facetious sayings and nicknames. He developed his themes most often in the shape of a parable, using straight analogies between politics and everyday life. In his poetry Bedny strives to give an exact reproduction of local speech and as complete a merging of poetry with conversational language as possible.

In the last fifteen years of his life he was not so productive, but during the war he again began to write short stories in verse, patriotic poems, political satire, fables, feuilletons, epigrams and captions for the series of posters of the 'TASS Windows'.

чару́юще-напе́вный — magically musical

надтре́снутый — cracked

пёс сторожево́й — watchdog

разгу́льный (*colloq.*) — wild

Го́рки — a place 35 km. from Moscow where Lenin lived and worked in the last years of his life and where he died

жуть (*colloq.*) — horror

лапти́шки (*dim. of* ла́поть) — peasant bast shoe

опо́рки — worn-out old clogs

VELEMIR (VICTOR) KHLEBNIKOV (1885-1922) was the son of a scientist and nobleman. He studied in the Department of Sciences at Petersburg University and was one of the leaders of Russian futurism. In his last few years he worked in different political and educational organisations in Moscow, Kharkov and Baku and wrote poems and slogans for 'The Windows of ROSTA' (The Russian Telegraph Agency). His first book of verse *Требник троих* (*The Prayer Book of the Three*) was published in Moscow in 1913.

The use of imagery harking back to the folk tradition, to primitive art, the epics of various nations, the mythologisation of Nature and pantheism are all distinguishing features of his poetry. In the poetry he wrote after the Revolution he turns to modern themes and the epic story of the Revolution which he saw as necessary and predetermined retribution. The Revolution, he felt, was destined to restore the unity of the world, lost in societies having social inequality (*Ладомир — World of Harmony*, 1920). Historical justice triumphs through the many spontaneous uprisings by the people avenging themselves on their masters: *Настоящее* (*The Present*, 1921), *Ночной обыск* (*Night Search*, 1921), *Ночь перед Советами* (*The Night Before the Soviets*, 1921). Hence his admiration of rebels like those led by Pugachev and Stepan Razin. His depiction, characteristically, is abstract, containing at once concrete features of modern life, imagery from ancient history and flashes far into the future. His constant experimentation with vocabulary made him to a great degree a 'poet's poet'. He strove to squeeze an unheard-of amount of content into his diction so that each word would be a sound copy of the image it was taken from and so that the very structure of the word, frequently divided into parts, would assume a meaning in itself; but this often resulted in complete muddle and sometimes Khlebnikov's poems resemble brain teasers or conundrums rather than poems. According to Mayakovsky, Khlebnikov's fame as a poet was much lower than his significance warrants. In actual fact the poetic revolution carried out by Mayakovsky in the first quarter of the twentieth century owes a great deal of credit to Khlebnikov, both as a verse-reformer and as the creator of free accented tonic rhythms. Not only Mayakovsky, but Aseev and Zabolotsky, among many others, acknowledged their indebtedness to him.

торг (*arch. and regional*) — market

моло́дчик-ку́пчик (*folk, arch.*)—young merchant

ветеро́к в голове́ — hare-brained

в пугачёвском тулу́пчике: тулу́пчик — *dim. of* тулу́п long, rough fur coat; пугачёвский — *adj. from* Пугачёв, Емелья́н, leader of a great peasant and cossack uprising in the Volga area, 1772-1775

в соболя́х-рысака́х — in sables and riding trotters

глуми́ться — to mock at someone

по дешёвке (*colloq.*) — cheaply

вечеро́вые custom устру́ги (*arch.*) — evening river-boats

дру́ги (*arch.*)=друзья́

нага́я — naked

в но́гу шага́я — keeping in step with her

О верноп́оданном Со́лнца, самодержа́вном наро́де — of a free people, the Sun's subjects, the complete masters of their fate

SERGEI YESENIN (1895-1925) was born in a peasant family and educated at a parish school. He worked in a Moscow printing-house and studied at the Shanyavsky Popular University. He himself says that it was from Blok, whom he met in Petersburg, that he learned poetry. By the time his first book of poems *Радуница* (an old heathen spring feast day) was published in 1916, he was a member of the imaginist group of poets.

Nature and rural life are the poet's first and last love; they are no simple landscape for him, but a means of lyrical self-revelation and are portrayed in an autobiographical manner. However, everything which lives—people, animals, and nature—has become sacrificed to the town, the iron guest bringing death and destruction to the kaleidoscopic life of the country: *Сорокоуст* (*Forty Days*, 1920), *Мир таинственный* (*A Mysterious World*, 1921). Yet the tragedy does not only lie in the annihilation of this world of simplicity and harmony, but also in the country not recognising the poet in his city garb and being dragged further and further away from him by the whirlpool of events. Hence his ambivalent attitude to the Revolution. The Revolution is directly linked to city life and brings in its wake both joy and new suffering. Yesenin reflected the inspiration of the first years after the Revolution in such poems as *Небесный барабанщик* (*The Heavenly Drummer*, 1918), *Пантократор*

(1919), *Инония* (1918), but this enthusiasm gives way to torturing doubts and hesitations, since he is unable to comprehend the logic of the Revolution's development. He was, however, able to be 'greater than himself', in the words of Blok, and rise above his own personal misfortune. Despite his feeling of personal doom, he affirmed the Revolution with all his might, 'May the future be blessed, even without me' (*Возвращение на Родину — Return to My Country*, 1924, *Русь Советская — Soviet Rus*, 1924).

An incomparable master of lyrical verse, overflowing with sadness, love, sincere repentance, and sometimes bursting out in an uncontrollable storm of anarchy and rebellion, Yesenin was and still is the favourite poet of the Russian people. Despite its peculiarly national features, his poetry has a universal human appeal which makes him one of the most popular Russian poets abroad.

страна́ берёзового си́тца — this is a reference to the different-shaded white bark of the birch tree. The silver birch is a recurrent image in his poetry, used by him as a symbol of Russia and her countryside.

шля́ться (*colloq.*) — to roam

гу́лкая рань — echoing morn

тле́нны (*bookish*) — mortal

Будь же ты вове́к благослове́нно, что пришло́ процве́сть и умере́ть. — Be ever blessed all that has come to flourish and die.

осо́бой ме́той (*colloq.*) — with a special mark

цеди́ть — to speak through clenched teeth

к за́втраму (*colloq.*=за́втра) всё заживёт — it'll all be better by tomorrow

дней кипятко́вая вязь — *i.e.* a multitude of stormy days

забия́ка (*colloq.*) — one fond of fighting; сорване́ц (*colloq.*) — young ruffian

но́вью мой бры́зжет шаг — my steps raise new splashes, *i.e.* things are quite different now

сброд — *here:* crowd of people

мять — to rumple

багря́ный — crimson

отоснилась ты мне навсегда́ — you have faded from my dreams for ever

осыпаться — to fall (of grain)

несказа́нный — indescribable

ши́бко (*colloq.*) — extremely

шушу́н — old-fashioned three-quarter-length Russian coat that used to be worn by women

саданул (*colloq.*) — stuck

фи́нский нож — a short knife with a thick haft, carried in a sheath

тя́гостная бредь(=бред) — a harassing play of fancy

не тако́й уж го́рький я пропо́йца — I'm not so hardened a drunkard

тишь и благода́ть — *often used together* — quiet, serene happiness

бре́нные пожи́тки — perishable belongings

сонм (*bookish*) — a large crowd, a multitude

всё, что ду́шу облека́ет в плоть — everything which clothes the soul in flesh

водь (*neol.*) — mirror-like surface of water

лебя́жья — of a swan

златя́щихся (*arch.*=золотя́щихся) — turning golden

меня́ла — money-changer

полтума́на — Iranian gold coin (in circulation till 1930)

Ва́нские стру́и — Lake Van, now in Turkey, part of lands formerly inhabited by Armenians

я́хонт — old name for some precious stones such as ruby and sapphire

та́я — *from* та́ять melt

пору́ка — guarantee

чадра́ — yashmak

стра́нник — a wanderer

конопля́ник — hemp-field

ме́сяц (*poet.*) — moon

души́ сире́невую цветь — lilac blossom of my self

е́сли вре́мя... сгребёт их все в оди́н нену́жный ком — if time... rakes them all into a single useless pile

Кача́лов, Васи́лий Ива́нович (1875-1948) — outstanding Soviet actor

сро́ду (*colloq.*) — never

голу́бчик (*colloq.*) — endearment, can be applied to either man or woman

жить на све́те сто́ит — life is worth living

норови́т — tries, makes a point of

прия́тца (*neol.*) — with a pleasant expression

ни ка́пли — at least a little

вся́ких и невся́ких — *here*: people of all sorts, high and low

даю́ тебе́ пору́ку — I give you my word

млеть — to be thrilled with

с чу́вственным оска́лом — with a sensuous mouth

легкоду́мна — fickle

вспы́льчивая — *here:* sudden

распыля́ть (дни) — *here:* scatter

о́тчий (*arch. and high style*) — native

прие́млю (*arch.*) — I take up, accept

печа́ль уше́дшего не сгло́жет — he who has left will not be devoured with grief

вне́мля — *from* внима́ть, *arch.* to listen to

NIKOLAI ASEEV (1889-1963) was one of the founders of Soviet poetry. His first book of verse *Ночная флейта* (*Night Flute*) appeared in Moscow in 1914. In 1913 he first met Mayakovsky, an event which determined the entire course of his future development. As Mayakovsky's close friend and disciple, Aseev helped in the publication of the magazine *LEF* (Left Front of Art).

Aseev always remained 'a lyricist in his heart', whether writing long poems, political propagandist verse of the kind he called

lyrical feuilletons, or historical and revolutionary poems like *Синие гусары* (*The Blue Hussars*, 1927), *Чернышевский* (1929). Even the epic themes of his best long poems are presented lyrically as in *Семен Проскаков* (1926-28), *Русская Сказка* (*Russian Fairy-Tale*, 1926) and *Маяковский начинается* (*Mayakovsky Begins*). This last poem, which he wrote between 1937 and 1940, is a combination of biographical story about the restless poet with a lyrical diary, a fusing together of verses on himself and those of a publicist nature.

Motifs of youth and the stormy freshness of the new world are at the centre of such books as *Время лучших* (*Time of the Best*, 1927), *Молодые стихи* (*The Young of Verse*, 1928). His last book *Лад* (*Harmony*, 1961), hailed by Selvinsky who said it was 'as compressed and weighty as quicksilver', is open to the whole world, to Nature, the universe and to love. His ideas on the work of the artist have deepened and become more poetic, as have his thoughts on the place of art in life and the joy of constant search.

Most Aseev's poetry is kaleidoscopic and written in a manner very close to Mayakovsky's. In the last few years of his life he returned to syllabo-tonic verse; while some of his work was even written in the style of folk poetry (*Русская сказка — Russian Fairy-Tale*).

He also wrote a number of works on the theory of Russian prosody, was an untiring apologist for everything new in poetry and did some really masterful translations from T. Shevchenko, A. Mickiewicz, J. Tuwim and P. Neruda.

враз (*colloq.*) — all at once

на́чисто (*colloq.*) — entirely, wholly

до́крепка (*colloq.*) — strongly, for good

о́крик — calling roughly

шла ветра́ми по весне́ — went along the paths of spring winds

вью́чить — to load down, assonance with вью́га

си́зая за́меть — dove-coloured snow storm

люби́ть без па́мяти — to love to the point of self-forgetfulness

схвати́вшись за́ ворот — trying to tear its collar (image of spring, gasping from weariness)

я́вор — sycamore

раки́тов куст — a crack willow bush

синь — here a noun; in the last line the short form of си́ний

хо́лодом льнёт — clings to you, bathing in cold

истонча́ется — is thinned

староде́вняя — old-fashioned, from the old days

рула́ды — trills

заворо́женно — as if enchanted

о блаже́нстве, преде́льном страда́нию — of that bliss which borders on anguish

колыха́нье — swaying (of the grass)

нараспа́шку — wide open

NIKOLAI TIKHONOV (born in 1896). Even his early works *Орда* (*The Horde*) and *Брага* (*Ale*), both published in 1922, clearly show the poet's rich potential. The romanticism of the revolutionary struggle permeates all his work of that time — *О синем пакете* (*The Blue Packet*), *О гвоздях* (*Nails*), *Перекоп* and so on. He revived the romantic ballad, working into its framework narration of heroic deeds. The ballads are distinguished for their tense movement, their daring hyperbole, their strained but supple rhyme schemes and compressed poetic shape.

The range of subjects he covered was delineated quite early in his career. The theme of international brotherhood, for example, first cropped up in the long poem *Сами* (1920), about a little Indian beggar. The poet's portrayal of the Orient is not traditionally exotic; rather he stressed the revolutionary changes the East is undergoing, the struggles of ordinary people. In his book *Юрга* on the Soviet Far East (1930) and his poems on Kakhetia (part of Georgia, 1935), he revealed the spiritual beauty of brave and life-loving peoples. The war years led him to revive his ballad style once again. *Киров с нами* (*Kirov Is with Us*, 1941) is a poem about the heroic resistance put up by the people of Leningrad in the early days of the siege. Its grim romanticism and heroic uplifted style, elements of the incredible and rhythms of the march are a direct offshoot of his ballads on Civil War themes. His second book about the siege *Огненный год* (*The Fiery Year*) came out in 1942.

Tikhonov's numerous journeys and his efforts in the cause of peace have led to such cycles of poetry as *Стихи о Югославии* (*Poems on Yugoslavia*, 1946), *Грузинская весна* (*Spring in Georgia*, 1948), *На Втором Всемирном Конгрессе Мира* (*At the Second World Peace Congress*, 1951), *Два потока* (*Twin Currents*, 1951), etc. and are remarkable for their deep wisdom and outstanding colour tones. He is also an accomplished translator.

бесновáтый — frenzied

марсиáнская — Martian, *here:* unearthly

породни́ться — to become related to

трибунáл — extraordinary judicial organ, set up to investigate military or particularly serious civil cases

дней мои́х разгýльная ордá (ордá дней) — *here:* the multitude of days he has spent in complete careless happiness

перекли́чка — roll-call

во фронт! (*mil.*) — Attention!

словá равня́ются в пóлный рост — words fall into line in all their stature (in all their meaning)

с я́коря — we weigh anchor

знáтный кегельбáн (*here slang*)—a real affair; кегельбáн — a place for playing skittles

есть — aye! aye!

простýкал — *here:* reported by radio

на ýбыль ... идти́ — subside

чужедáльние (*folk and poet.*) — far away and foreign

крутизнá — steep slopes

BORIS PASTERNAK (1890-1960), the son of Leonid Pasternak, an academic painter. He studied philosophy at Moscow University and also displayed a very strong musical bent. His first book of poetry *Близнец в тучах* (*A Twin in Clouds*) was published in 1914. In *Поверх барьеров* (*Above the Barriers*, 1917) and *Сестра моя жизнь* (*My Sister Life*, 1922) we hear the voice of a landscape painter in verse. He has a constant love for the traditional patterns of spring,

winter, dawn and rain. His landscapes are also a kind of portraits. He recreates the unity of the world by using metaphors borrowed from objects not through their similarity but through their apposition. This makes it impossible for the reader to separate the man from the landscape, the condition of the human soul from the state of the universe as a whole. Pasternak conveys nature as something all-embracing, a blessing, a miracle of creation and as life itself. His diction, in addition to figures of speech, abounds in words borrowed from the 'low prose' of life, from the language of bureaucracy and colloquialisms which have the effect of removing his imagery from the realms of fantasy and creating real poetry 'with a magnificent feeling for the modern age', as Mayakovsky put it. Art's origin in the very depth of Nature is the poet's favourite theme. The realm of art becomes the poet's sole remaining 'refuge from the unjust and terrible world of social passions' (*Охранная грамота — Safe-Conduct*, 1931). Hence his characteristic view of the incompatibility of the poet and the man of action, of poetry and history, of eternity and time, although this conflict disappears in a number of long poems mirroring the Revolution and the new life of the Soviet Union: *Высокая болезнь* (*The High Sickness*, 1923), *Девятьсот пятый год* (*Nineteen-Hundred and Five*, 1926); *Лейтенант Шмидт* (1927), and the book *Второе рождение* (*Second Birth*, 1932). During the Second World War he wrote and published a series of patriotic poems: *На ранних поездах* (*On Early Trains*).

The lyrical verse in his last book *Когда разгуляется* (*When It Clears Up*, 1956-1960) is startling in the classical clarity of its language, and its freedom from the allegory prevalent in his early poetry. The universe is no longer an elemental chaos in which Man is just a speck of cosmic dust, but a simple matter-of-fact truth, like life, love and bread. The book is permeated with a feeling of fulfilment of the poet's historical mission.

Pasternak was also a great translator. His translations of Shakespeare, Goethe and the poets of Georgia are excellent. His poetical ideas have had a great influence on the development of Russian Soviet Poetry.

бурева́л — a storm that tears down trees

ни зги́ — a very powerful way of saying it was pitch dark

лесно́ю тёмью — through the dark of the forest

на переéзде — on the level crossing

вётлы — white willows

пусты́рь — waste ground

надми́рно=над ми́ром — above the earth, a typical Pasternakian neologism

задвóрки — place behind the back yards in a Russian village

почтóвый — mail train

нóмер сóрок — all passenger trains in Russia have a number; шесть двадцать пять — a 6:25 train

свéта хи́трые морщи́ны сбирáлись щýпальцами в круг — the train's head-lamps threw forth wrinkles of light that formed a circle like tentacles (сбирáться=собирáться)

всей махи́ной (*colloq.*) — in all its heavy clumsiness

всóсанному с молокóм — picked up in infancy, along with my mother's milk

сквóзь перипети́и — peripetias, sudden change of fortune in Greek drama, *i.e.* through a web of unexpected happenings, changes in life

превозмогáть — to overcome

благотвори́ть — to be favourably disposed

бáбы — the wealth of meaning conjured up in this word cannot be adequately conveyed in English; crude and forthright peasant women

слобожáне — inhabitants of a слободá, *i.e.* villagers, people from the outskirts

холóпство — servility

как господá — like lords

повóзка — carriage

как заведённые, взасóс (*coarse*)—as though wound up, without let up

двоя́кий — double

ти́скаться (*coarse*)— push through

обдавáло на ходý — gave off the odour of... as it passed

черёмуховое мы́ло — soap scented with bird-cherry blossom

пря́ники на медý — honey cakes, a national sweet

воробьёв шумі́ха — the racket, noise made by sparrows as they feed and quarrel

чёрные от слёз обво́дины — black circles under the eyes from weeping

одна́ друго́й изви́листей — Prague is famous for its old and winding streets

пелена́ — film, membrane

всё ды́мкой ска́зочной подёрнется — everything will be covered in a fairy-tale mist

завитки́ — curls

го́рница *arch.* — chamber

Васи́лий Блаже́нный — St. Basil's Cathedral in Red Square with its fantastic spiral domes

полуно́чник (*colloq.*)—lover of night-life

цвесть (=цвести́) — flower, burst into blossom

до са́мой су́ти — right to the heart of things

в серде́чной сму́те — in the heart's trouble

сердцеви́на — core

хотя́ отча́сти — at least a little

впопыха́х — in a hurry, in haste

Я́ б разбива́л стихи́, как сад. — I would lay out (*i.e.* write) poetry like a garden.

гусько́м — one after another

фольва́рк — a small country house or farm in Poland

дома́шние — houseworkers

в разбро́де — have wandered off in different places

сторо́жка — a forest lodge

стёжки... позаросли́ наполови́ну — paths are half overgrown

брать прегра́ды — to surmount any obstacles

бесшаба́шней (*colloq.*) — with more abandon

ча́шу го́речи вчера́шней сего́дняшней тоско́й превы́сьте — overfill yesterday's cup of sorrow with today's grief

ополоу́мей (*colloq.*)—go out of your mind

когда́ житьё тошне́й неду́га — when life makes you sicker than illness

отва́га — bravery

па́русников кузова́ — hulls of sailing vessels (ку́зов — place on board a vessel where passengers or cargo are carried)

удальство́ — daring, wildness

хмель — hops

раки́та — crack willow

плющ — ivy

нена́стье — bad weather

ча́ща — thick forest

разбереди́шь присо́хший струп — (or else) you will irritate the scab...

ненаро́ком — accidentally

неустро́йства — difficulties, complications

благогове́ть — to revere

ско́вывать — to weld

тя́га прочь — the desire to get away

мани́ть — to lure

мело́ — past tense of мести́ sweep (cf. мете́лица from the same root)

во все преде́лы — to the ends of the earth

мошкара́ — *colloquial noun for* a swarm of midges

скреще́нье — crossing, intertwining

вздыма́л... крестообра́зно — lifted up in the shape of a cross

то и де́ло — very often

недотро́га — a touch-me-not

тихо́ня — a person with quiet ways

те́рем — the top-floor room in old Russian houses where the women used to live; *here*: closet

кожура́ — rind, peel

конура́ — kennel

тахта́ — ottoman

пóшло — *short adj. of* пóшлый; untranslatable Russian epithet: seedy, petty, hackneyed, overworked

рудонóсная зáлежь — an outcrop of ore

ANNA AKHMATOVA (pen-name of Anna Andreyevna Gorenko) was born in 1888 near Odessa. Her father was a marine engineer. She spent her childhood and school years in Tsarskoye Selo (near St. Petersburg). She studied in the Faculty of Law at the Women's Higher Education Courses in Kiev, then in the Faculty of History and Literature at the Higher Education Courses in Petersburg. She emerged as one of the representatives of acmeism. The poems in her first books — *Вечер* (*Evening*, 1912), *Чётки* (*The Rosary*, 1914), *Белая стая* (*The White Flock*, 1917) and *Подорожник* (*The Plantain*, 1921), are distinguished both for aphoristic brevity and great depth of content. She is capable of tracing the entire life of a man in a four-line verse and revealing many secrets of his inner personal life. In her early poetry she describes the world of the woman's soul, alone and suffering, looking for understanding and compassion. But her elegiac self-absorption is striking in its intensely passionate intonation and force of character. Even when writing in the most intimate manner she has unfailing command over the lofty and tragic gesture or word. She has an amazingly free-ranging talent, writing on a variety of themes from love lyrics to patriotic verses. Such poems as *Мужество* (*Bravery*), *Клятва* (*The Oath*) and *Победа* (*Victory*) are great examples of civic poetry. Even as early as 1917, when she had not yet accepted the Revolution, her poem *Мне голос был* (*I Heard a Voice*) sounded as a rebuke to all those who were preparing to abandon revolutionary Russia. The path she has followed has been a long and difficult one, but she has never stopped writing poetry. As she herself puts it, through her poems she has relived the rhythms which have echoed through the heroic history of her people.

Her poetry is classical in form, with classical accuracy and clarity of layout.

She has also done a lot of work on literary history, in particular on Pushkin, and at the same time she has produced fine translations from many different languages.

In 1965 she was awarded the Honorary Degree of D. Litt. by Oxford University.

пусть струйтся она́ (речь) ... горноста́евой ма́нтией с плеч — let it (speech) flow like an ermine mantle off my shoulders

ал — *short form of adj.* а́лый scarlet

почи́ет (*from* почива́ть, *arch.*)—rests

звал уте́шно (*arch.*) — spoke reassuringly

замкну́ть (*arch.*)—to close, lock

уте́шный (*arch.*)—bringing joy, happiness

неи́стовая речь — passionate, uncontrolled speech

непоро́чные дни — innocent days

мне ни к чему́ оди́ческие ра́ти — I have no need of armies of odes; оди́ческий (*adj. from* о́да) ode; рать (*arch.*) troops

зате́и — *here*: poetic methods

некста́ти — beside the point

исступлённый — beside himself

блаже́нный (го́лос) — blissful

дальнобо́йный — long-range

вожделе́ние — *here*: thirst

смятённый — alarmed

по тому́, как... рос — by the way it ... grew

оста́ться без кро́ва — to remain without a roof

под сво́дом — beneath the firmament

истлева́ть — to rot, decay

исподтишка́ (*colloq.*)—furtively

горча́йшее — bitterest, most unbearable

лику́я и скорбя́ — rejoicing and mourning

MARINA TSVETAYEVA (1892-1941) was the daughter of a professor of fine arts. She studied in Moscow and at the Sorbonne. Her first book *Вечерний альбом* (*Evening Album*, 1910) received the approval of Valery Bryusov. The next books of verse she published—*Волшебный фонарь* (*The Magic Lantern*, 1912) and *Из двух книг* (*From Two Books*, 1913), display a synthesis of the romance of re-

volution with the naïve enthusiasms of a young woman of Bonopartist leanings. The cycles of verse she wrote between 1916 and 1920 — *Вёрсты* (*Versts*), *Царь-девица* (*The Virgin Queen*) and *Молодец* (*Bravo*), are the work of a mature poet with a talent for aphoristic verse tinged with folk tones and profoundly national in character. She neither understood nor accepted the Revolution, but wrapped herself up in romantic myth-making, bemourning the loss of 'white-walled' Moscow, and glorifying the doomed heroism of the Whiteguard armies. Emigrated to Paris with her officer husband in 1922. She always led a hard and unsettled life. She wrote a great deal but could not get anything published after 1928. Separation from Russia and her people was a tragedy for her and she finally returned home just before the outbreak of war against the nazis, whom she had earlier condemned in angry poems for their trampling of Czechoslovakia.

The amount of verse she wrote during her lifetime was enormous: hundreds of poems, including twelve long ones, seven dramas in verse and memoirs in prose. The most valuable sides of her poetry are her burning hatred for 'velvet satiety', Philistinism, and for vulgarity of every kind. Her poetry is monumental, courageous and tragic. She always wrote about great things—life and death, love and art, Pushkin and Goethe, and Russia. She progressed from lyricism to the epic style, to long poems and poetic tragedies. Exaltation of thought and expression, epic breadth of presentation, passionate attitude to the subject blend in her poetry with the everyday and the colloquial. She tried to work out concise poetic formulae for her poetry, and her speech is compressed to the elliptic forms of conversational language. For her the world was a world of sounds—hence the prominence she gives to nervous broken rythm. Her versification is based on the principle of emphasising the stressed word and repeating it in successive lines, sometimes in successive verses.

Her poetry has had a great influence on young Soviet poets over the last fifteen years.

не самозва́нка — I am not a pretendress, *i.e.* I'm not laying claim to something I have no right to

жёрнов — millstone, *here gen. pl.* millstones about one's neck, as in the Biblical phrase

Психéя, Greek Psyche—the embodiment of the soul, usually portrayed in classical times as a young girl

в пáмяти твоéй голубоóкой — in your blue-eyed memory

лоб в апофеóзе папирóсы — and a halo of smoke round my brow

кóим всех морóчу — with which I fool everyone

чердáк-каю́та — garret-cabin

смýта — disorder

остолбенéлая — *here:* turned into a rock

враз (*colloq.*=срáзу) — at once

жизнь вы́пала копéйкой ржáвою — life fell away like a rusty copeck

отцеловáл — колесовáть — he's had his fill of your kisses, you can be broken on the wheel now for all he cares

отвéтствовать (*arch.*) = отвечáть

заледенéлая — covered with ice

Всё вéдаю — не прекослóвь! (*arch.*) — I know everything—don't deny it!

зря́чая — I have eyes to see

Самó — что дéрево трясти́! — В срок я́блоко спадáет спéлое (*inversion*)—There's no point in shaking the tree—the ripe apple will fall in its own good time

морóка (*colloq.*) — a nuisance

каки́х среди́=среди́ каки́х

ощети́ниваться плéнным львом — to bristle up like a caged lion

быть вы́тесненной ... в себя́, в единоли́чье чýвств — to be forced to lock one self up in one's own thoughts

камчáтский — *adj. from* Камчáтка, the peninsula in the far north-east of the USSR

где не ужи́ться ... где унижáться — мне еди́но — where I cannot get along, or where I feel depressed it's all the same to me

и не тщусь (*arch.*)—and I'm not trying

млéчный (*here folk and poet.*=молóчный) — something native, something absorbed with one's mother's milk

глота́тель (*neol.*) — swallower

дойлец (*neol.*) — milker

Мне все — равны́, мне всё — равно́, И, мо́жет быть, всего́ равне́е, Родне́е бы́вшее — всего́. — They are all the same, and it's all the same to me (I couldn't care less); by using an illogical superlative degree of всего́ равне́е, out of all this she picks out what is most important to her, her past

как руко́й сняло́ — wiped off, as though they never were

роди́мое пятно́ — birth-mark

ряби́на — rowan-tree, one of the trees most favoured in Russian folklore

ползёт подзе́мный змей — *i.e.* escalator in the underground

жва́чный тик — a tic in the jaws

костое́д — caries

жева́тели масти́к — gum-chewers

пуп (*colloq.*=пупо́к) — *lit.* navel, *meaning* belly

Кача́ — «живёт с сестро́й» — ются́ — «уби́л отца́!» — here parts of phrases, sensational newspaper headlines, flash by, breaking up the poet's thoughts

тщето́й нака́чиваются — they gorge themselves full on petty sensations

наве́т (*arch.*)—false accusation, slander

отвра́т... — part of the word отврати́тельно disgusting

Стра́шный суд — the Last Judgement

Гуттенбе́рг (1400-1468) — Johannes Guttenberg, German inventor of the printing press

Шварц — Berthold Schwartz, credited with the invention of powder (the earliest reference made to gunpowder is 1328); прах (*arch.*)=по́рох

чеса́тели коро́ст — scab scratchers (коро́ста scab)

смеси́тели крове́й — incestuous people

дру́ги (*arch.*)=друзья́

куда́ сильне́й, чем в сих строка́х! — much more powerfully than in these lines

нелицо́ (*neol.*) — the contrary of лицо́ face
не́чисть — filth

KORNEI CHUKOVSKY (born in 1882) went to school in Odessa, then worked on the *Odessa News* and was sent to London as its correspondent. When he returned to Russia he worked on several different periodicals and in 1916 was invited by Gorky to head children's department in the Parus Publishing House. His children's poem *Крокодил* (*The Crocodile*) appeared at this time.

Chukovsky has written literary criticism, articles on the theory of style and translation, memoirs, short stories, literary research (for more than forty years he studied Nekrasov's work) and studies on children's psychology. But the gay fairy-tales in verse he first published in the early 1920's created a much greater stir than anything else he has written and have run into dozens of editions. For many people Chukovsky's name is associated solely with *Мойдодыр* and *Муха-Цскотуха.*

His imagery, rhythm and language, close to the way children's minds work, have all combined to make Chukovsky a favourite children's poet.

Chukovsky is also known for his talented translations of Walt Whitman, Mark Twain and G. K. Chesterton.

In 1962 he was awarded the honorary degree of D. Litt. by Oxford University.

цокоту́ха — *from the noun* цо́кот buzz; (*colloq.*) chatterbox,noisy woman

бука́шка — small insect

кренделёк (*dim. of* кре́ндель) — a biscuit in the shape of a knot

ны́нче — today

имени́нница (*f.*) — person who has a birthday

бло́шки — *dim. of* бло́хи fleas

застёжки — buckles

паучо́к — *dim. of* пау́к spider

поволо́к (*colloq.*) — dragged along

козя́вочка — *dim. of* козя́вка mite

кузне́чик — grasshopper

скок, скок — jumps, jumps; use of root in Russian without any ending is a means of vivid description

кусто́к — *dim. of* куст bush

мосто́к — *dim. of* мост bridge

молчо́к — *from root* молча́ние silence, *here:* made not a sound

кри́ком кричи́т — yells out

надрыва́ться — to cry out with all its might

ухмыля́ться — to smirk

на всём скаку́ — on the run

светля́к — glow-worm

то́-то — *particle meaning* now, look, see

сороконо́жки — centipedes

топ-топ — see above note on скок, скок

мотылёк — moth

мошкара́ — a swarm of midges

ла́пти — bast shoes, Russian peasant footwear

мила́шечки (*dim.*)—you darling things

тарака́шечки — *dim., endearment from* тарака́ны cockroaches

VERA INBER (born in 1890) studied at the Odessa Higher Courses for Women in the Faculty of History, Languages and Literature, but soon afterwards went to Western Europe where she lived for four years. Her first book of verse *Печальное вино* (*Sad Wine*) appeared in Paris in 1912. She returned to Russia in 1914.

She has written autobiographic long poems and short stories, lyrical and humorous miniatures and articles on literary criticism.

During the war she lived in Leningrad, enduring all the hardships of the siege. Her experiences there contributed in no small measure to a maturing of her outlook. She left the world of 'chamber poetry' far behind and began writing monumental poems on historical and philosophical themes. Vsevolod Vishnevsky, the author of the *Optim-*

istic Tragedy, said of her in 1942, that Leningrad has given her 'perception, strength and the taste of bitterness'. This was the time when she produced her best long poems *Пулковский меридиан* (*On the Meridian of Pulkovo*—an observatory outside Leningrad) and *Ленинградский дневник* (*почти 3 года*) (*Leningrad Diary* [*Almost Three Years*]). The figure of Lenin became a recurrent theme in her writing.

Features of her style include an attraction towards classical proportions; sharp changes in key from the everyday and the prosaic to uplifting heroism and philosophical meditations; the creation of an emotionally heightened atmosphere; logical and deliberate accuracy in her poetic imagery.

Коло́нный зал — Hall of Columns in Moscow Trade Union House, where important Soviet public figures lie in state before being buried

был торже́ственно-печа́лен луны́ почётный карау́л — even the moon seemed to be keeping a solemn death watch over his body

обу́за — burden, load

печа́ль ... полосну́ла меня́, как ножо́м — sadness lashed me like a knife

наза́д козырёк — with his cap on back to front

я ни гу-гу — and I don't understand a word

JOSEPH UTKIN (1903-1944) was born in China at Hingan Station, in a Jewish family. He volunteered for the Red Army in 1922 and studied at the Moscow Institute of Journalism. His first work was printed in 1923.

The lyrics he wrote at the end of the twenties and the beginning of the thirties were very popular, particularly through the contrast they provided with the high-flown and ascetically strict proletarian poetry of the twenties. Utkin reestablishes the rights of 'lyricism of the heart', running the whole gamut of intimate emotion, such as love, jealousy, sadness. His talent is most apparent in the *Повесть о Рыжем Мотеле* (*Tale of Motel the Red-Head*, 1926), highly praised by Mayakovsky. As the reader will see, its elements are irony, gentle humour which sometimes topples over into real tragedy, originality of tone and a reproduction of Jewish slang, all

combined in a description of the everyday life of the Jews of the Pale. Their isolated existence in their little much-patched houses is illumined with romantic dreams of a new world, a pleasant and glorious homeland.

As soon as war broke out in 1941, the poet went to the front. The poems he wrote there are about his country, Russian songs, his beloved and the love which people carried through the war: *О родине. О дружбе. О любви* (*On my Country. About Friendship and Love*, 1943). He was killed in an air accident while returning from the front to Moscow. He was found among the debris clutching a small volume of Lermontov, his favourite poet.

равви́н — Rabbi

до без царя́ *Jewish slang* — before the time there was no tsar

хе́дер — Jewish school

нет так нет — if I can't, I can't

да́внэл (*Yiddish*) — prayed

фиш (*Yiddish*) — fish

портня́жья — *adj. from* портно́й

по-ра́зному сча́стье ку́рится — happiness takes different shapes

И ско́лько жизнь ни упря́ма, ме́ньше, чем ма́ло — не дать. — And however stubborn life is, you can't give less than a little.

ци́мес — Jewish national dish

годово́й (*arch.*=годова́лый) — annual

городово́й — in tsarist Russia the lowest rank in the town police

моле́бен — short service in the Orthodox rite

ца́рская родова́я — *i.e.* the house of Romanovs

а о́мут стои́т у рта — but the whirlpool stands at your mouth; *i.e.* an inescapable tragedy is ever imminent

ермо́лка — skull-cap

тахри́хим — a shroud

при чём и ни при чём — whose business it is and whose isn't

Ведь э́то же о́чень и о́чень (*Jewish slang*) — It's marvellous, wonderful

тут ни при чём Его́ва, а при чём — ты и я — it's not Jehovah's business, it's yours and mine

затарато́рить (*colloq.*) — to begin speaking, and speak quickly without let-up

Про́шлым ма́ло в ны́нешнем: То́лько вой да ной. — The rich are now left with weeping and whining; вой, ной — nouns from the verbs выть и ныть to howl and moan

вы́решить — finally decide

кровоpо́тый (*neol.*) — with a blood-stained mouth

Никола́й II (1868-1918) — last Russian tsar, of the house of Romanovs

MIKHAIL SVETLOV (1903-1963) was born in Yekaterinoslav (now Dnepropetrovsk) and educated at a city elementary school. He was the first editor of the first Komsomol journal to be published in the Ukraine. In 1920 he volunteered for the Red Army. At the end of the twenties he came to Moscow and studied in the Faculty of Literature and Art at Moscow University. He began to publish his verses in 1917 and was one of the group known as the 'Komsomol poets'. His first collection of poems *Рельсы* (*Rails*) was published at Kharkov in 1922.

A gentle humour, sincere kindness towards his fellow-men and emotional romanticism are the features of Svetlov's lyrical verse. His poems on the Revolution and the Civil War, such as *Двое* (*Two* 1924), *Гренада* (*Granada*, 1926), *В разведке* (*On Patrol*, 1927), are the height of his poetic genius. *Гренада* was Mayakovsky's favourite poem and is an indispensable item in any anthology of Russian verse. It is imbued with the feeling of international brotherhood which inspired the people who accomplished the Russian Revolution. When Hitler invaded the Soviet Union, Svetlov joined the Army as a volunteer and was a war correspondent for an army newspaper. Of his war poems *Итальянец* (*The Italian*, 1943) and *Двадцать восемь* (*The Twenty Eight*, 1943), this passionate song of the soldiers of General Panfilov's Division who died while heroically defending the approach roads to Moscow, count among his best works.

In 1954 he published his book *Горизонт* (*Horizon*), a summing up by Svetlov on the meaning of life, the mission of the poet and

the greatness of human endeavour. It is a work characterised by inner concentration and sincerity in his approach to his subject.

держа́ли в зуба́х — we had it on the brain

Алекса́ндровск — town in the Urals, near Perm; Ха́рьков — city in the Ukraine

Шевче́нко, Та́рас Григо́рьевич (1814-1861) — Ukrainian national poet, artist and revolutionary

папа́ха — high fur-cap

хохо́л — slang name for Ukrainians, used by Russians

во́лость — use of Russian word (во́лость canton) about Spanish town expresses Svetlov's gentle irony towards his hero's simple ideas about far-off Spain. Во́лость was the smallest local area in pre-Revolutionary Russia.

на́земь — to the ground

зао́блачный плёс — *i.e.* heavens

погодя́ (*colloq.*)—soon

тужи́ть (*folk, poet. and colloq.*)—to mourn, lament

Моздо́к — a town in the North Caucasus

Расе́я (*ungrammatical*) = Россия

ларе́ц — casket

застеклённое в мёртвых глаза́х — imprinted in glassy stare

детвора́ (*colloq. noun*)—children

быть ни при чём — *here:* stand aside, indifferent

ни за что — I shall never

за ... нехва́ткой — for lack of

Чуко́тка — peninsula in Soviet North-East

PAVEL ANTOKOLSKY (born in 1896) studied simultaneously at Moscow University's Faculty of Law and at Yevgeny Vakhtangov's theatrical studio. He began professional life as an actor, becoming a stage director after the Revolution. His verse was first printed in 1915. He made a number of trips abroad as an actor, which resulted in cycles of poems on Germany, Sweden and Paris. In 1934

Antokolsky retired from the theatre to devote his energies entirely to literature. Still his poetry makes its appeal in a directly theatrical manner, being colourful, highly emotional and decorative in diction. The poems he wrote during the twenties were very romantic and full of bookish imagery. Thus in the long poem *Франсуа Вийон* (*François Villon*) the romantic image of the restless wanderer is placed against a realistic background of mediaeval France. His work of the thirties is more firmly anchored in Soviet reality: *Действующие лица* (*The Cast*, 1932), *Большие расстояния* (*Great Distances*, 1936), *Пушкинский год* (*Pushkin's Year*, 1938). The apex of his poetic career is his long poem *Сын* (*My Son*), where great grief and civic emotion are mingled, a work which is devoted to the memory of his only son who was killed in battle. After the war he wrote several more long poems: *Тысяча восемьсот сорок восьмой* (*Eighteen Forty-Eight*, 1948), *Океан* (*The Ocean*, 1950), *В переулке за Арбатом* (*In a Street Behind the Arbat*, 1954), a number of publicistic, historical and critical articles, and a collecton of poetry *Мастерская* (*Workshop*, 1958). He can be picked out by his sensitive feeling for history and his interest in periods of transition. His lyrical verse is rich in philosophical generalisations and musings on the world, on time and on art.

Ever since he paid first visit to Central Asia and the Caucasus in late nineteen thirties he has been one of the best Russian translators of the poetry of these republics.

недотро́га — a touchy person

сполна́ — completely

респу́блика восто́чная — one of the Central Asian Soviet republics

с пы́лу-жа́ру — piping-hot

с ни́ми в но́гу — in step with them

опря́тность — neatness

вы́учка — training

поги́бельный багре́ц — blood-red flames of death

ога́рок — the remains of a candle

погоре́льцы — people bombed-out or left homeless after a fire

Пуска́й, после́дним ко́зырем риску́я, она́ в·упо́р приста́влена к виску́. — Even though grief may be like a revolver placed against

your temple and tempting you to play your last trump—to take your life.

побла́жка (*colloq.*) — condescension on somebody's part, towards somebody else

Бря́нский лес — the forest round Bryansk, in central Russia

краса́ (*arch.*=красота́) beauty

замо́рская — foreign, from overseas

под крещёнской пурго́й — blizzards around Epiphany. In the Orthodox Church the Epiphany falls on the 20th January.

самокру́тка (*colloq.*)—roll-your-own cigarette

ждёт не дождётся — waits impatiently

сги́нуть (*colloq.*)—die, perish

легки́ на подъём—light on the feet

далёче (*arch. and dial.*)—in the future

ILYA SELVINSKY was born in the Crimea in 1899. He took part in the assault on Perekop during the Civil War, was captured by the Whites and imprisoned. As a young man he worked as a labourer, stevedore, sailor and circus artist. Later he took part in the Chelyuskin Arctic Expedition.

In his youth he was much attracted by lyrical themes, the image of the strong personality and the vast expanses of the ocean. He was also a vivid painter of wild life. In the twenties he led the Constructivists whose formalist searchings led them down the blind alley of experiment for experiment's sake and the mechanical approach to poetry. In such anthologies as *Рекорды* (*Records*, 1926) and *Записки поэта* (*Diary of a Poet*, 1928) glimpses of the living truth are often obscured by the bravado of the individualist. But already in his epic *Улялаевщина* (1927), which describes the struggle of the young Soviet Republic against anarchy, the poet's tendency to use living material in his poetry can be observed. Such typical qualities of the poet as his inclination towards the epic, compressed syntax and novel rhyme forms were obvious even at this stage.

His book of war poems *Крым, Кавказ, Кубань* (*The Crimea, the Caucasus, Kuban*, 1941-43) had as its leitmotiv the development

of the character of Soviet people at war. In this lyrical diary, as in the historical and philosophical tragedies he wrote during the nineteen forties, such as *Рыцарь Иоанн* (*The Knight John*), *Ливонская война* (*The Livonian War*), *Большой Кирилл* (*Big Cyril*), the poet's interpretation of events coincides with the popular view of life.

His enormous energy and thirst for the new lead Selvinsky to try out ever new poetic forms. He is a great master of the epic, one of the pathfinders of the Soviet school of poetic drama and he created his own system of prosody.

крыл (*arch.*=кры́льев) — *gen. pl. of* кры́лья

прийти́ в себя́ — to recover from the shock

спряга́я — conjugating

э́ти морщи́нки ... к лицу́ — the lines on your face suit you

расплю́щить — to flatten

ско́лько отму́чено мук с тобо́й — how much torment we have borne together

иссме́яно сме́ха — how much we have laughed together

невзы́сканные судьбо́й — not chosen by fate

взго́рье — hill

вот э́так (*colloq.*)—like this

лопоу́хий (*colloq.*)—lop-eared

родня́ (*colloq.*)—all his family and relations

ху́тор (*dial.*)—hamlet, cossack village

дво́р — *here:* peasant household

в како́м бы их ни свали́ло ви́де — in whatever position they've fallen down

препека́ться — quarrel

налегке́ — in summer clothing

ле́жбище — parallel with кла́дбище cemetery, a place where the dead lie

древко́ — flag-post

ве́ха — guide post

отре́пье (*colloq.*)—torn clothing

орби́та — eye-socket
сургу́ч — sealing-wax
Де́ва Пречи́стая — Virgin Mary
руше́нье — destruction
дрему́чие — of former, olden times
не отде́латься шу́ткой — can no longer laugh it off as a joke
пойма́ть за́ руку — catch them red-handed
вязи́га (=визи́га) — food made out of spinal cord of sturgeon
ве́че — assembly of citizens in mediaeval Novgorod, Pskov, etc.
сродни́ — akin

Глаго́лом проро́ков гремя́т батаре́и (глаго́л *arch.*, *high style* word, speech)—The artillery batteries bring the people truth, *i.e.* they utter prophecies. Possibly an allusion to Pushkin's poem *Проро́к* — «Восста́нь, проро́к... Глаго́лом жги сердца́ люде́й».

громи́ла (*m.*) — thug
траво́ю взойди́те — spring up as grass
надыми́ — produce smoke! (*imperative, 2nd person sing.*)
одноу́м — a single-minded person
нелюди́м — an unsociable person
хара́ктер — впо́ру ве́тру самому́ — a character of this sort should belong to the wind
быва́ли ме́ди сродни́ виолонче́льному письму́ — some other copper sounds lyrical like a cello (not so coarse, loud, brassy voice of the poet)

EDUARD BAGRITSKY (1895-1934) was the pen-name of Eduard Georgievich Dzyubin, born in Odessa, the son of an artisan. During the Civil War Bagritsky served in a partisan detachment. His first work appeared in print in 1915 and in 1925 he came to live in Moscow. His short life was not very eventful and during the last years of his life illness confined him to his home.

Bagritsky was very much a romantic and his poetry is redolent with powerful feelings. He is full of hatred for the old way of life of the property-owners, the petty-bourgeoisie, and everyone else

whom he bracketed under the term хозяева еды ('owners of food'). In the course of his development he passed from describing romantic rebels, no more sophisticated than screen heroes, as in his first book *Юго-Запад* (*South-West*, 1928), made up for the most part of carefree wanderers and seafarers like Didel the happy bird-fancier and the fearless Till Eulenspiegel, to depicting real heroes, the poet's contemporaries, romantics and dreamers perhaps, but now real people in both a historical and a social sense. His well-known work *Дума про Опанаса* (*Tale about Opanas*, 1933) on the Civil War in the Ukraine, the poems in *Победители* (*The Victors*, 1932) and *Последняя ночь* (*The Last Night*, 1932) collections affirm his faithfulness to the principles of the Revolution both in the field of battle and at work.

'Be with your age' and 'To die in victory' are the calls of Felix Dzerzhinsky, the great revolutionary, in the poem *TBC* (*Tuberculosis*) to which Bagritsky and his heroes remain faithful. This is also the way his young heroine dies in *Смерть пионерки* (*Death of a Young Pioneer*, 1932), a really optimistic tragedy, part and parcel of the new age.

Bagritsky's poems are plastic in shape, narrative in content and the action often develops in dramatic dialogues; he often uses the intonations of old songs and legends and a march-like rhythm.

Such poets as Svetlov, Utkin and Smelyakov may be considered Bagritsky's disciples.

Одécса — The whole of this poem is imbued with the image of Pushkin and his poetry.

клыкáстый — *from* клык canine

костя́к (скалы́) — *here:* sharp crags

нараспéв — in a sing-song voice

в ды́мном голуби́ном оперéнье — in the smoky plumage of a turtle dove

доны́не лю́бы — I still love them

Мариу́ла — the name of one of the heroines of Pushkin's poem *The Gypsies*

станови́ще — gypsy encampment

отвéрженный — outcast from society

поэ́т похо́дного политотде́ла, ты с на́ми отдыха́ешь у костра́ — in other words the image of Pushkin is with the poet all the time. For Bagritsky revolution and poetry are indivisible; политотде́лы — the units in the Red Army in charge of political education among the soldiers

нет как нет — no trace left

пе́ночка — chiff-chaff

двухоборо́тный свист — (bird) song, consisting of two melodies

ёжик — crew-cut (in Russian means: hedgehog)

подъязы́чье — under the tongue

тя́гостно — painfully

крести́льный кре́стик (*colloq.*) — cross put on the child at christening; it used to be worn on a string on the neck

враз (*colloq.*=сразу) — all at once

го́рница (*arch.*) — chamber

густо́й — *here:* multitudinous

в си́ньке грозово́й — in the blue of the thunderstorm

Ку́нцево, Се́тунь — small towns near Moscow

фа́брика Ногина́ — a textile mill, named after V. P. Nogin, one of the initial members of the Communist Party, prominent Government official

добро́ (*colloq.*) — things, goods

недра́ное (*colloq.*) — untorn, unworn

чтоб фата́ к лицу́ — so that you would have a fitting bridal veil to wear

посты́лые (*colloq.*) — annoying, hateful

на Кроншта́дский лёд — Here the suppression of the Kronstadt counter-revolutionary mutiny in 1921 is meant.

горя́чечный (*arch. and colloq.*) — feverish, or hot and burning as in a fever

во́рон — raven, here a symbol of death on the battle-field

на юру́ — on a high, exposed, open place

ба́зовое (зна́мя) — *here:* pioneer base flag

про́зелень — green patches of light in a forest glade

окре́ст (*bookish*) — around

пе́ночкам ны́нче благода́ть — it's very nice for the chiff-chaffs now

на́ голос (=в го́лос) — loudly

VLADIMIR LUGOVSKOY (1901-1957) was born in Moscow into the family of a teacher. He graduated at the Military Pedagogical Institute, had his first verses printed in 1924 and his first book *Сполохи* (*Lightning Flash*) was published in 1926. He was a member of the Constructivist school along with Selvinsky, Antokolsky and Tikhonov.

His emotional and elevated style reflected the difficulties that faced the pre-revolutionary intelligentsia in its gradual recognition of the Revolution and its spiritual reforging.

The end of the poet's life was marked by a particularly strong creative outpouring. The poetry of this period had the old audacity of imagery so typical of his lyrics of the end of the twenties, the romantic atmosphere of his first book *Большевикам пустыни и весны* (*To the Bolsheviks of Deserts and Springs*) and the epic searching of *Жизнь* (*Life*) where he showed his hero as the creator of life. In the long poems he wrote during the fifties — *Середина века* (*The Middle of the Century*), *Солнцеворот* (*The Sun's Cycle*) and *Синяя весна* (*Blue Spring*), he reveals the gains he made from the generous intellectual experience of Russian poetry, its philosophical and historical bend, its desire to be involved in its age. The individual, his rights and duties towards society, the people and history are the main themes of his poems, remarkable in their lyricism and depth of thought.

Lugovskoy is helped in his selection of rich and realistic imagery by his exhaustive knowledge of versification. His is one of the rare examples of synthetic poetry which has succeded portraying modern life in a series of truly poetic pictures.

топота́ть (*colloq.*=то́пать) — to stamp, tramp

бук — beech

Чаты́рдаг — a mountain in the Crimea

приголу́бить (*folk, poet. and colloq.*) — to be kind to

домрабо́тница — housemaid

заво́дят ... и́гры — are playing... games
полы́нный (*adj. from* полы́нь) — wormwood
штилева́я (*adj. from* штиль) — calm
собра́т — fellow, comrade-in-arms
пове́рка — roll-call
курса́нт — student at higher military school
идёт девятна́дцатый год — 1919, period of Civil War in Russia
копти́лка — wick-lamp
компро́ты — company commander
мане́рка — flask
сты́лые — covered with ice
калёный — *here:* sharp, burning
пепели́ще — ruins after a fire
пе́сня ветрова́я — song of the wind
высо́тный дом — the name given to the tall buildings in Moscow
перманéнт — perm
гудро́н — asphalted road
мы стра́стью не поспо́рим — we shan't quarrel over whose love is stronger

SAMUEL MARSHAK (1887-1964) was born in Voronezh. His father was on the office staff of a factory. Began to have work printed from 1907 onwards. Between 1912 and 1914 he studied at London University. Returning to Russia in 1914, he worked for different organisations concerned with the management of children's homes and colonies. In 1923 his first book *Детки в клетке* (*Children in the Cage*) appeared.

He is known as the author of extremely popular books and plays for children, a satirist, a great translator of Shakespeare, Burns and Keats, a publicist, literary critic and a good pamphleteer. (During the war he worked in 'Windows of TASS' and right up to his death had epigrams on current events published regularly in the papers).

His great popularity among young readers may be accounted for by his ability to create images which are easily acceptable to

the child's outlook and understanding, by simple and measured rhythms, easy language and dynamic action.

In the last few years of his life he was attracted by philosophical verse. His lyrical poetry of this period is distinguished by its clarity and depth of thought, its searching for harmony between Man and the world around him, the mature precision of its tonal qualities, its wise humour and flashes of courageous sadness.

что есть мо́чи — as fast as it can

ви́деть невтерпёж (*colloq.*) — I can't bear to see

глубокоуважа́емый, вагоноуважа́тый... — play on the two words, using a confusion in the homophones: уважа́емый вагоновожа́тый

во что бы то ни ста́ло — at all costs

у трамва́ла вокза́й=у вокза́ла трамва́й (cf. above)

спозара́нок — early next morning

ALEXANDER PROKOFIEV was born in 1900 in the family of a peasant fisherman on Lake Ladoga. He was educated at a teachers' seminary. He took part in the Civil War and fought in the Second World War. His first work was published in 1927 and his first book of poetry *Полдень* (*Midday*) appeared in 1931. Prokofiev's poetry, uniting in a patriotic hymn love for his country, the broad expanses of Russia, its handsome and generous-souled people, is rich in folk imagery and melodies like the strains of the songs of his country.

The theme of roads and highways, of search and discovery runs throughout his work—*Простор* (*Vastness*, 1945), *В пути* (*En Route*, 1953) and *Приглашение к путешествию* (*Invitation to a Journey*, 1960), but even in far-off Italy it is Russia and the Russians that he is always thinking of and that he addresses himself to. He has introduced into poetry a pure current of the popular tongue and the language of the countryside, while clinging firmly to Russian traditional verse-structure.

слобода́ — large village, rural settlement

полуша́лок — a large warm shawl; *lit.* half-shawl—because there are bigger ones yet

на ди́во нам — making us marvel

пу́ща — thick forest

поднебе́сье — heavens

взахлёб (*colloq.*) — gulping down; *here:* with abandon

роди́мый (*colloq.*) — dear

с-под (*colloq.*=из-под) (ладо́ни) — shading eyes with their hands and looking under them

awagра́нка — a furnace for smelting pig-iron

ли́венка (*regional*) — an accordion with one row of apertures

ду́дочка — *dim of* ду́дка pipe

хро́мка (*regional*) — a small accordion

весня́нка — spring ritual folk song

SEMYON KIRSANOV (born in 1906) studied at the University of Odessa in the Philological Faculty. His earliest work appeared in 1922. His acquaintance with Mayakovsky determined to a large extent his future development, giving even his earliest works a pointed propagandist character: *Прицел* (*Aim*, 1926) and *Опыты* (*Experiments*, 1927). He worked on the journal *LEF* (Left Front of Art) and went in for experimentation a great deal. His work of the twenties and thirties surprised the reader by its originality of thought, the virtuosity of techniques and the rare rhyme schemes used, but often it sounded forced. In the thirties he produced a lot of longer poems: *Поэма о роботе* (*The Robot*), *Золушка* (*Cinderella*), an anti-nazi long poem *Война — Чуме!* (*War on the Plague!*). Other long poems which have brought well-deserved fame are: *Твоя поэма* (*Your Poem*, 1939) with its unvarnished naked statements and its sense of personal ill, the philosophical *Небо над Родиной* (*Skies Above My Country*, 1947) with its human drama—the death of an Air Force pilot, played out against a war background and developing in organic harmony with Nature, *Александр Матросов* (1946) and *Макар Мазай* (1950).

Semyon Kirsanov is also the author of a number of songs, wartime pamphlets and the folk-style poem *Заветное слово Фомы Смыслова* (*The Behest of Foma Smyslov*) addressed to the millions of soldiers fighting the nazi invaders. He has also made good translations of the Turkish poet Khikmet, the Czech Nezval and the Chilian Pablo Neruda.

рома́шкин — *adj. from* рома́шка ox-eye daisy

День бе́лого цветка́ — In pre-Revolutionary Russia, flower days for charity purposes were a wide-spread custom.

не размыка́я рук — not letting go of each other's hands

я ло́коть в ло́коть шёл — we have walked elbow to elbow

Весь в парашю́тах сня́лся луг и — одува́нчиками — в высь! — image of dandelion seeds as parachutists gently drifting with the wind

Тверска́я (now Gorky Street in Moscow), Нева́, Севасто́поль, Ленингра́дское шоссе́ (in Moscow), Воро́неж, Орды́нка (street in Moscow), Теберда́ (a resort along the river Teberda in the North Caucasus), Донска́я у́лица (in Moscow), etc.—The poet uses a string of names to evoke a picture of the enormous size of Russia which he would like to travel through with his sweetheart. Compare the lines: Как хо́чется тебе́ со мной игра́ть в наш ми́лый шар земно́й!

си́тчик — *dim. of* си́тец calico

в снег-башлы́к — a hood of snow

пусты́нной дю́ной у́рны стать — become a little pile of ashes in an urn

нараспа́шку — open wide

оказа́ть ми́лость — to show mercy

поясне́ть (*colloq.*=проясни́ться) — to become clear

исходя́ па́ром — with steam rising from them (gerundival phrase)

MIKHAIL ISAKOVSKY (born in 1900) comes of Smolensk peasant stock. After finishing village school he became a teacher in the country and later a newspaperman. His work began to appear in 1924. His first book of poetry *Провода в Соломе* (*Wires in the Straw*, 1927) was noticed and supported by Maxim Gorky. He was one of the first poets to convey the poetry in the everyday life of the Soviet people, in their work and love. His war poems and songs are full of patriotism and appeal to the people to defend the country against nazism.

His poems are narrative and realistic, and always modelled around some lyrical happening, while his diction is vivid and colloquial but free from vulgar and dialectal vocabulary. The strength of his verse is in their real national colouring, their simplicity of shape

and the amazing melody of their language. Many of his poems have been turned into songs. *Katyusha* is internationally known, while *Враги сожгли родную хату* (*The Enemy Burned Our Home Down*) and many other songs have passed into folklore.

ко́мья (*plural of* ком) застря́ли в го́рле — lumps stuck in his throat

до́лжен пить за упоко́й — drink that God may rest your soul

несбы́вшаяся — that have not come true

ALEXEI SURKOV (born in 1899) comes from the lowest stratum of the peasantry. He fought in the Civil War, then did work for the Komsomol and the Party, studied at the Institute of the Red Professorate and taught in the Gorky Institute of Literature. He was a war correspondent in the Second World War.

Even his first collections *Запев* (*Chorus*, 1930), *Ровесникам* (*To Men My Own Age*, 1934) show his tendency towards concrete imagery, simplicity and the poetry of sharp conflicts, such poems as *О нежности* (*On Tenderness*), *Шестой* (*The Sixth*) and *Агитатор*. One of the best features of his poetry is its appeal to the ordinary hero and the concrete way in which he is depicted. Surkov's hero is a soldier in the cause of peace, a warrior fighting just wars for the right to peace and work. He is particularly well-known for his poetry written during the war, a lot of which has been set to music.

Although Surkov is strongly attracted to bookish words, he nevertheless has a fine command of the language of the people — as evinced by the folk devices used by him in certain of his poems.

In addition to his publicistic poetry he wrote a lot of lyrical and philosophical verse, musing on the experiences of his contemporaries *Слово будущему* (*A Word to the Future*), *Ровеснику* (*To a Man My Own Age*), *Ключи к сердцу* (*Keys to the Heart*). In latter years Surkov has written several cycles having an overseas theme: *В стране чудес* (*In Wonderland*), *На Британских островах* (*In the British Isles*), *Шотландские мотивы* (*Scottish Motifs*).

поле́нья — logs

вьюге назло́ — to spite the storm

заплута́вшее сча́стье (*colloq.*) — *i.e.* the happiness which has lost its way

пи́сарь — clerk
впервой (*colloq.*) — for the first time
тяну́ть ля́мку — to do some heavy service
лихоле́тье (*arch. and high style*) — the years of trouble
жаро́й непали́м — not inflammable
по кро́мке — along the brink, edge
под стать — a match for
наверста́ть — make up for lost time
неспроста́ — not without purpose
склика́ться (*colloq.*) — call to each other
чу́диться (*impers.*=тебе́ чу́дится) — it seems to you, you fancy
сва́я — pile
дро́бот (*neol.*) — rumble (of the wheels)

DMITRY KEDRIN (1907-1945) worked as a young man on the Komsomol paper in Dnepropetrovsk and his first verse appeared in 1924 in Kharkov and Moscow. His first book of poems *Свидетели* (*The Witnesses*) was published in Moscow in 1940. During the war he was on the army newspaper put out by the North-West Front. At this time Kedrin was not only writing poems about the war, but also finding time to write philosophical poetry, historical ballads and poetic dramas (*Набег — The Raid, Ермак — Yermak, Красота — Beauty, Зодчие—The Architects,* and *Рембрандт — Rembrandt*). He only became widely recognised after his death towards the end of the nineteen forties, although as far back as 1932 Gorky had singled his poem *Кукла* (*The Doll*) out for praise.

The shapeless dreamy verse of the young Kedrin developed through the years into a tightly constructed poetic short story, with an epic style of narration and a sculptural method of character moulding.

The poet concerns himself with people—architects of Russia, its smelters, workers, artists and sculptors—the creators of the most permanent spiritual treasures which grace our land. Hence his great interest in the peoples not of Russia alone but of the Orient and the West. Work, creation, beauty—these are the three factors which constantly recur in Kedrin's verse.

ноздреватый — porous

кем бы я ни стал и кем бы ни был — no matter who I will become, no matter who I was

смычок — bow

Арбат — a street in Moscow

М. Голодный (1903-1949) — Soviet poet

чубатый (*colloq.*) — with a large forelock

как сдунет ветром — as if blown away by the wind

полевая сумка — map-case

картавый — guttural

винчианские — *epithet for* Leonardo da Vinci

молодка (*folk, poet. and dial.*) — young married woman

согбенный (*bookish*) — bowed beneath a weight

вихрастый (*colloq.*) — with hair sticking up

полушубок — half-length sheepskin

Васнецов В. М. (1848-1926) — famous Russian painter

большак (*dial.*) — high road

Бурлаков этих репинских ноги босые — reference to Repin's painting *Volga Boatmen*

ILYA EHRENBURG (born in 1891) was arrested in 1908 for taking part in underground activities on behalf of the Bolshevik Party. Released before coming up for trial, he immediately emigrated to France where he remained till 1917. During the First World War he was a correspondent for several Russian newspapers. Returning to Russia after the overthrow of the autocracy, he remained there till 1921, after which he once again went to Paris, working as a correspondent for different Soviet newspapers. Returned permanently to the Soviet Union in the early forties. A prominent novelist and feature-writer, Ehrenburg nevertheless began his literary career as a poet. His first collection of verse, published in Paris in 1910, was in many ways imitative and stylised. It was only with the appearance of *Стихи о канунах* (*Verses about the Eves*, 1916) that he found his own feet, poetically speaking.

The central theme of the poetry he wrote after October is Russia and the Revolution: *Огонь* (*Fire*), *Раздумья* (*Musings*), *Опустошающая любовь* (*A Devastating Love*). The poet's attitude to the Revolution is complex and contradictory; for him it is a 'joyless spring', a 'cleansing fire' and a 'devastating love'. He only gradually comes round to seeing it not as a bloody uprising, but as the birth of a new world.

He abandoned poetry for fifteen years after this phase, returning to it only after having witnessed the sufferings and tragedies of the Spanish Civil War and the fall of France in 1940: *Верность—Испания—Париж* (*Faithfulness—Spain and Paris*).

The incompatibility of the tragedies continually overtaking man, and his striving for happiness, the contrast between life and death—these ideas are the basis for his inspiration in *Дерево* (*The Tree*, 1946) which is a collection of the verse he wrote during the war. His last book, *Стихи* (1938-1958), is interesting in that it includes the poet's own ponderings over one of the most complex and tragic periods in our era.

His poems demonstrate his ability to leap from the concrete object, happening or even a detail, to a full picture of life, from the accurate but naked detail to a revaluation of the whole condition of the human spirit. His verses are grim and economical; they are the voice of a man who has seen and experienced much, and achieved wisdom through his experiences.

разве́дка бо́ем — reconnaissance in force

ропта́ть — grumble

загради́тельный ого́нь — barrage

на лету́ — in flight

штабно́й (*noun*) — one belonging to a (military) staff

доду́мать не дай ... не дай догляде́ть — grant us not to think to the end... and grant us not to see to the end (prefix до- expresses the idea of completion)

чтоб — *in this and succeeding lines means:* would that

без просы́пу (*colloq.*) — without becoming conscious of oneself

за́лпом — in one gulp

вы́стоять смерть — withstand death

лазóревые зéмли (*folk and poet.*) — cloudless, care-free lands

лелéять — to nurse

дóлог — *short form of* дóлгий

чтоб пáльцы невзначáй не хрýстнули — so that the fingers would not crunch by chance

резедá — mignonette

удéл — lot, apportionment, share

распластана — *from* распластать to spread

скрéщены — crossed, crucified

подсéк — *from* подсéчь to cut down

линялая гимнастёрка (*colloq.*) — faded tunic

чёрный хлеб — traditional Russian black bread

смýтно жил — I have lived vaguely

мáло ль было сил — if I wasn't forceful enough

суевéрно — superstitiously

отмахнýться — to wave something away

кликýша — a hysterical woman

рубнýть (*colloq.*) — to chop somebody down, to do away with (suffix -нуть implies something which is done only once)

как мечтáл о большóм человéке — how he dreamed of being important

паёчная вóбла.— rationed fish (вóбла — cheap fish caught in the Caspian and cured very dry)

рубáла — *see above* рубнýть

отымáть (*arch. and popular*=отнимáть) — take away

засидéться — to overstay one's welcome

мáлость (*colloq.*) — a little bit

погодúте — hang on a second, wait

понóшенная — worn out

тóлика (*arch.*) — a bit of

ALEXANDER TVARDOVSKY, the son of a blacksmith, was born in the Smolensk area in 1910. He remained in the country till 1928

and attended the village school. His work began to be printed from 1924 onwards. His first collection of verses *Путь к социализму* (*The Way to Socialism*) appeared in Moscow in 1931. He went through the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature, fought in the Finnish War of 1940 and during the Second World War was the special correspondent of an army newspaper.

His poetic talent is best shown in his long poems, which reflect different turning points in the life of his people. The multiplicity of themes which he can handle and the variety of tones in which he writes are welded into a single whole with a well-proportioned design. His main theme in the thirties was the wiping away of the old peasant attitudes—*Страна Муравия* (*The Land of Muravia*), in the forties his poems spoke of the destinies of a people forced to defend its country: *Василий Тёркин*, *Дом у дороги* (*The House by the Road*). In the fifties he developed the theme of the individual's personal responsibility as a son of his people for the fate of his country (cf. the poems *За далью даль—Space Beyond Space*, and *Тёркин на том свете—Tyorkin in the Other World*). The acuteness of his historical perception, the psychological intensity of his plots, together with the numerous undertones, his penetration to the heart of the Russian national character, the neatness of his aphoristic imagery, are the characteristic aspects of Tvardovsky's poetic style. His poetic diction is amazingly natural and is based on everyday speech. The strict rhythms and rhymes he employs do not prevent it from flowing with the freedom and grace one would have thought impossible to attain outside prose.

да лёд за пóлу придержáл — but the ice caught him by the flap of his coat

с чегó — умá не приложý — why, I cannot think

лежáлый — which lay unused

подшивáю в «делá» — I'm putting it in a file

покáмест (*arch. and colloq.*) — as yet

развилок (*colloq.*) — fork in a road

безвéстный — unknown, unfamiliar

на себя́, что ни бýдет, берý — whatever happens I'll take responsibility for it

с тóлком — accurately, in a businesslike manner

зао́чно — *i.e.* although we can't see each other

жизнь меня́ не обдели́ла — life has not denied me my share

добро́м свои́м не обошла́ — fortune has not passed me by

с лихво́й — too much

в захолу́стье — in some forgotten place

вёсен в дру́жном разворо́те — springs in full and speedy blossom

тя́гота (*arch.*) — duty

босота́ и нагота́ (*arch.*) — extreme poverty, without a stitch on and barefooted

ску́дость — poverty

о́тчий у́гол — *i.e.* father's home

самого́н — home-brewed vodka, raw spirit, poteen

тихо́ня (*colloq.*) — a quiet, mild man

толк (*colloq.*) — mind, intelligence

что ди́ву да́ться до поры́, каки́е ре́зкие под си́лу ему́ озно́бы и жары́ — sometimes one can only be amazed at the sharp changes in fortune it (the heart) is capable of undergoing

напа́сть (*colloq.*) — tragedy, unpleasant event

незада́ча (*colloq.*) — failure

мимоёдом стороно́ю (*colloq.*) — passing by

знать горбо́м — experience on one's own back

зато́ пору́кой обою́дной люба́я скра́шена страда́ — any hard work lightened by mutual help

STEPAN SHCHIPACHYOV was born in 1899, the son of a landless peasant. From the age of nine he worked as an agricultural labourer, then on asbestos mines and as a counterhand in a bookshop. In 1919 he joined the Red Army. In later years he passed through the Institute of Red Professorate. During the Second World War he was a correspondent for *Pravda*. His first book *По курганам веков* (*On the Burial Mounds of the Ages*) was published at Simferopol in 1923. At first he went in for cosmic poetry, marred in places by the abstract woolliness and rhetoric peculiar to the so-called Proletarian Poets, a group he was close to. His true voice gathered strength

much later, in the late thirties, when he turned to lyric verse and he now occupies a special niche in Soviet poetry. Shchipachyov's is the lyricism of eternal universal human qualities, embodying the biography of his whole generation that burst the shackles of enforced labour and made its way to the sunlight of freedom, creativity and happy love. His book *Строки любви* (*Lines of Love*, 1949), singing faithful, eternal and constant love, is widely known.

His poetry is often more in the nature of a talk. He can be a narrator or a good friend and an adviser or a good and attentive listener.

During the War and after, his range of themes broadened. He wrote the long poems *Домик в Шушенском* (*The Little House in Shushenskoye*), *Павлик Морозов* and the autobiographical tale *Берёзовый сок* (*Birch Juice*) and also some philosophical lyric poetry.

уня́ться — stop, discontinue

наперёд (*colloq.*) — beforehand

вида́ть (*colloq.*) — evidently, apparently

лозня́к — willow thicket

озя́бший (*colloq.*) — cold

заворожи́ть — to enchant

слякоть — slush

поро́ша — first snow

то́лку не́ту (*colloq.*) — there's no point

я встрепену́сь, превозмога́я тлен — I will arouse myself and overcome mortality

длинно́та — lengthy, wordy language

стушева́ться (*colloq.*) — to become embarrassed, to accept defeat

всё в расчёт возьмёт — will weigh up everything

NIKOLAI ZABOLOTSKY (1903-1958) was born in Kazan, the son of an agricultural expert. Studied at the Department of Russian Language and Literature in the Leningrad Pedagogical Institute. *Столбцы* (*Columns*, 1929), his first book, is a whimsical and fantastic interpretation of the animal-like world of the Russian Philistines. He is the prey of gloomy thoughts for he fails to see any rational force capable of overcoming that world. His long poem *Торже-*

ство земледелия (*The Triumph of Agriculture*, 1933) is the first expression of his belief in Man's ability to introduce harmony into this universe of ruthless conflicts. The nightmare world of the petty-bourgeoisie has retreated before a recognition of the ability of man not only to rule over Nature but also to play an active part in its creation through work. His main theme is Man's place in Nature. He seeks the key to the mystery of existence by trying to understand Man through Nature and Nature through Man. In material progress he sees a new and higher stage in the beauty of Nature. In his poetry he tries to make a poetic generalisation of the achievements of the human intellect, material and scientific progress, and the beauty of a Nature transformed by the hand of Man. His poetic probings into the microworlds of the animal, vegetable and insect kingdoms are extraordinarily plastic and picturesque. In the mid-30's he arrived at classical strictness and exactness of expression. Turning to the ethical and social problems gripping mankind he indulged in philosophical ponderings on the meaning of life, on poetic inspiration and on the spiritual beauty of Man, which he once described as 'the eternal flame burning in a vessel'. Zabolotsky was also well known as an excellent translator, particularly from Georgian.

в зало́г — as a bond
кавардáк (*colloq.*) — disorder, riot
околёсица — stuff and nonsense
брóситься сломя́ гóлову — rush headlong
литáвры — kettledrum
бýбен — tambourine
свистýн (*colloq.*) — whistler
горáзд (*colloq.*) — ready, willing
бáбочка-стрáнница — wandering butterfly
горлáст (*colloq.*) — noisy
сирéни — lilac (here plural because of the enormous quantities)
скворéшня(=скворéчник) — bird-house for starlings hung on trees
полыхáть — to blaze
скороговóрка — tongue-twister, *here:* the chatter

че́ствовать — to pay homage to

ходо́к — somebody selected (usually by peasants) to hand in a petition, or entrusted with a mission

зипу́н — old-fashioned peasant clothing

по мирско́му де́лу — on behalf of the мир (village commune)

враз (*colloq.*) — at once

ско́пище — gathering, crowd

сло́женные в лад — in harmony (with heart and soul)

без опа́ски (*colloq.*) — without fear

была́ не в э́том суть — this was not the point

Смо́льный — In Petrograd, the headquarters of the governing body of the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies

измая́н (*colloq.*) — worn out, exhausted

накоротке́ (*colloq.*) — in a friendly manner

кото́мка — bundle worn on the back, kind of knapsack

кре́ндель — biscuit twisted into the shape of a knot

худо́й (*colloq.*) — all in holes

худо́й (у́мысел) — bad thought (intention)

дурну́шка (*colloq.*) — ugly girl

всю боль свою́ оди́н переболи́т — will, of itself, overcome any pain

куми́р — idol

влады́чица — mistress, lady, sovereign

затрапе́за — cheap clothes, unpretentious clothes worn at home

в три поги́бели скорчилось те́ло — her back is all bent

подча́с — sometimes

YAROSLAV SMELYAKOV (born in 1913) was educated at a printers' school. He worked as a caretaker, stoker, miner, type-setter and reporter and throughout his life he has never lost his love and closeness to the working man, his chief hero. Characteristically, he set up his first published verse (1931) in print himself. His verse anthology *Работа и любовь* (*Work and Love*) was published in Moscow in 1932.

Confidence, conviction and energy combined with probing for the unknown are characteristic features of his lyric hero—man engrossed in his work but at the same time a romantic. The combination of common sense with romantic idealism lies at the basis of his poetic outlook.

In one of his most recent long poems—*Строгая любовь* (*A Strict Love*, 1956), he told lovingly and sincerely of the deeds of the members of the Komsomol during the First Five-Year Plan. He puts forward the idea of generations following in each others' footsteps and addresses the young enthusiasts of the present day through his romantic tale of the early Komsomols.

Smelyakov's poetry is an alloy of romantic intensity in diction, popular language, controlled emotionality and musical simplicity in prosody; a predilection for topicality in subject matter is combined with richness in form and precision in expression.

жгут — a tightly plaited cord
пройдо́ха (*colloq.*) — cunning fellow
ходи́ть напроло́м (*colloq.*) — to stop at nothing
я не слыл недотро́гой — I wasn't known as a touch-me-not
Мле́чный путь — Milky Way
Зо́лушка — Cinderella
венча́нье — wedding (particularly in a church)
мёрзлый — *here:* stiff with frost
кума́ч — red calico

LEONID MARTYNOV (born in 1905) spent his childhood on the trains of the Trans-Siberian Railway, where his father was a travelling railway mechanic. Was successively a sailor, a collector of medical herbs and a book-pedlar in the country. He travelled the length and breadth of Kazakhstan, Siberia and Central Asia. His first verse was printed when he was fifteen. His first book *Стихи и поэмы* was published in Omsk in 1939. In the last thirty years has published about a dozen selections of verse, the best known of which are *Эрцинский Лес* (*The Forests of Ertsin*, 1945), *Лукоморье* (*The Curving Coast*, 1945) and *Лирика* (*Lyrics*, 1958).

His main traits are a deep philosophical analysis of the world

around him and intense curiosity. He possesses a great feeling for what is new or changing, is able to penetrate right to the heart of things and find new and bold links between them. His poetry opens up a world of daring and endeavour. Man is his chief hero, and in his poem *Мне кажется, что я воскрес* (*It Seems to Me that I Have Risen from the Dead*) Martynov sings the glories of mankind. The poet is hostile to everything which ties Man down and deprives him of his spontaneity.

His verse is highly emotional, but at the same time it is analytically accurate, while his language is concentrated and metaphorical.

Martynov has done several excellent translations of Byron, Walt Whitman, Sándor Petofi and Julian Tuwim.

пуд — 40 pounds

благоволи́ть — to condescend

неспроста́ (*colloq.*) — not without reason

тал — willow bushes

лоза́ — *popular name for* willow

усмотре́нье — discretion; *here:* permission, approval

прозре́нье — insight

лю́тня — lute

тре́петных от вдохнове́ния — trembling from inspiration

прокажённый — leper

пу́ща — thick forest

пепели́ще — ruins and ashes

поме́ха — hindrance

сова́ться — to presume (so high, so far, etc)

мол, по́просту не столкова́ться (*colloq.*) — they say it won't be possible to come to any agreement (if we use simple language)

нагота́ — nakedness

бде́нья и посты́ — vigils and fasts

проста́к (*colloq.*) — simpleton

ты в ру́бище лженищеты́ за кро́хами встаёшь в хвосты́ — in your self-enforced spiritual poverty you make yourself satisfied with just crumbs, the most minor things in life

OLGA BERGOLTS (born in 1910) studied in the Faculty of Languages and Literature of Leningrad University and became a correspondent for a number of newspapers, doing sub-editing as well. She began to have her verse printed from 1930 onwards. Her first book *Стихотворения* (*Poems*) appeared in Leningrad in 1934. Her lyrical and longer poems began to catch people's attention during the war. Her poems from blockaded Leningrad convey all the tragedy and the heroism of the city's garrison and inhabitants in those grim years.

For her, poetry has been an intimate confession. Her favourite genres are the poetic diary (*Ленинградский дневник — Leningrad Diary*, *Февральский дневник — February Diary*), the letter (*Из писем с дороги — From Letters on the Road*), and dialogue (*Разговор с соседкой — Conversation with My Neighbour*). Her prose is equally lyrical. *Дневные звезды* (*Daystars*) is about the hearts and fortunes of her own contemporaries, it tells how the fate of an individual is intertwined with the development of society. After the war she began to develop an interest in historical themes and in man as the child of his age and the links which bind one generation to another. The lyrical epic *Первороссийск* (*Pervorossiisk*, 1949-57) and her tragedy *Верность* (*Faithfulness*, 1946-54) display the characteristics of her blockade poetry in the guise of classical myths and legends. For her they are attempts to widen the horizons of lyricism.

Bergolts' lyricism is distinguished by its extreme restraint and absence of verboseness; its laconic but accurate language depends for its effect on the heightened tragedy of its tone.

напа́сть (*colloq.*) — tragedy

всепрощёнье — complete forgiveness

поку́да (*colloq.*) — as long as

нетле́нно чи́стый свет — unfading, immortal light

курти́на (*arch.*) — flower-bed

го́рше — (*comp. of* го́рько) more bitterly

отра́да — joy

а́укнуться — to call out aaoo (the normal Russian shout to call someone in forests, etc.)

звездопа́д — the fall of stars

SERGEI MIKHALKOV (born in 1913) studied at the Gorky Institute of Literature in Moscow between 1935 and 1937. His first book *Стихи* (*Verses*) appeared in 1936. During the war he was a war-correspondent on an army newspaper. He wrote notes and poems, pamphlets in verse and captions to cartoons.

He is well-known for his children's verse, his fables and his epigrams. His poetic imagery for children is permeated with the feeling of joy and fullness of life, with love and solicitude for the consciousness and character forming in his young reader.

KONSTANTIN SIMONOV (born in 1915) is a famous novelist, poet, playwright, publicist, author of many essays and articles on art. He studied at the Gorky Institute of Literature and was a correspondent during the war. His first book of poetry was published in Leningrad in 1934 and was followed by many others: *Стихи 1939* (*Poems—1939*), the long poems: *Ледовое побоище* (*Battle on the Ice*), *Победитель* (*The Victor*), *Пять страниц* (*Five Pages*), *Первая любовь* (*First Love*). Simonov belongs to the group of writers known as the ровесники Октября (men who grew up with October), who came of age in the romantic atmosphere of the first five-year plans. The heroes of his pre-war poems are daring men who dream of fame and great exploits. Courage and patriotism is the leitmotiv of his work. This youthful romanticism of Simonov later gave way before the grim reality and great emotions of the war, and in the nineteen forties he became perhaps the most popular of all Soviet poets.

Besides his patriotic verse, deeply publicistic in character, like *Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины* (*You Remember, Alyosha, the Roads of Smolensk*), *Убей его!* (*Kill Him!*), his love lyrics were especially popular (selection *С тобой и без тебя — With You and Without You*). The theme of unreciprocated love, the craving for faithfulness, the affirmation of love which is passionate, sensitive and earthly lend Simonov's poetry a peculiar strain of inner suffering and tenseness and of courage in overcoming these feelings.

Смоле́нщина — the Smolensk region in Central Russia

кри́нка — a narrow earthenware pot for holding milk

укра́дкою — secretly

Господь вас спаси́! — God save you!

солда́тка — the wife or widow of a soldier

как встарь повело́сь — as was the custom in the old days

Русь — old name for Russia

тракт (*arch.*) — the post-road, highway

пого́ст — graveyard

как бу́дто на них вся Росси́я сошла́сь — as if the whole of Russia had come to contain nothing else

око́лица — the outskirts of a village

всем ми́ром — all together; *from* мир (village commune)

мо́лятся за в бо́га не ве́рящих вну́ков свои́х (*inversion*)—pray for their Godless grandsons

Бори́сов — town in Byelorussia

сало́пчик — *arch.*, *dim. of* сало́п old-fashioned loose woman's coat

пли́совый — velvet

роди́мый (*poet.*, *popular*) — beloved, my own one

поку́да (*colloq.*) — now

па́жить (*arch. and poet.*) — meadow, field

на поми́н души́ — to the memory of his soul

повезло́ — he was lucky

ку́рский (*adj. from* Курск, town in Central Russia) соловéй — The nightingales of the Kursk region are considered to be the finest songsters.

са́мой ма́лой ма́лости — the very smallest thing

коры́сть — *here*: covetousness

вско́рости (*popular*) — soon

ALEXANDER YASHIN (born in 1913) comes of peasant stock. He was educated at a pedagogical secondary school and for some time taught in the country. His first book of verse *Песни Северу* (*Songs to the North*) was printed at Arkhangelsk in 1934; in 1935 he entered the Gorky Institute of Literature. During the war he served in the marines and on the ships of the Volga Flotilla, took part in the fight-

ing around Leningrad and Stalingrad. His work regularly appeared in naval newspapers.

The purport of Yashin's work is 'Hasten to do good deeds'. A descriptive poet, publicist and lyricist, Yashin is deeply interested in the lives of his contemporaries. His sense of his responsibilities as a writer and citizen enables him boldly to tackle the social and moral problems of the society we live in.

At one time Yashin paid homage to the idea of a poetry without conflict, a poetry aimed to smooth over the contradictions between historic epochs. Later he developed a more sober, direct and serious approach to the truth. The overriding tone of his most recent anthology *Совесть* (*Conscience*, 1961) is sincerity, modesty, spiritual cleanliness, humanitarian feelings and the other constants by which we normally estimate human relations. The poet does not spare himself and his heart goes out to others in complete frankness and kindliness.

His poetic style is simple and natural; he belongs to the school of Isakovsky and Tvardovsky.

о́тчим — step-father

сруби́ть дом — build a house out of logs

Ленингра́дская блока́да — the 900 day siege of Leningrad by Nazi troops during the Second World War

слыть — to be said to be

Тепе́рь уж что — *here*: Things are different now

Каково́ живёшь? (*colloq.*) — How do you live? How is life?

вишь (*colloq. particle*) — used as an exclamation to express surprise

MARGARITA ALIGER was born in 1915. Her first work was printed in 1933 and her first book entitled *Год рождения* (*The Year I Was Born*) was published in Moscow in 1938. Between 1934 and 1937 she studied at the Gorky Institute of Literature. During the war Aliger was a correspondent for an army newspaper.

Her pre-war verses suffered from artificiality and moralising; she was completely wrapped up in the time-honoured themes of woman's verse: love, jealousy and motherhood. Her talent matured during the war when her long poem *Зоя* (*Zoya*, 1942) earned her well-deserved success. The author combines intimacy, sincerity and at the same time

a lofty state of emotion with expressive diction and direct contact between herself and her heroine.

During the fifties she continued to write poetry, very often treating moral and ethical problems of the day. It is extremely lyrical and sincere, but at the same time controlled and occasionally even harsh. Distinguishing features are tenseness of feeling; nervous passion; and merciless self analysis.

лик (*arch.*=лицó) — face

бойцóвский — *adj. from* боéц warrior, soldier

таёжный — *adj. from* тайгá

рáнним-рáно — very early. By repetition in Russian it is possible to strengthen the force of an idea.

ни вечóрки какóй (*colloq.*) — there is never a party

кручи́на (*poet.*, *popular*) — sadness, longing

считáй скóлько лет — for many years now

заповéдный — particularly dear, part of our inheritance

незакáтный — continual, never-ending

ангáрская — from the name of the river Ангарá

уж так повелóсь — such is the custom

разговóр по душáм — heart-to-heart talk

не стóит трудá — it's not worth the effort

ни к чемý — it won't get you anywhere

обойдётся! — it'll be all right, we'll manage

гуля́нка (*colloq.*=гуля́нье) — outdoor party with singing and dancing

окрéст (*bookish and arch.*) — around, in the neighbourhood

тоскá нипочём — grief will be out of place

заикнýться — to mention

знакóмец (*colloq. and arch.*=знакóмый) — friend, acquaintance

невдомёк тебé никáк — you just cannot grasp

без огля́дки — without looking back

мáлость (*colloq.*) — a little

поднимáть нá смех — mock at someone

VADIM SHEFNER (born in 1915) graduated from the Workers' Faculty of Leningrad University in 1937. He had worked as a stoker, heat engineer and draughtsman. During the Second World War he was at first a private then the correspondent of an army newspaper. His first work appeared in 1936 and his first book of collected verse *Светлый берег* (*Bright Shore*) was published in 1940.

Shefner tries through his clear and precise images to 'probe the very depth of the deep' and 'paint the colours of the world'. A wide range of natural phenomena, historical events and facets of human relations is covered in the short, aphoristic, metaphorical descriptions of events and thoughts employed by him. Besides his many lyrical 'landscapes', he has introduced successfully a new phenomenon into Russian verse—a lyrical representation of the 'town- or factory-scape', humanised and given soul and warmth. With him the poetry of the town is an extension of nature. Shefner's verse is concrete and his intonation is a little literary but the logicality and sometimes even the dryness of his poetry is softened and inspired by his powers of observation and his breadth of thought. His philosophical lyrics are daring and have a civic spirit. He has an extremely acute feeling of responsibility before the age he lives in and mankind, which finds a graphic expression in his taut and weighty poetic formulae.

до зарéзу — terribly much
размéнная монéта — small change
изначáльный (*bookish*) — initial

ALEXANDER MEZHIROV was born in 1923 in Moscow. He fought in the war till demobilised after a wound in 1943. He then entered the Gorky Institute of Literature in Moscow, some of his work having already been printed in 1941. His first book *Дорога далека* (*The Road is Long*) appeared in Moscow in 1947.

The major theme in all his work has been the war — *Ветровое стекло* (*The Windscreen*, 1961), *Прощание со снегом* (*Farewell to the Snow*, 1964). The poet tests all his personal affairs in the light of the grim experience it has given him, his war-time memories linking his past with his present. His poems show how the younger generation came to spiritual maturity in the crucible of war. They shed their illusions, and came through the flame and carnage of the bat-

tlefield by conquering their selfishness and feeling of isolation. A heightened sense of personal responsibility runs through all Mezhirov's poetry, summoning the reader to follow the path of justice and courage.

табуре́тка — stool

ветрово́е стекло́ — windscreen

по бе́лу све́ту — through the wide world

тря́ская грузова́я (маши́на) — jolting lorry

защи́тный (цвет) — khaki (colour)

во́рох — heap

стяг (*high style*) — banner

предзо́рный — *adj. from* перед зарёй before the dawn

дозо́рный — standing on watch

Синя́винские боло́та — During the siege of Leningrad and particularly in 1942 fierce battles raged in the Sinyavino district (the Sinyavino bogs). In the autumn of 1941 enemy forces advanced as far as the upper reaches of the Neva and the south shore of Lake Ladoga, completely cutting off Leningrad.

хлю́пать (*colloq.*) — to squelch

пя́титься — to retreat

де́нно и но́щно (*high style*) — day and night

по пята́м (идти) — follow not lagging behind

чело́ (*arch.*) — brow

MIKHAIL LUKONIN (born in 1918) worked on the Stalingrad Komsomol newspaper. Between 1937 and 1941 he studied at the Gorky Institute of Literature in Moscow. During the Second World War Lukonin was a war correspondent on army newspapers. His first book *Сердцебиение* (*Heartbeat*) appeared in Moscow in 1947.

Lukonin's poetry for the most part is confined to the theme of his generation in war and in peace. His poems are close to ordinary people and the soldiers. He hates war and praises the land, work, and the fruits of human labour. His long poems *Дорога к миру* (*The Road to Peace*, 1951) and *Признание в любви* (*Declaration of Love*. 1959) occupy an important place in his work.

начади́ть — to fill with smoke
ветрово́й — *adj. from* ве́тер
Никола́й Отра́да — young poet, killed in the Second World War
та́кать (*colloq.*) — to stutter
поимённые — with our names on
суро́веть — to become grim
безде́лица — a small thing
сбы́ться — to be carried out, to come about
насовсе́м (*colloq.*) — for ever

MIKHAIL LVOV (born in 1917) studied at the Gorky Institute of Literature. His first work was printed in 1936. During the war he served in the Urals Volunteer Tank Corps. His first book *Время* (*Time*) was published in 1940, but his pre-war poems were really just a beginner's attempts. One of his later books alone *Живу в 20-м веке* (*I Live in the Twentieth Century*, 1957) shows the whole tenor of his poetry: a realisation of his generation's responsibility before the time in which it lives. The poet has written both poetry on civic subjects and intimate lyrics expressing the innermost sufferings of the spirit, as well as philosophical verse on Man and Nature and the place of the poet in life.

ма́ло им роди́ться — it isn't enough to be born a man

SEMYON GUDZENKO (1922-1953). Even before entering the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature he had written many poems, but is chiefly known for his war poetry. He enlisted as a volunteer at the very beginning of the war, took part in the defence of Moscow and served with the partisan groups deep in the enemy rear. The war is the key theme of all his poems, whether he is talking about heroic feats, the comradeship of the front-line soldier or the hard life in the trenches: *Перед атакой* (*Before the Attack*), *Баллада о дружбе* (*Ballad on Friendship*), *Баллада об одиночестве* (*Ballad on Loneliness*), etc. His development from the first impressions of a soldier's life to a deep penetration into events, human relationships and the characters of men, can be traced throughout his work.

His post-war verse is included in the collections: *Закарпатские стихи* (*Carpathian Verses*, 1948), *Поездка в Туву* (*Trip to Tuva*, 1949) and the long poem *Дальний гарнизон* (*The Distant Garrison*, 1950) which concerns the soldier's daily round in peacetime. His later verses, with their leitmotivs of the will to live and belief in life, are a blend of all the themes and imagery he had employed over his whole life, and are used here to serve the single cause of the fight for peace. His poems vary in power but they catch the very essence of his life, are a biography of his generation and reflect the wholeness of his nature.

быть под на́чалом — to be under someone's command

окочене́вшая — hard-frozen

дыря́вящая (*colloq.*) — driving holes in...

глуши́ть во́дку — swallow down enormous amounts of vodka

замо́рская сторона́ (*arch. and colloq.*) — abroad

переу́лочный — *adj. from* переу́лок side-street

каме́нья (*arch*=ка́мни) — stones

заве́тная — *here*: dearest

ка́мень преткнове́нья (*bookish*) — obstacle, difficulty

BORIS SLUTSKY (born in 1919) received a legal training and studied at the Gorky Institute of Literature. In 1941 enlisted as a volunteer and went to the front. He began to have verse published in 1941, but his first book *Память* (*Memory*) came out only in 1957, at a time when publicistic poetry was developing extremely rapidly. His book tells about the war, about war preserved in his memory. His poetry leads one through an emphasis of everyday and prosaic things to an affirmation of duty and valour. It is full of contrasts and dissonance, its undertones are often tragic, and alongside the things of everyday life can be felt the immediacy of history. He speaks up boldly and plainly about the vital problems of the day, his perception of this world is simple but acute, while his ideas are nakedly rationalistic. Hence his polemically simplified style, with its use of unpoetic words, its prosaic manners and naïve tones. But beneath his dry style and economy of diction can be felt his genuine humanity and kindness.

He does translations from the literature of the Union Republics and other socialist countries. His poetry has had a lot of influence on the younger generation.

ша́йки с про́филем каба́ньим — wash-basins with the profile of a wild boar

парна́я — steam room in the Russian public baths, similar to and related with the Finnish *sauna*

горново́й — worker in a forge

ты́ща — *colloq.*=ты́сяча

в заго́не — on the down-grade, being hounded out

пега́совый — *adj. from* Пега́с Pegasus

после́дний — in place of the word гроб coffin

зако́нный (*colloq.*) — *here* husband, legal spouse

горева́я (*colloq.*) — bitter, grief-stricken (the word жизнь has been omitted)

белобры́сый — tow-haired

беспло́тный — incorporeal

челове́ки — *arch. and humorous variant of the plural of* челове́к

очка́стый (*colloq.*) — wearing glasses

языка́тый (*colloq.*) — sharp-tongued, argumentative

VASILY FYODOROV was born in Siberia in 1918. He worked on a collective farm, as a mechanic in a factory, and as a foreman. His first writing was for a factory newspaper with a large circulation. His first book *Лирическая трилогия* (*The Lyrical Trilogy*) was published in Novosibirsk in 1947, by which time Fyodorov was already in his 2nd year at the Gorky Institute of Literature in Moscow. Nearly ten years separate this book from his next ones. In 1958 two books appeared: *Дикий мёд* (*Wild Honey*) and *Белая роща* (*The White Grove*), in 1960 *Не левее сердца* (*No More Left Than My Heart*) and in 1961 *Лирика* (*Lyrics*). One of his best developed sides is the epic: noteworthy among his works are *Золотая жила* (*The Lode of Gold*), *Белая роща* (*The White Grove*), *Седьмое небо* (*The Seventh Heaven*). His best is *Проданная Венера* (*The*

Bartered Venus, 1958). This is a hymn to a spiritual beauty which is attained only through struggle and sacrifice. The search for the beautiful and attempts to hasten the hour when beauty and humanity will triumph, are key elements of Fyodorov's poetry, which goes deep into the national soil.

до жу́ти — *here*: to an extreme

отме́ченный судьбо́й — picked out by fate

городьба́ (*dial.*) — hedge, fence, enclosure

плаку́чая(и́ва) — weeping willow

куку́шка, друг, перекуку́й мне мо́лодость на вся́кий слу́чай — cuckoo, count out my young years anew for me, just in case

за́риться — regard someone with envy, passionately desire something

позёмка — ground-sweeping wind and blown snow

вскры́вшись по весне́ — opening up with spring

лог — wide gully

заме́та — sign

хруста́льный поставе́ц (*arch.*) — shelf, *here*: crystal tray

че́м-то се́рдце сту́дим — something makes our heart go cold

лет с двена́дцати пошёл по лю́дям — it's about twelve years since I went out into the world

что бы́ло от сохи́ — what came from the peasantry

YEVGENY VINOKUROV (born in 1925) commanded a platoon during the war. After demobilisation he studied at the Moscow Institute of Literature. His first work was printed in 1948. His first book *Стихи о долге* (*Poems about Duty*) appeared in 1951, since when he has published seven selections of his verse, the latest being *Музыка* (*Music*, 1964).

Vinokurov is a poet of philosophic vision. He thinks in broad and generalised categories. His poems *Свет* (*Light*) and the polemic *Мир разложил на части Пикассо* (*Picasso Divided the World into Parts*) are a sort of poetical creed. Both assert an individuality unthinkable without both specific features and internal harmony.

The features of his poetry are a synthesis of philosophical exaltation, irony and simple everyday detail. He seeks a philosophical comprehension of the world, through his hero and through the historical experience of his generation, defending the value of the individual as a free, independent and thinking being.

His poetry is concrete and close to prose in its descriptive make-up.

простира́ть ру́ки— to stretch out one's hands
ро́тный — company commander
степе́нный — serious, staid
быва́ло — (employed in conjunction with the present tense) used to
Поле́сье — an area in Byelorussia
ожгу́т — *from* оже́чь=обже́чь to burn
ови́н — a barn for drying corn sheaves
клюка́ — walking-stick
молоду́ха (*dial.*) — married woman
суда́чить (*colloq.*) — to gossip
захва́тывает дух — makes you gasp
чаровни́ца (*arch.*) — enchantress
зарде́ться — to blush
обмы́лок — a worn away bar of soap
замара́ть — to spatter, dirty
смоко́вница — fig-tree
заве́дши за́ голову (ру́ку) — (lying) on his back with his head on his arm
эде́мский — *from* Эде́м Paradise, Garden of Paradise
Освéнцим — Auschwitz Concentration Camp
зы́бко (*impers.*) — unsteady
погрести́ (под собо́й) — to bury (beneath itself)
ды́ба — the rack (mediaeval form of torture)
колесо́ — the wheel (instrument of torture and execution)
Нет как нет! — There is nothing at all!

KONSTANTIN VANSHENKIN (born in 1926) served in the paratroopers during the war and after demobilisation studied at the Moscow Institute of Literature. He began writing poetry in 1946. His first book *Песня о часовых* (*Song about the Sentries*) was published in Moscow in 1951.

War was the mould in which Vanshenkin's poetry was cast, he writes about the difficult life of the soldier, but his reminiscences are deliberately non-tragic, calm and sometimes even contemplative. He is a master of artistic detail, able to tap the boundless sources of poetry even in the most ordinary and unpoetical things. His poetry is lively, conversational and somewhat descriptive.

комба́т — battalion commander

лупи́ть — *word used to express forceful action*; *the most usual meaning* hit, strike

тарахте́ть (*colloq.*) — rattle, rumble

NAUM KORZHAVIN was born in Kiev in 1925. Although he only began publishing in magazines in 1955 and his first book *Годы* (*Years*) did not appear till 1963, as far back as 1945 he was widely known among writers and poetry lovers as one of the most talented students at the Moscow Institute of Literature. *Годы* is a book of poems about the contemporary, poems on war, on love, on historical events reminiscent of this day and age, on the dialectic of the era we are living through in its 'embodiment of contradictions' and its complexity. The Revolution and Russia are his two main themes and the two ideas achieve full unity: *Цикл о декабристах* (*The Decembrist Cycle*), *Бородино*, *Над книгой Некрасова* (*Over a Book by Nekrasov*), *Русская интеллигенция* (*The Russian Intelligentsia*) and so on.

He does not write sketches or impressionistic poems, but rather his very thoughts assume a poetic form; he always, as it were, catches his own fancy in full flight and any contact with the world at all is liable to spark off his poetic ideas. Whatever he may be writing about, Korzhavin digs up its very essence and truth. His poetic motto is 'Never mind if it hurts, so long as it is true'.

His poetry represents what could be termed as 'prosaic poetry' of the same order as Slutsky and Vinokurov.

Па́вел Ко́ган — young poet, died a heroic death during the Second World War

когда́ встава́л ко мне угла́ми мир — when the world began to show me its sharp corners

махну́л руко́й — I resigned myself to it

возьму́ оби́жусь — I'll get offended

не в си́лах жить в аду́ — I haven't the strength to live in hell

войти́ в коле́ю — to settle down in a rut

Он был противоре́чьем во плоти́. — It was a contradiction incarnate.

идти́ на риск — to risk all

не́ту за́сух — there are no droughts

ни к чему́ полуно́щные бде́нья — midnight vigils serve no purpose

от ве́ка зача́х — the times he lived in were responsible for his death

внима́ть (*high style*) — pay heed

а де́тям бы́ло не поня́ть — but the children were incapable of understanding

непослуша́нье — disobedience

а дни всё шли — but the days continued to pass

образцо́вый — exemplary

посты́ла — repellent

DAVID SAMOILOV was born in 1920. As a student of Moscow Institute of History, Philosophy and Literature he went to the front. He is one of the middle generation of Soviet poets, called by Alexei Surkov 'the poets of the trenches', for whom the war became a school teaching them human and poetic maturity.

The central theme of his two books of collected poetry—*Ближние страны* (*Twin Countries*, 1958), and *Второй перевал* (*The Second Pass*, 1963), is the nineteen forties, fateful years of war and battle. The memory of his people's great achievement, the saving of the world from the plagues of nazism and fascism; faithfulness to the last re-

quests of his comrades-in-arms who died for a peaceful world and for 'happy happiness' live on in his poetry.

He also has written some interesting poetical pictures of Russian history which he uses to make deep historical generalisations and comparisons with his own lifetime (The poems on Tsar Ivan and the poetic drama scenes *Сухое пламя—The Dry Flame*). The justice and the happiness of the people are the only objectives which justify actions taken by this or that leader. The imperishability of the popular dream of freedom and justice are the things which arrest the poet's attention when he resurrects the past.

Samoilov's poetry is obviously traditional; he uses neither new rhythms nor garish rhymes. His whole talent lies in his ability to reveal to the reader a poetic charm in ordinary words.

He is also a talented translator, particularly from the non-Russian Soviet Republics and from the socialist countries.

сороковы́е — the nineteen forties

перестýк — tapping, rumbling

погоре́льцы — people who've been bombed out, evacuees, refugees

полустáнок — a railside halt, platform

замýрзанный (*colloq.*) — dirty, worn out

не устáвный — not according to Military Orders

на бéлом свéте — in this wide world

задóрный — perky

кисéт — tobacco-pouch

набóрный — made up out of individual parts

балагýрить (*colloq.*) — to speak in a highly coloured language, using anecdotes and jokes to add interest

пáйка (хлéба) — bread ration

запáсть — to impress

Пáвел, Ми́ша, Илья́, Бори́с, Николáй — The poet is thinking of the young poets of the generation of Pavel Kogan, Mikhail Kulchitsky, Nikolai Otrada and others who were killed fighting for their country.

их повы́било желе́зом — they were mowed down by iron (note the second prefix in повы́бить, meaning one after another)

пого́жий — fine

ау́каться (*colloq.*) — to shout to each other

расступа́ться — to part

запле́чный мешо́к — rucksack

допи́ть ча́шу — to try, experience all sufferings

спи́ца — knitting needle

пря́жа — wool

Как ны́не сбира́ется ве́щий Оле́г — lines quoted from Pushkin's poem *Песнь о ве́щем Оле́ге*

дремо́тно — dreamily, half awake

бре́нность — frailty, mortal nature

без спро́са — without asking

сши́тые на вы́рост — made long, so that they can be grown into

ско́пище — gathering

по́прище — field of work

VLADIMIR TSYBIN was born in 1932 in Semirechye in Kirghizia. He studied at the Moscow Institute of Literature. His first work was published in 1952. From the beginning his poetry has shown contact with his native land, with his people and its oral poetic tradition. He is skilled at showing the originality of the flora and fauna of the place he comes from and of the characters and psychological attitudes of his heroes: *Верность* (*Faithfulness*), *Три сердца* (*Three Hearts*), *Журавли* (*The Cranes*). However, his latest collections *Бессонница века* (*Insomnia of the Age*, 1963) and *Пульс* (*Pulse*, 1963) go beyond a mere description of the beauty surrounding us. Beginning with the long poem *Две крови* (*Two Bloods*), a wise and tense lyrical theme appears in his poetry—the perception of the world at large by a man living at the fantastic pace of our 'passionate age'.

The emotion and passion of his poetry are put across in modern, dynamic speech rhythms and colourful imagery.

мы добрéй, чем, мóжет, есть — we may seem better than we actually are

не покáемся — we won't repent

я́сность несть (*colloq.* = нести́) — be clear, sinless, simple

в завéтном — in the dearest, in the most precious

снисходи́тельность копя́ — accumulating condescending superiority

охрáнная грáмота — safe-conduct

сы́знова (*colloq.*) = снóва

покáмест (*colloq.*) = покá

отлюби́ть, отгрусти́ть — *prefix* от *expresses the idea* to grow out of love, sadness, to finish with them

на попя́тную (*colloq.*) — to go back on a decision

от подру́г от перемéнчивых — from my fickle girl-friends

соглáсный — *here*: a person who readily agrees to something, or stands down without much persuasion

перебéжчивый — somebody who changes his opinions easily

довóльных за меня́ — people who are content with me, who praise me

гóнор (*colloq.*) — arrogance

рéвностно — carefully

паёк — rations

вéреск — heather

проторя́ть — to blaze (a trail)

темни́ть — to make dark, unclear

вéха — signpost

ми́ловать — to show mercy

маятá (*colloq.*) — disquiet, torment

тя́га — striving towards some goal, yearning

не оби́деть когó б — not to hurt anyone's feelings

кру́тость — *here*: cruelty, grimness

срóду в войнé — ever hostile, eternally at war

сши́блись в смéртной схвáтке — started a life-or-death fight

прозяба́ть — to lead a miserable empty life

прозрева́ть — to begin to see clearly

быть крещённым (с ве́ком одно́й бо́лью и ве́рой) — *here* to be part and parcel of one's life and times, one's age, have the same aches and beliefs

YEVGENY YEVTUSHENKO (born in 1933) was 19 years old when his first book of verse *Разведчики грядущего* (*Prospectors of the Future*) was published, but he had begun publishing work even earlier, in 1949. Between 1951 and 1954 he studied at the Gorky Institute of Literature in Moscow. In the last ten years he has published a number of books of verse: *Третий снег* (*The Third Snow*, 1955), *Шоссе Энтузиастов* (the name of a street in Moscow, 1956), *Обещание* (*The Promise*, 1957), *Нежность* (*Tenderness*, 1962), including the cycle of poems *О времени и о себе* (*On Time and on Myself*), on Cuba and on the Cuban Revolution. In 1965 his long poem *Братская ГЭС* (*The Power Station at Bratsk*) was printed.

As he himself says, the poet's highest duty is sympathy; and the highest form of sympathy is struggle. This reasoning underscores his humanism and his intolerance of dogmatism, bureaucratic methods, suspicion and hypocrisy.

In his poetry he has found expression for the unshackling of emotions, so characteristic of the generation which began to reach its maturity as citizens during the nineteen fifties. It is to this source that the extreme sincerity of his lyrical confession of faith and his attraction towards militant polemics are to be traced. The passionate publicist in Yevtushenko lives side by side with a penetrating lyricist who sometimes gives way to excessively naked lines about love.

His lyrical poetry combines realistic, accurate and laconical details from everyday life with an openly polemic manner and objectives. It is always topical, often accentuating his own likes and dislikes, vigorous, elastic and dynamic. In his prosody he has a preference for rhyme-schemes where the rhyme falls on the pre-stress syllable, a practice which sometimes reduces the rhyme to a barely distinguishable assonance. Occasionally he produces garish lines and biting turns of phrase.

чёлочка — forelock

гудящая изба́ — house noisy with music and the buzz of conversation

бра́га — a strong home-made drink

невмо́чь — not able, incapable of

вы́верт (*colloq.*) — a fancy way of twisting the legs in a dance

подко́вки — nails (on boots)

дробь — tapping

поволо́чь (*colloq.*) — to drag

Ги́тлеру — капу́т (*colloq.*) —— it is all up with Hitler

слёзыньки — *folk, poet., dim. of* слёзы tears

измоча́ленный (*colloq.*) — exhausted

вприся́дочку — dancing on one's haunches

Мне не пля́шется. — I don't feel like dancing.

поду́мать (то́лько)! (*excl.*) — there's an amazing thing!

толку́чка (*colloq.*) — bustle, people shoving

занима́ть с бо́ю — to take by force

бока́стые — with wide sides

в сса́динах и в ши́шках — scratched and bruised all over

не сто́ит — it's not worth it

развяза́ть — to undo (a knot)

проста́к (*colloq.*) — simple-hearted fellow

ROBERT ROZHDESTVENSKY (born in 1932) is an adherent of publicistic verse, one of the present-day disciples of Mayakovsky. He first drew the attention of the public with his poem *Моя любовь* (*My Love*, 1956) clearly reminiscent of Mayakovsky's *Про это* (*About This*) in the theme, which is the hero's encounter with the petty world of the Philistines, as well as in the style of versification and emotional colouring. In it one can discern what was to become the keynote of Rozhdestvensky's poetry: the search for new paths to distant horizons and restlessness of heart. His next books — *Необитаемые острова* (*Desert Islands*, 1962), which includes his long poem *Рек-*

виeм (*Requiem*), and *Ровеснику* (*To a Man My Own Age*), contain poems about himself, his generation, moral outlook, the joys of creation, the unknown heroes controlling atomic power, Man in space and the duty of the poet. He founds his verse on real life, which, he believes, must be the basis of the new poetry. The voice of Reality echoes through his best verse and civic feelings become a passion. The tonal qualities of conversation and persuasion are an integral part of his poetic appearance, but this leads to frequent repetition and somewhat didactic oratory.

The handing down of revolutionary ideas through the generations is the theme of his best poem *Реквием* (*Requiem*) dedicated to 'the memory of our fathers and elder brothers'.

величáво — stately

всех поимённо — each by name

посмéть — to dare

бéркут — golden eagle

подсóлнух — sun-flower

Part 5 is written in the style of a funeral plaint with typical folk use of diminutive suffixes: кровúночка (from кровь), зёрнышко (from зернó), зóрюшка (from зарý), гóрюшко (from гóре), лáстынька (from лáсточка), ничегóшеньки (from ничегó), глáзыньки (from глазá).

изболéться (*popular and poet.*) — to become worn out with grief
частокóлы нáдолб (нáдолба a roadside stone) — *here*: anti-tank obstructions
углáстый — *here*: with sharp angles
лепúть снежкú из кучевы́х облакóв — make snow-balls from cumulus clouds
побéг — young stalk
распахнúте — open wide
вéшний (*arch.*, *regional*)= весéнний
испúть чáшу до днá — drink down life in full measure
Покýда сердцá стучáтся — Until hearts cease beating

BELLA AKHMADULINA (born in 1937) graduated from the Gorky Institute of Literature in Moscow. Her first book *Струна* (*Chord*)

appeared in 1962. It has a colourful variety of subjects: searchings into the human heart, her first travels and impressions, thoughts on the art of poetry. Gradually her belief in the high equality between the artist and the man in the street (cf. the cycle of verses on Hemingway) crystallised and with it her feeling of kinship between people and of her links with the world was strengthened. The chord of her poetry responds to everything good and noble, replies to the anguish and joy of others and is sensitive to all sounds, colours, even the rustlings of this world. Her verse is orderly and refined. She is a virtuoso in the way she combines high poetry with really modern feelings and concepts. Her style is easy and artistic, sometimes bordering on the mannered and on sensitive stylisation. Her imagery is frequently fantastic, but it fits her subject matter and is extremely true to life. She even succeeds in making the reader believe in miracles.

Her latest long poem *Моя родословная* (*My Family Tree*, 1964) is interesting in that it shows a new range of interests—in men's doings, in the contemporary person seeking to make his life meaningful.

ни дворá ни колá — *i. e.* nothing, no buildings

пó мне — for me

усóпший (*arch.*) — passed away

шéствовать (*bookish*) — march solemnly

верховóдить всласть (*colloq.*) — run things to their heart's content

пóмыслы — intentions

сердобóльный — tender-hearted

гóмон — hubbub

самоцвéтный—shining, gleaming (usually of precious stones)

повéрженный—dethroned

враль (*colloq.*) — a liar

воронъё — flock of crows

чмóкать (*colloq.*) — kiss loudly

неурядица — confusion, trouble

озя́бший (*colloq.*) — cold

перетасóвывать — to shuffle (as cards)

маста́к (*colloq.*) — experienced person, a hand at something

проре́ха (*colloq.*) — a hole (in clothing)

гурьбо́й — in a crowd

потроши́ть — *here*: ravage

репе́йник — burdock

счастли́вая чета́ — a happy married couple

переступи́ть заве́тную черту́ блаже́нной ту́пости — to cross the longed-for boundary of blessed insensitivity

ты на себя́ не принима́й труда́ печа́литься — don't take on the burden of being sad

мензу́рка — measuring-glass

ANDREI VOZNESENSKY (born in 1933) is a graduate of the Moscow Institute of Architecture. He first introduced his poetry to the general public in 1958. A number of selections of his verse have since appeared: *Мозаика* (*Mosaic*, 1960), *Парабола* (*Parabola*, 1960), *Треугольная груша* (*The Triangular Pear*, 1962), *30 отступлений из треугольной груши* (*Thirty Antistrophes from the Triangular Pear*, 1962), *Антимиры* (*Antiworlds*, 1964) and *Оза* (1964).

Voznesensky adopts an attacking position, interferes directly in life, actively affirms his own standpoint, and refuses to submit to everyday routine thinking. He tries to convey the tenseness and dynamism of the present day in feverish rhythms, devoid of detail, semitones and logical changes in key. His purpose even when deliberately using formal effects or purposely creating an atmosphere of confusion with his paradoxes, is to reveal the inner essence of things. He opens the world up before us through complicated metaphors and by the sheer power of his indefatigable fantasy and frequent use of the grotesque. He uses imagery taken from the whole microcosm of city life, the world of science and technology, war themes, his impressions received from journeys abroad to America, France and Britain, and the intimate feelings of man. One of his main themes is art and its course of development in the twentieth century. *Мастера* (*The Masters*, 1959), the best of his earlier long poems, affirms the incompatibility of art and despotism. Another long poem *Лонжюмо* (*Longiumo*) is devoted to Lenin, a leitmotiv recurring throughout his work.

гудо́шник — a musician who plays the *gudok*, an old Russian three-stringed instrument

Ба́рма — 16th-century Russian architect who designed St. Basil's Cathedral in Red Square, Moscow

испепеля́ть — to turn into ashes

теса́ть — to cut, hew

первоpо́дный — *here*: genuine, the real

мурова́ть в сте́ны — to brick up a person behind a wall

кресáло (*arch.*, *regional*) — a circular metal plate used for striking fire from flint

Моаби́ты — the Moabites, a Biblical people who lived on the shore of the Dead Sea

крова́вые мозо́ли — blood-blisters

Зо́я (=Зо́я Космодемья́нская) — a young partisan, executed by the nazis in 1941

войтель (*arch.* =во́ин) — soldier, warrior

вая́тель — sculptor

ва́рево (*colloq.*) — stew

в пожа́рищах-сута́нах и с жёрлами цили́ндров — in flame-soutanes and in top hats

страхова́ть — *here*: protect, guard

резе́ц — chisel

кельма́ — the steel spade used by a mason to mix lime and cement

клеймо́ — brand

срам (*colloq.*) — shame

Ке́рченская каменоло́мня — quarry near the town of Kerch where partisan groups had their headquarters during the German occupation and where civilians sought shelter

чан — tub

поло́вень — scoop, ladle

завклу́ба (=заве́дующий клу́бом) — manager of the club

клу́бень — tuber, root

шелуха́ — husks

сполóшный — similar to a streak of lightning

штóльня — gallery, drift, tunnel

корóнный пассáж — leading passage, the height of a musician's art

нарýжно — outwardly

самá ты не своя́ — you're all a-tremble

нарýчники — handcuffs, manacles

гóрько! — By Russian custom Гóрько! is cried during the wedding toasts as a signal for the bridal couple to kiss.

гóрка — sideboard with glass doors

перепля́с — Russian dance where the dancers vie with each other, dancing in turn

дать кругаля́ (*slang*) — make a big detour, to go the long way round

кудáхтанье — the clucking of chickens, *here*: the gossiping of women

земнóе тяготéнье — force of gravity

гоготáть (*colloq.*) — to laugh loudly

рáйские кýщи (*bookish and arch.*) — our heavenly home, Paradise

фáлды — tail skirts

зачёты сдавáли — we took exams·

позывны́е — radio-station signature tune

Б. А. — To Bella Akhmadulina

ири́ска (*colloq.*) — a type of sweet

переплéск — splashing

заповéдные — *here*: untrodden

щекóлда — door-latch

тужýрка — coat, jacket

телóк — *colloq. from* телёнок calf

дуплó — hollow

продýтый — swept by the wind

токовáть — utter a mating-call

голоси́ть (*arch.*) — loudly, with lamentation, to weep

К. Л. Зели́нский — Soviet literary critic
акушёр — obstetrician
а́дова — difficult, terrible, as bad as in hell
но́ров (*colloq.*) — character, temper
ба́бка повива́льная — midwife
матёро — furiously
павиа́н — baboon
лучева́я боле́знь — radiation disease